

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД 1939-1945.

Опыт международного проекта

75-летию Победы посвящается

Фонд «Память, ответственность и будущее»
Воронежский институт высоких технологий
Научно-образовательный центр устной истории

Принудительный труд 1939-1945. Опыт международного проекта

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2020

УДК 94(47+57)''1941-1945 гг.

ББК 63.3(2)622,71

П76

С о с т а в и т е л ь,
о т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р
кандидат исторических наук, руководитель Научно-образовательного
центра устной истории ВИБТ *Н. П. Тимофеева*

Р е ц е н з е н т ы:
доктор исторических наук, профессор
Череповецкого государственного университета *Б. В. Петелин*;
кандидат исторических наук, секретарь российской части Совместной
комиссии по изучению новейшей истории российско-германских
отношений *В. В. Ищенко*

П76 **Принудительный труд 1939-1945. Опыт международного**
проекта / [сост., отв. ред. Н. П. Тимофеева]. – Воронеж : Изда-
тельско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. –
228 с. – ISBN 978-5-4446-1423-5.

В сборнике представлены статьи, проливающие свет на комплексную проблему нацистского принудительного труда и памяти о невольниках Третьего рейха. В материалах сборника содержатся также воспоминания двух бывших работниц принудительного труда из СССР, прошедших через опыт депортации, жизни в неволе и ресоциализации на Родине.

Издание предназначено для историков, культурологов, юристов, политологов, а также всех, интересующихся историей.

При оформлении обложки использована фотография из архива фирмы Мерседес-Бенц в Штутгарте «Принудительный труд на предприятии Мерседес-Бенц в Минске, 1942», любезно предоставленная д-ром Й. Биннером.

УДК 94(47+57)''1941-1945 гг.
ББК 63.3(2)622,71

© Фонд «Память, ответственность
и будущее», 2020

© Воронежский институт высоких
технологий, 2020

© Научно-образовательный центр
устной истории, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Оформление.

Издательско-полиграфический центр
«Научная книга», 2020

ISBN 978-5-4446-1423-5

Оглавление

<i>Тимофеева Н. П.</i> Время вспоминать и помнить	5
---	---

<i>Ле А.</i> Устная история как метод изучения современной истории. О значении субъективных воспоминаний для исторической науки	14
---	----

<i>Вайн Д.</i> Цифровые образовательные ресурсы на основе видеоинтервью о нацистском принудительном труде, созданные в Германии, России, Чехии и Польше. Общие принципы и локальные отличия	24
---	----

<i>Станьчик А.</i> Государственный музей Аушвиц-Биркенау: деятельность Международного центра просвещения об Аушвице и Холокосте	41
---	----

<i>Ермаков А. М.</i> Нацистский принудительный труд в отечественных школьных учебниках истории	53
--	----

<i>Князева О. В.</i> С какими трудностями могут сталкиваться педагоги при изучении судьбы узников нацизма на занятиях в школе?	69
--	----

<i>Фастова Е. И.</i> Потенциал образовательной платформы «Обучение на основе интервью. Принудительный труд 1939-1945» и метода устной истории в развитии проектных умений и навыков школьников	77
--	----

<i>Шерстяной Э.</i> Субъективность как ценное приобретение в школьном преподавании истории	87
--	----

<i>Биннер Й.</i> Советские граждане – работники принудительного труда в нацистской Германии	97
---	----

<i>Лёльке Я.</i> Принудительный труд на заводе Сименс в Равенсбрюк	108
--	-----

Майр Б. Завод Мессершмитта в Кематене – военнопленные и гражданские работники принудительного труда в тирольской общине..... 120

Интервью с бывшей «восточной рабочей» У. В. В., 1926 г. рожд. (Воронежская область). Интервьюер Тимофеева Н. П. 134

Интервью с бывшей «восточной рабочей» Ш. Р. В., 1926 г. рожд. (Воронежская область). Интервьюер Тимофеева Н. П. 193

Н. П. Тимофеева

Время вспоминать и помнить

Долгое время после окончания войны советские работники нацистского принудительного труда – военнопленные и «восточные рабочие» – являлись в СССР фигурами умолчания. «Находившийся на периферии официальной памяти о войне»¹ принудительный труд ока-зался и за пределами пристального внимания общества, а трагедия жизни советских людей в немецкой неволе осталась неизвестна по-давляющему большинству сограждан, включая иной раз даже родных и знакомых. Негласный запрет и отсутствие запроса в обществе на рассмотрение этой сложной темы исключили появление в советской историографии посвященных ей фундаментальных работ.

Ситуация начала меняться лишь после распада Советского Союза. 24 января 1995 г. на основании выводов Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий президент Российской Федерации Борис Ельцин издал указ № 63, в соответствии с которым восстанавливались права бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в годы войны и послевоенный период². Молчание ученых было прервано с появлением монографии П. М. Поляна³. Активный интерес российского общества к этой теме возник, прежде всего, в связи с выплатой Германией компенсации

¹ Подробнее см. статью в данном сборнике: Ермаков А. М. Нацистский принудительный труд в отечественных школьных учебниках истории. – С. 53-69.

² Указ Президента Российской Федерации от 24.01.1995 г. № 63 [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – М.: Сайт Президента России, 2017. – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7453>, свободный. – Загл. с экрана.

³ Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Советские военнопленные и оstarбайтеры в Третьем рейхе и их репатриация. – М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. Книга была переиздана в 2002 г. под названием «Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине» (М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

бывшим невольникам Третьего рейха⁴. Проблема принудительного труда советских граждан в Германии оказалась в центре ряда международных исследовательских проектов с участием российских историков, социологов и правозащитников. Среди них особое значение имеет проект «Биографическая документация рабского и принудительного труда в нацистской Германии»⁵. Он способствовал распространению в России метода устной истории, появлению региональных проектов и публикаций, посвященных трагедии советских военнопленных и «восточных рабочих». В то же время следует отметить, что интерес российского общества к проблеме нацистского принудительного труда был кратковременным, он начал последовательно снижаться с завершением в 2007 г. выплат компенсации и в связи с государственной политикой памяти, ориентированной, прежде всего, на консолидирующий потенциал памяти о победе⁶.

Несмотря на то, что в России появилось немало серьезных научных публикаций, раскрывающих в той или иной степени различные аспекты проблемы нацистского принудительного труда⁷, она все еще нуждается во всестороннем и систематическом освещении. При

⁴ Большое значение имела при этом деятельность немецкого фонда «Память, ответственность и будущее» и российского фонда «Взаимопонимание и примирение», завершившего свою работу в 2007 г.

⁵ См. подробнее: URL: <https://www.zwangsarbeit-archiv.de/ru/sammlung/entstehung/index.html>.

⁶ Данченко Е. Л. Забытые жертвы войны: «восточные рабочие» в российской культурной памяти // «Свой-другой-чужой»: Парадоксы взаимовосприятия русских и немцев в контексте истории XX в.: материалы конференции. – Воронеж: Наука – Юнипресс, 2014. – С. 108.

⁷ См., например: Е. Л. Данченко. Батраки поневоле. Принудительный труд «восточных рабочих» в сельском хозяйстве нацистской Германии (1941-1945). – Воронеж, 2012. – 168 с.; В. Н. Земсков. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944-1952 гг. – М., 2016. – 424 с. Особое значение имеет издание документов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), подготовленное в сотрудничестве с Германским историческим институтом в Москве (ГИИМ): Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944-1952: сборник документов в 2 т. – М.: Политическая энциклопедия, 2019.

этом следует отметить интенсивно развивающееся краеведение, значительное число опубликованных личных воспоминаний⁸, доступные для посетителей коллекции живописи бывших советских военнопленных⁹. Свою роль играет и утвердившийся интерес к семейной истории.

В последние годы в России идет процесс коммеморации советских военнопленных как многочисленной группы жертв войны, погибших на оккупированной территории СССР. В этом процессе чаще всего инициатива исходит от учителей и поисковиков. Так, в Воронежской области были установлены памятники и мемориальные доски советским военнопленным, погибшим в годы оккупации при строительстве железной дороги в Острогжском и Каменском районах¹⁰.

Большое значение имеет появившееся в 2012 г. по инициативе граждан движение «Бессмертный полк»¹¹. Российское общество меняется. Ныне очевидно общественное признание советских военнопленных в качестве жертв войны, несмотря на распространение привычных интерпретаций прошлого. Свою роль в этом сыграл и Историко-культурный стандарт как основа курса истории в 10 классе средней школы. В Разделе VII, где речь идет о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., учитель обязан обратить внимание обучающихся на такие аспекты нацистского оккупационного режима, как:

⁸ См., например: Никифорова А. А. Это не должно повториться. – СПб.; М.: Речь, 2017; Память. О судьбах наших земляков, жителей Дона, ставших узниками фашистских концентрационных лагерей уничтожения. Составитель Л. С. Муратова. – Ростов-на-Дону, 2020.

⁹ В их число входит коллекция работ бывшего узника Шталага II В в Хаммерштайне, художника М. П. Милованова, хранящаяся в Липецком областном краеведческом музее.

¹⁰ Эта железная дорога известна под названием «Берлинка». Всего в годы оккупации на территории Воронежской области нацисты создали около 50 лагерей для советских военнопленных и местного населения. Десятки тысяч заключенных погибли от голода, холода, болезней и непосильного труда. – Подробнее см.: Попова Е. С., Стрелкин В. В. «Берлинка» – дорога на крови. – Воронеж, 2016.

¹¹ См. подробнее: URL: <https://www.moypolk.ru/letopis-polka>.

«массовые преступления гитлеровцев против советских граждан. Лагерь уничтожения. Холокост. Нацистский плен. Уничтожение военнопленных и медицинские эксперименты над заключенными. Угон советских людей в Германию»¹². Определенную лепту внесло и принятое 21 мая 2015 г. решение германского бундестага о выплате «символического денежного пособия» в размере 2500 евро бывшим советским военнослужащим, находившимся в немецком плену в годы Второй мировой войны¹³. Запоздалый жест ФРГ вызвал дискуссию в российском обществе и способствовал утверждению эмпатии к данной группе жертв войны.

В то же время наблюдается заметное снижение интереса к проблеме принудительного труда в судьбе «восточных рабочих». В 2018-2020 гг. мне довелось работать с учителями в Воронеже и Липецке, а также в районных центрах Воронежской, Липецкой и Саратовской областей. И в каждой группе находились педагоги, ничего не знавшие не только о судьбе депортированных в годы войны в Германию советских граждан, но и не умевшие дать определение понятия «восточные рабочие». Очевидное отсутствие интереса на основе неосведомленности, неуверенность в возможности и праве учителя на обращение к долго табуированной истории данной группы жертв войны¹⁴ свидетельствуют о реальной опасности ее вытеснения из российской культуры памяти. При этом исчезает важная информация об опыте не только бывших «восточных рабочих», не сумевших заявить о себе, когда это стало возможно, но и их потомков.

¹² См.: URL: <https://www.mcmar.ru/историко-культурный-стандарт-основа-курса-истории>.

¹³ Выплаты осуществлялись на основе заявлений бывших советских военнопленных. Последняя возможность подать заявление была 30 сентября 2017 г. В течение года после принятия этого решения бундестага деньги получили 367 человек. – См.: URL: <https://www.dw.com/ru/немецкое-пособие-бывшим-советским-военнопленным-получившим-не-много/a-19239455>.

¹⁴ См. подробнее статью в данном сборнике: Князева О. В. С какими трудностями могут сталкиваться педагоги при изучении судьбы узников нацизма на занятиях в школе. – С. 69-76.

Известно, что в качестве культурной практики педагогическая работа реализует миссию реактивации прошлого, предоставляя ему, таким образом, шанс¹⁵. В значительной степени от учителя зависит ныне ответ на вопрос – будут ли молодые россияне идентифицировать себя с многочисленными группами жертв войны, к которым относятся и советские работники нацистского принудительного труда – военнопленные и «восточные рабочие». Формирование российской гражданской идентичности обучающихся должно быть обеспечено школой в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом¹⁶.

Учитывая вышесказанное, Научно-образовательный центр устной истории Воронежского института высоких технологий (ВИВТ) создал в партнерстве с Центром цифровых систем Свободного университета г. Берлин при поддержке фонда «Память, ответственность и будущее» онлайн-платформу «Обучение на основе интервью. Принудительный труд 1939-1945»¹⁷. Работа над платформой велась в со-трудничестве с Институтом всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН), Германским историческим институтом в Москве (ГИИМ) и Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ). Онлайн-платформа состоит из шести кратких биографических фильмов, полные версии которых можно найти в онлайн-архиве интервью «Принудительный труд 1939-1945.

¹⁵ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 25.

¹⁶ ФГОС среднего общего образования (10-11 классы) // fgos.ru. См. также: URL: <https://sites.google.com/site/grazdanskidentic/soderzanie-modula/3-zadaci-formirovania-grazdanskoi-identichnosti-v-kontekste-prioritetov-fgos>.

¹⁷ URL: <https://obuchenie-na-osnove-intervyu.org>. Кроме российской онлайн-платформы ныне существуют германская, чешская и польская. – Подробнее см. статью в данном сборнике: Вайн Д. Цифровые образовательные ресурсы на основе видеointервью о нацистском принудительном труде, созданные в Германии, России, Чехии и Польше. Общие принципы и локальные отличия. – С. 24-41.

Воспоминания и история»¹⁸, а также фильма, проливающего свет на исторический контекст нацистского принудительного труда¹⁹.

В 2018-2020 гг. сложилось взаимодействие представителей ряда крупных высших учебных заведений Российской Федерации с целью апробации учебной платформы и онлайн-архива. Заняв достойное место в науке и образовании России, названные электронные ресурсы могут способствовать сохранению памяти о принудительном труде как важном элементе национал-социалистического господства и сделать проблему жертв принудительного труда более зримой в культуре памяти России.

Партнерские центры действовали в Воронежском институте высоких технологий (ВИВТ), Волгоградском социально-педагогическом университете, Елецком государственном университете, Курском государственном университете, Ярославском государственном педагогическом университете, Нижегородском государственном педагогическом университете (2019-2020 гг.). В качестве координатора выступил Научно-образовательный центр устной истории ВИВТ. Представители высшей школы работали со студентами и учителями. Самостоятельное участие в проекте принимали учителя-методисты из г. Санкт-Петербург.

Существенное внимание проекту уделяла Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Руководитель Научно-образовательного центра устной истории ВИВТ, член Совместной комиссии, канд. ист. наук Н. П. Тимофеева дважды выступала с сообщением о реализации проекта на ее заседаниях (Мюнхен, 2018; Воронеж, 2019).

¹⁸ URL: <https://www.zwangsarbeit-archiv.de/ru/index.html>.

¹⁹ См. подробнее: Таузендфройнд Д., Тимофеева Н. П., Евдокимова Т. В. Принудительный труд в нацистской Германии: онлайн-архив интервью и связанная с ним учебная онлайн-платформа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24. – № 1. – С. 183-195.

Большое значение для работы всех партнерских центров имели международные научно-практические семинары «Принудительный труд 1939-1945. История и воспоминания», состоявшиеся на базе Курского государственного университета (май 2018 г.), Елецкого государственного университета (октябрь 2018 г.), Ярославского государственного университета (январь 2020 г.) и Волгоградского государственного социально-педагогического университета (май 2019 г.)²⁰. Во всех семинарах, кроме российских коллег, принимали участие ученые из Австрии, Германии и Польши. Выступления и дискуссии представителей партнерских центров и гостей делали возможным обмен опытом и дидактическими находками, знакомство с практическими наработками специалистов в сфере памяти о жертвах нацизма, теоретическими и методическими аспектами проблемы принудительного труда в концентрационных лагерях. На семинаре в Ярославле состоялась эмоциональная и одновременно информативная встреча с представителями Российского союза бывших несовершеннолетних узников фашизма (РСБНУ) – Б. К. Костиным и Л. К. Крюковой.

За два года работы выявилась и некоторая специализация партнерских центров. Например, в Ярославском государственном педагогическом университете д-ром ист. наук А. М. Ермаковым разработан и читается специальный курс, посвященный теме принудительного труда и роли устных исторических источников в ее изучении. В Волгограде определилось основное направление интересов группы молодых исследователей, работающих под руководством д-ра ист. наук, профессора Т. В. Евдокимовой. На научно-практическом семинаре партнерских центров в мае 2019 г. с докладом выступила М. Козинская²¹. Она предложила вниманию участников семинара сравнительный анализ письменных и устных источников. Он был

²⁰ Представители Нижегородского государственного педагогического университета присоединились к проекту в 2019 г. В октябре 2019 г. на базе факультета гуманитарных наук состоялся установочный семинар по проекту.

²¹ М. Козинская работает под руководством профессора Т. В. Евдокимовой, обучаясь в магистратуре на кафедре всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения.

сделан на основе видеоинтервью со свидетельствовавшей на Франкфуртском процессе полькой Анной Паларчик, представленного в архиве «Принудительный труд 1939-1945. Воспоминания и история»²², и материалов к краткому биографическому фильму, сконструированному на основе этого интервью²³. Тематика выпускных квалификационных работ студентов факультета исторического и правового образования включает ныне в Волгограде и вопросы, связанные с историей нацистских концентрационных лагерей, нашедших трагическое отражение в судьбах бывших узников. О них повествуют интервью и биографические фильмы онлайн-архива и учебной платформы.

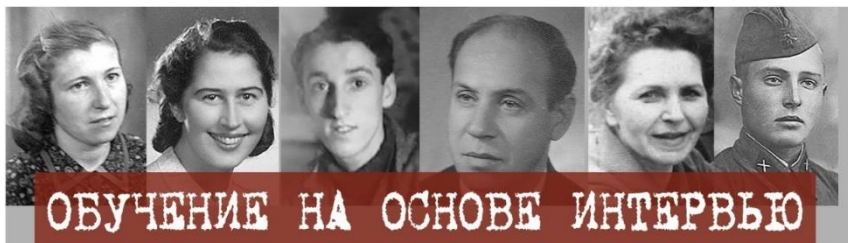
Особого внимания заслуживают состоявшиеся в рамках проекта инновационные наработки учителей-практиков: Загуменнова Д. А., Парамоновой О. В., Фастовой Е. И. (г. Волгоград), Князевой О. В. (г. Санкт-Петербург), Макарцовой С. Ф. (г. Ярославль), Бочаровой В. Р. (г. Воронеж). Их опыт свидетельствует, что использование предлагаемых российским педагогам интернет-ресурсов стирает границу между респондентами, интервью с которыми там представлены полностью или в качестве кратких биографических фильмов, и российскими пользователями интернет, к коим ныне относятся все школьники страны. Таким образом, индивидуальный опыт бывших работников принудительного труда может занять достойное место в общественном сознании России, повлияв и на ее культуру памяти. Естественный уход поколения переживших войну требует активного участия системы образования в сохранении и осмыслении также опыта испытания неволей миллионов наших соотечественников.

В данном сборнике представлены статьи участников семинаров – ученых и учителей, людей, занятых сохранением памяти о трагедии войны и жертвах нацизма. Издание сборника в год 75-летия Победы над фашизмом призвано подчеркнуть ее значение.

²² См.: URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru/interviews/za401>.

²³ См.: URL: <https://obuchenie-na-osnove-intervyu.org/biografii/anna-palarchik#/zadaniya>.

Выражая благодарность за поддержку фонду «Память, ответственность и будущее», следует отметить, что успех проекта был обеспечен также усилиями руководства Воронежского института высоких технологий. Реализации проекта способствовала и заинтересованность представителей всех партнерских центров.

А. Ле

Устная история как метод изучения современной истории.

О значении субъективных воспоминаний для исторической науки¹

В социальных и гуманитарных науках опрос очевидцев имеет давнюю традицию². В исторической науке устные свидетельства с древних времен использовались в качестве источников. Тем не менее, только в 1970-80 гг. наблюдался стремительный рост интереса к опросу очевидцев в контексте биографических исследований. При этом в научных дисциплинах разрабатывались различные проблемы, а также методы и стратегии исследований. Тогда же появилась общая тенденция выделения субъективного или индивидуального применительно к изучению общества. Выражением данной позиции стало растущее сомнение в основополагающих теоретических разработках. Биографическое исследование столкнулось с потребностью в независимой исследовательской перспективе, которая подчеркивала бы важность деятельности индивидуума в противовес существующим структурным условиям.

В исторической науке опрос очевидцев утвердился под названием «устная история», причем США и Великобритания играли ведущую роль, в то время как другие страны следовали за ними с определенной дистанцией³. Первоначально данное направление исследований столкнулось с большим противостоянием со стороны устоявшейся исторической науки. За пределами университетов, напротив, устная история пользовалась большой популярностью. В 1980-х гг. существовало движение историков, представители которого использовали метод опроса очевидцев, начавшийся еще с кассетных магни-

¹ Перевод Елены Артемовой.

² См. также: Leh A. *Biographieforschung* // Gudehus Ch., Eichenberg A., Welzer H. (Hg.) *Gedächtnis und Erinnerung. Ein interdisziplinäres Handbuch.* – Stuttgart, 2010. – S. 299-311.

³ Подробнее см.: Wierling D. *Oral History* // Maurer M. (Hg.) *Aufriß der historischen Wissenschaften. Bd. 7. Neue Themen und Methoden der Geschichtswissenschaft.* – Stuttgart, 2003. – S. 81-151.

тофонов и пленок с фонограммами, чтобы дать так называемым «маленьким людям» возможность высказаться, узнать их взгляд на историю и интегрировать его в историографию. Лозунгом того времени была «история снизу», история «маленьких людей». Все это сочеталось с демократическим порывом привести в историю тех, кого преобладающая историография всегда игнорировала.

В тематическом плане основными направлениями исследования в Германии стали, прежде всего, времена национал-социализма и Второй мировой войны. Тем не менее, интервью состоялись и по многим другим темам и историческим эпохам. Таким образом, за последние 40 лет оказалось опрошено большое количество очевидцев, повествовавших о различных аспектах истории XX века.

При этом с годами можно было наблюдать процесс нормализации и профессионализации в работе, связанной с опросом очевидцев. Речь идет о нормализации с точки зрения использования сегодня интервью с очевидцами событий, как чего-то само собой разумеющегося, в качестве исторических источников в научных исследованиях – там, где это предполагается тематически. Предубеждения первых лет были в значительной степени преодолены, и свидетельства очевидцев стали неотъемлемой частью повествования об исторических событиях на выставках, в документалистике и художественных фильмах.

Профессионализация привела к разработке конкретного метода интервьюирования. В то время как в эйфории ранних лет существования устной истории царила идея, что любой, кто знает, как обращаться с кассетным магнитофоном, может проводить опрос очевидцев, с годами выработался и утвердился метод проведения нарративного интервью.

Характерной чертой данного метода является то, что интервью не структурируется по вопросам. Интервьюируемого просят рассказать историю своей жизни в свободной форме. Такой подход основан на предположении, что повествование с определенной необходимостью следует за ходом прошедших событий. Таким образом, повествование является подходящей речевой формой для оживления в памяти

ти образов прошедшей реальности, в то время как сообщения в форме доклада или рассуждения с аргументацией характеризуются большей дистанцией в отношении того, о чем идет речь. Прежде всего, так называемое принуждение к ходу изложения должно привести к тому, что рассказчик сообщит о событиях в соответствии с их последовательностью. Это принуждение приведет к необходимости завершить начатый рассказ. Но чтобы быть понятым, повествование требует информации, которую можно даже не вспомнить или не воспроизвести без знания истории.

В идеале такое интервью проходит в три этапа. На первом этапе интервьюируемого просят подробно рассказать историю его жизни в соответствии с собственными критериями актуальности. В ходе этой свободной фазы интервьюер по возможности вообще не вмешивается, а только внимательно слушает интервьюируемого, тем самым мотивируя его к продолжению повествования. После этой свободной фазы интервьюер задает вопросы для осмысления услышанного. На третьем этапе он может задавать вопросы на интересу-

ющие его темы, которые до сих пор еще не были затронуты. На всех этапах интервью направлено на то, чтобы побудить интервьюируемого к рассказу о ходе событий, в которые рассказчик был активно или пассивно вовлечен.

Но возможно ли это в принципе? Какую роль играет при этом память, способность воспоминания? Забывание, вытеснение из памяти, ложь – все это вопросы первостепенного значения для работы с очевидцами. Несомненно, биографические источники имеют особый шарм, не в последнюю очередь в контексте музея или выставки. Но их пригодность в качестве источника для научных исследований неоднократно подвергалась сомнению. Однако мы, как историки, знаем, что даже предположительно объективные современные письменные источники не всегда приближают нас к исторической истине.

Давно прошли времена, когда историков, работающих с интервью в рамках устной истории, обвиняли в наивном обращении с их источниками. Действительно, дебатам о методологии применительно к условиям происхождения источников отводится большое место в историко-биографических исследованиях. Центральную роль в этих дебатах играет техника интервьюирования. Можно смело констатировать, что для утверждения биографических исследований решающее значение имела разработка независимого метода. В качестве такового преимущественно утвердилось уже упомянутое нарративное интервью, разработанное социологом Фрицем Шютце. Нарративная составляющая является ядром базовой структуры интервью, выступая, таким образом, в качестве своеобразного методологического краеугольного камня в других форматах интервью, таких как полуструктурированное интервью, тематически сфокусированное интервью или групповое интервью.

Почему так происходит? Какое значение имеет в интервью нарративный подход, повествование?

Фриц Шютце исходил из того, что повествование с определенной необходимостью следует за ходом событий прошлого⁴. Согласно данной идее, повествование является подходящей речевой формой для оживления в воображении образов прошлого. Ф. Шютце пошел далее, предположив, что режим повествования побуждает интервьюируемого представлять прошедшие события и свое участие в них таким образом, как это было на самом деле. Особенно рассказ экспромтом, без всякой подготовки, является в соответствии с таким подходом вполне подходящей формой воспоминаний, потому что в данном случае «поток повествования» течет параллельно «с потоком имевших место переживаний в течение жизни». Большинство историков не так оптимистичны, как Ф. Шютце. Остается открытым вопрос, насколько история жизни, рассказанная в интервью, соответствует реально прожитой жизни. При этом вряд ли кто-то усомнится в том, что повествование положительно влияет на способность воспоминания. Поэтому данный метод интервьюирования смог утвердиться в преимущественной степени.

Тем не менее, нарративно-биографическое интервью неоднократно подвергалось жесткой критике. Одним из наиболее известных критиков является французский социолог Пьер Бурдьё. Он назвал биографическое интервью «биографической иллюзией»⁵. Автобиографический рассказ всегда, по крайней мере, частично, определяется целью придать смысл, разработать логику путем превращения событий повествования в этапы необходимого развития. Рассказчик – «идеолог собственной жизни». При этом он будет поддержан интервьюирующим его исследователем. Потому что ученый также заинтересован услышать осмысленную историю жизни, которая соответствует его исследовательским тезисам. Результатом такого интервью

⁴ См.: Schütze F. Zur Hervorlockung und Analyse von Erzählungen thematisch relevanter Geschichten im Rahmen soziologischer Feldforschung – dargestellt an einem Projekt zur Erforschung von kommunalen Machtstrukturen // Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hg.): Kommunikative Sozialforschung. – München, 1976. – S. 159-260.

⁵ Bourdieu P. Die biographische Illusion // BIOS. Zeitschrift für Biographieforschung und Oral History. – 3. Jg. (1990). – S. 75-81.

является «создание идеального социального артефакта, [...] который называется "история жизни"»⁶.

Другой выдающийся критик Харальд Вельцер также назвал интервью артефактом, искусственным продуктом⁷. Как социальный психолог, Х. Вельцер обращает внимание на взаимодействие интервьюера и интервьюируемого. Основная предпосылка интеракционистской социальной психологии состоит в том, что «один говорит то, что, как он думает, другой ожидает от него услышать». Если это так, то интервью не является рассказом о прожитой жизни, как предполагает Ф. Шютце, но в значительной степени обусловлено тем, что интервьюер охотно хотел бы услышать.

Еще более интересным является вопрос воспоминания и памяти. Из современных исследований, посвященных проблемам памяти, известно, что память всегда возникает в социальном контексте и не вызывается как раз и навсегда сохраненный образ воспоминания. Каждое воспоминание – это сложный нейронный процесс, в котором картина воспоминания изображается «с ориентацией на пользователя». Кроме того, исследования памяти показывают, что негативное влияние на процесс запоминания могут оказать даже такие эмоциональные воздействия, как страх или стресс. В таких случаях, хотя эмоциональная реакция вспоминается стабильно, может возникнуть большая неопределенность относительно события, вызвавшего ее. И, наконец, воспоминание также может стать артефактом, а именно когда события, которые вспоминаются при визуальном присутствии, на самом деле представляют собой воображаемые события или адаптированные из других контекстов – хотя вспоминающий человек субъективно убежден, что он сам пережил рассматриваемое событие. Если серьезно относиться к данной критике, то интервью можно использовать лишь как источник для изучения современности – иными словами, для того, чтобы выяснить восприятие «происходящего сегодня

⁶ Ebenda. – S. 80.

⁷ Welzer H. Das Interview als Artefakt. Zur Kritik der Zeitzeugenforschung // BIOS. Zeitschrift für Biographieforschung und Oral History. – 13. Jg. (2000). – S. 51-63.

как прошедшего события»⁸. Аргумент впечатляет, но неприемлем для историко-биографического исследования.

Как историки, мы не можем интерпретировать биографическое интервью только применительно к современности и не можем полностью отказаться от вопроса: «Как всё это, собственно, было на самом деле?»⁹

Проблема источника, которую ставят перед нами такого рода интервью, не нова для исторической науки. В конечном счете, каждый исторический источник находится под влиянием конструктивного характера восприятия и памяти. И наш ежедневный хлеб, как историков, заключается в том, чтобы анализировать источники с помощью соответствующих методов на предмет их информационной ценности, учитывая при этом ограниченность их радиуса действия. Метод критики источников – это как раз то, на чем историческая наука основывает свои претензии считаться наукой. Что это означает при проведении и анализе интервью с очевидцами?

Воспоминание – это, прежде всего, то, что является частью нашего ежедневного опыта¹⁰. И из этого опыта мы знаем, что память работает иногда более, иногда менее надежно, но в повседневной жизни большей частью неплохо справляется со своими задачами. Едва ли кому-то придет в голову отказываться в суде от показаний свидетелей на основании того аргумента, что эти показания в принципе не идентичны процессу совершения преступления. Конечно, показания свидетелей основаны на субъективном, избирательном воспоминании, они детерминированы определенным замыслом. Тем не менее, показания являются частью юридической процедуры, которая позво-

⁸ Ebenda. – S. 61.

⁹ Известная цитата из: Ranke von L. Sämtliche Werke. Bd. 33/34. – Leipzig, 1885. – S. 7.

¹⁰ Lutz Niethammer L. Fragen – Antworten – Fragen. Methodische Erfahrungen und Erwägungen zur Oral History // Niethammer L., Plato A. von. (Hg.): «Wir kriegen jetzt andere Zeiten». Auf der Suche nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Ländern. – Berlin/Bonn, 1985. – S. 392-445.

ляет приблизительно определить степень соответствия истине отдельных заявлений.

То же самое относится к воспоминанию-интервью. Речь здесь идет об активации памяти таким образом, чтобы могли возникнуть воспоминания. Именно это – активация воспоминаний – является задачей интервьюера. Чтобы выполнить эту задачу, он должен быть хорошо знаком с исследуемыми обстоятельствами, чтобы при необходимости стимулировать процесс их вспоминания респондентом с помощью наводящих вопросов. Но еще важнее откровенность и внимание к историям жизни и рассказам о пережитом опыте интервьюируемого. Важной характеристикой такой стратегии интервью является максимальное предоставление инициативы собеседнику, чтобы возникло пространство для «отступлений» от темы в процессе воспоминания.

Это означает, что с помощью методов интервьюирования можно генерировать воспоминания, которые близко подводят к имевшей место реальности, не будучи полностью идентичными с ней. Помимо откровенности в процессе интервьюирования решающую роль играет измерение в биографическом масштабе. Не отдельные этапы жизни или определенные части биографии должны быть предметом интервью, а вся история жизни. В этом широком контексте интервьюируемый имеет возможность вплести в ткань повествования ссылки и описания, эпизоды и различные сведения, так что появляется многообразие, которое способно активировать память интервьюируемого и которое в то же время создает отправные точки для проверки достоверности источника изнутри¹¹.

¹¹ См. подробнее: Plato A. von. Zeitzeugen und die historische Zunft. Erinnerung, kommunikative Tradierung und kollektives Gedächtnis in der qualitativen Geschichtswissenschaft – ein Problemaufriss // BIOS. Zeitschrift für Biographieforschung und Oral History. – 13. Jg. (2000). – S. 5-29.

Оба аспекта – измерение в биографическом масштабе и откровенность в процессе интервьюирования – представлены в методе нарративного трехэтапного интервью, разработанного Ф. Шютце. Именно поэтому данный метод интервьюирования смог настолько широко утвердиться. Наибольшим его преимуществом является относительная степень откровенности участников процесса интервьюирования, достигаемая за счет значительной сдержанности интервьюера. Потому что чем больше пространства остается для интервьюируемого, тем меньше опасности нагрузить интервью допущениями, которые преформируют результат.

Разумеется, воспоминания такого рода, полученные в ходе интервью, не обязательно должны быть правдой. Из них не вытекает само собой подтверждение правильности информации, и существует много возможных причин, в силу которых информация может быть неверной. Учитывая структуры интеракции и памяти, речь не может идти о том, чтобы верить воспоминаниям очевидцев событий без их критического осмысления. Более того, необходима критическая оценка и интерпретация, которые также включают проверку степени соответствия высказанных утверждений истине. И как раз интервью, проведенное с учетом упомянутых аспектов, предлагает для этого множество отправных точек. Исключительно полезными и уместными оказываются методы критики исторических источников, проверка внутренней непротиворечивости, сравнение с высказываниями других респондентов и сопоставление с другими видами источников. Результат предполагает не окончательную уверенность, а получение критически проверенных, вероятных приближений, открытых для интересубъективной проверки.

Наконец, не последнюю роль играет познавательный интерес, из-за которого и проводятся интервью с очевидцами событий. Действительно, речь идет не о том, чтобы добыть у очевидцев сведения, которые столь же хорошо или даже лучше (могут быть) известны из других источников. При проведении интервью с очевидцами речь идет как раз о вопросах, для которых нет другого источника, кроме субъективных воспоминаний. Имеется в виду то, как люди пережили историческое событие, и какое значение оно имело для них самих и для истории¹². Внутренняя логика процесса конструирования биографии, развиваемая очевидцами в ходе интервьюирования, не является чем-то второстепенным или каким-то препятствием в рамках нарративного интервью, которое необходимо отбросить для восстановления реальных событий прошлого. Она сама – предмет интереса для исследования, эксплицитно осознающего себя в качестве истории опыта.

¹² См. также: Plato A. von. Oral History und Biografie-Forschung als «Verhaltens- und Erfahrungsgeschichte». Eine wissenschaftsgeschichtliche Skizze // Jürgen Mittag (Hg.). Biografische Ansätze zur Geschichte der Arbeiterbewegung im 20. Jahrhundert. Mitteilungsblatt des Instituts für soziale Bewegungen. – Heft 45. – 2011. – S. 37-49.

Д. Вайн

Цифровые образовательные ресурсы на основе видеосвидетельств о нацистском принудительном труде, созданные в Германии, России, Чехии и Польше. Общие принципы и локальные отличия¹

Биографические повествования современников национал-социализма могут способствовать изучению истории молодым поколением через призму индивидуального опыта отдельных людей. Это относится, как явствует из наблюдений, и к интервью с видеосъемкой². Но можно ли в преподавательской практике применить метод изучения истории на базе этих весьма субъективных источников, если при этом следует учитывать особенности источника, отвечать задачам, поставленным различными учителями, и способствовать развитию активного осмысления истории у молодежи? В последние годы в Свободном университете Берлина в сотрудничестве с партнерами из Чешской Республики, Российской Федерации и Республики Польша³ были разработаны цифровые платформы, которые позволяют применять метод обучения с помощью видеосвидетельств, созданных на основе воспоминаний бывших работников принудительного труда. При этом учитывалась специфика системы образования в каждой из четырех стран.

В данной статье изложены общие принципы оформления названных платформ, финансировавшихся Фондом «Память, ответ-

¹ Перевод Елены Артемовой.

² Interactions. Explorations of Good Practice in Educational Work with Video Testimonies of Victims of National Socialism, 2018.

³ Для чешской платформы – Общественная некоммерческая организация «Живая память» (Živá paměť) в Праге, возглавляемая Шарка Ярска (Šárka Jarská); для российской платформы – Научно-образовательный центр устной истории при Воронежском институте высоких технологий под руководством Натальи Тимофеевой; для польской платформы – Фонд KARTA под руководством Алисии Вансерц-Глуза (Alicja Wancierz-Gluza), для немецкой платформы – Центр цифровых систем (CeDiS) в Свободном университете Берлина под руководством Николаса Апостолопулоса.

ственность и будущее», а также показана специфика конкретных подходов к их разработке в Германии, Чешской Республике, Российской Федерации и Польше.

Исходные положения

Более 25 миллионов человек были вынуждены работать на нацистскую Германию во время Второй мировой войны⁴. Многочисленные жертвы нацистского принудительного труда десятилетиями сталкивались с отсутствием интереса к этой проблеме в странах, обремененных последствиями преступлений нацизма, несмотря на различие причин.

В последние двадцать лет ситуация стала меняться в связи с символическими компенсационными выплатами дожившим до преклонного возраста бывшим работникам рабского и принудительного труда⁵ и открытием архивов в Восточной Европе. Появились многочисленные исследования⁶. К сожалению, в рамках школьного образования почти во всех европейских странах принудительный труд и его жертвы в нацистской Германии оставались до сих пор лишь незначи-

⁴ Цифры даны только в приблизительной оценке, особенно, что касается принудительного труда в оккупированных странах. Центр документации нацистского принудительного труда в Шёневайде исходит из числа не менее 26 миллионов человек. – См.: Fröhlich U., Glauning Chr., Hax I., Irmer Th., Kerstens F. Zwangsarbeit im NS-Staat. Ein Überblick. // Dokumentationszentrum NS-Zwangsarbeit Berlin-Schöneeweide der Stiftung Topographie des Terrors (Hg.). Alltag Zwangsarbeit 1938-1945. Katalog zur gleichnamigen Dauerausstellung. – Berlin, 2012. – S. 24-54.

⁵ После многолетних международных переговоров в 2000 году был создан фонд «Память, ответственность и будущее» (EVZ), в который внесли средства немецкое государство и компании, чтобы выплатить бывшим подневольным работникам символическую компенсацию (2500-7000 €) на основе заявительного принципа.

⁶ Все еще считающиеся основоположниками, несмотря на многочисленные отдельные исследования: Herbert U. (Hg) Europa und der «Reichseinsatz». Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland, 1938-1945. – Essen, 1991; Spoerer M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa. – Stuttgart, München, 2001.

тельным примечанием в учебниках. Устноисторические интервью, как живые воспоминания, могут, однако, сыграть особую роль в образовательном процессе разных стран. Многоаспектные биографические повествования из архива интервью «Принудительный труд 1939-1945», которые были записаны в 2005-2006 гг. под руководством Александра фон Плато в 26 странах и на 27 языках⁷, образуют соответствующую базу для разработки учебных материалов, позволяющих учащимся проанализировать опыт принудительного труда при национал-социализме.

Во всех названных выше странах изучение истории на базе цифровых ресурсов все еще находится в школьном образовании на относительно ранней стадии. Хорошо продуманная с методической точки зрения учебная платформа может стать здесь важным ресурсом, поскольку она позволяет сделать легкодоступным такой вид источника, как видеointервью, а также предоставить задания и дополнительные контекстные материалы, к которым молодые люди получают доступ также с компьютеров, планшетов и смартфонов.

Общие системы понятий, несмотря на различия культур памяти

Интенсивному сотрудничеству в пределах нескольких стран способствовало взаимодействие центральных участников проекта с теми, кто создавал архив интервью о нацистском принудительном труде. И если Свободный университет Берлина с 2008 г. в научном и техническом плане переработал коллекцию, включающую почти 600 интервью⁸, и разработал первые учебные материалы, хранящиеся на

⁷ Das Interview-Archiv «Zwangsarbeit 1939-1945. Erinnerungen und Geschichte» // URL: <http://www.zwangsarbeit-archiv.de>.

⁸ Почти все интервью были переведены на немецкий язык и снабжены транскрипциями, оглавлением, реестром и краткими биографиями. Они доступны после регистрации пользователей в онлайн-архиве «Принудительный труд 1939-1945». Онлайн-архив доступен на немецком, английском и русском языках.

компактных дисках⁹, то чешские, российские и польские партнеры участвовали в проведении интервью в своих странах. На международных семинарах в процессе подготовки к интервью были согласованы единые методические и технические стандарты их проведения. В беседе с респондентами использовался метод нарративного интервью, который позволяет добиться максимальной откровенности повествования, что поощряется сопереживающим отношением интервьюера. На следующем этапе интервьюирования задаются дополнительные вопросы, в ходе которых уточняются отдельные аспекты. Тот факт, что продолжительность записи в среднем составляет 3,5 часа, указывает на успешность данного методологического консенсуса.

Хотя проект проведения интервью базируется на общеевропейском научном опыте, культуры памяти на уровне различных стран

⁹ Учебные материалы на дисках «Принудительный труд 1939-1945. Свидетельства очевидцев для занятий» распространяются через Федеральный центр политического образования Германии.

оставались «раздробленными»¹⁰, а опыт принудительного труда – по-прежнему «национализированным»¹¹. Данное положение вещей учитывается в обучающей платформе, которая на общей концептуальной основе создает в разных странах пространство для различных историй жизни, различных подходов, а иногда и спорных вопросов.

Обучение на основе интервью. Дидактические принципы

С дидактической точки зрения, обучение на основе интервью следует основному выводу, эпохальные события XX века не сменяют друг друга без всякой связи, они «пережиты» людьми. Кроме того, благодаря **биографическому подходу**, происходит «превращение рассказчика в субъект, владеющий исторической информацией, что означает признание его как личности»¹². Получасовые **фильмы-интервью** структурированы в биографическом и хронологическом плане. При этом фильмы, максимально приближенные к оригинальному источнику, остаются основным элементом обучающих платформ.

Другим принципом является **многоаспектность**, в рамках которой намеренно отбираются от шести до семи очень разноплановых нарративов. Они контрастно дополняют друг друга и при этом стоят в одном ряду как отдельные главы. Интервью, взятые почти исключительно из архива «Принудительный труд 1939-1945», были отобраны в соответствии с критериями, ориентированными на конкретную ситуацию в разных странах.

¹⁰ Экспертное интервью с координатором проекта Александром фон Плато // URL: <http://www.zwangsarbeit-archiv.de/projekt/experteninterviews/plato1>, 04:55-05:25.

¹¹ Plato Alexander von. Bilanzierung des Befragungsprojekts zur Zwangsarbeit. Einige Überlegungen sechs Jahre danach // Apostolopoulos N., Pagenstecher C. (Hg), *Erinnern an Zwangsarbeit. Zeitzeugen-Interviews in der digitalen Welt.* – Berlin, 2013. – S. 31-41.

¹² Barricelli M., Lücke M. (2013). Für eine Weile noch. Videozeugnisse zur NS-Vergangenheit aus geschichtsdidaktischer Sicht // Apostolopoulos N. Pagenstecher C. (Hg.) *Erinnern an Zwangsarbeit.* – S. 56.

При монтаже фильмов происходит **контекстуализация** на нескольких уровнях: интервью сопровождаются краткой биографией с интерактивной картой, на которой отмечены основные события биографии. Кроме того, существует специальный вводный контекстный фильм с учетом специфики конкретной страны, в котором анализируются масштабы принудительного труда в нацистской Германии и его последующая история вплоть до наших дней. В качестве общих инструментов для всех глав предлагаются словарь терминов и временная шкала, облегчающие учащимся проведение собственных исследований. В раздел **заданий** включены основные документы по теме принудительного труда в нацистской Германии и последующей истории данного вопроса.

Критический подход к источникам выражается в тесной связи обучающей платформы с архивом «Принудительный труд 1939-1945», который обеспечивает доступ к полным версиям интервью. В «заданиях повышенного уровня сложности» молодым людям предлагается сравнить фильмы-интервью с оригинальной версией, оценить фрагмент фильма или найти информацию касательно определенного места или темы из других фрагментов оригинальной версии.

Пользователи платформы – не только внимательные слушатели и зрители в гостинной очевидцев событий в ее цифровом измерении. Им предлагается поведать о своих мыслях, чувствах, задать вопросы и поделиться результатами своей работы по изучению материалов фильма-интервью. При этом они могут составлять собственные тексты в рабочем окне, комбинируя их с фотографиями, документами и фрагментами видеointервью. Наконец, молодые люди могут представить результаты работы по нескольким главам в виде буклета с возможностью его презентации онлайн, сохранения в формате PDF, а также вывода на печать. Это позволяет зафиксировать результаты исследований, мысли и интерпретации, вынести их на обсуждение.

Учителя нуждаются в соответствующем ознакомлении с темой принудительного труда в период нацизма, которая до сих пор для большинства из них малознакома. Методические комментарии ко всем заданиям и конкретные рекомендации облегчают им подготовку

к занятиям. Помимо этого, учителя могут создавать дополнительные «собственные задания» для своих учебных групп или адаптировать задания в соответствии с потребностями своих учеников. Благодаря широкому кругу тем, которые затрагиваются в рассказах респондентов, онлайн-платформа может использоваться на уроках по различным предметам, а также в рамках интегрированных уроков. Деление заданий на модули: «Узнать – осмыслить – обсудить» ориентировано на учебный блок продолжительностью 90 минут и, таким образом, соответствует структуре, которая, если сравнивать образовательные системы различных стран, чаще всего удобно сочетается с учебным планом. Платформа также может использоваться в рамках проектной деятельности, исследовательских работ или вузовских (учительских) семинаров.

Во всех локальных вариантах платформы посредством заданий происходит тематизация интервью как особой формы повествования, а также устанавливаются связи с настоящим. При этом все платформы, наряду с вопросами идентичности, внешней атрибуции и самоопределения, также предлагают для обсуждения вопросы о продолжающемся существовании антисемитизма, расизма и националистических идеологий. Таким образом, подборка интервью и составление заданий призваны способствовать внедрению активных форм обучения, развитию у учащихся нарративной компетенции, медийной грамотности, критического подхода к источникам, умения высказывать суждения, размышлять. Ниже представлено конкретное воплощение этого в каждой из четырех стран.

Немецкоязычная обучающая платформа¹³

В Германии идеология национал-социализма была не только разработана, но при массовой поддержке всего немецкого общества претворена в жизнь, что означало беспощадное преследование политических противников, истребление евреев, ведение войны на уничтожение на Востоке и принудительный труд миллионов депортированных людей. Такая историческая действительность вплоть до

¹³ Немецкая обучающая платформа. URL: <https://lernen-mit-interviews.de/>.

наших дней обуславливает особую специфику процесса изучения проблем национал-социализма. В течение долгого времени при изучении данной темы в школах преобладали документы и записи преступников. И в настоящее время тема принудительного труда занимает второстепенное место, хотя существует множество важных причин не пренебрегать изучением этого пласта нацистских преступлений и его реальными проявлениями в обществе.

Подборка интервью

При выборе интервью для немецкой онлайн-платформы приоритет отводился наиболее многочисленным категориям бывших работников принудительного труда, которым до сих пор уделялось недостаточно внимания. Например, на платформе представлено интервью с одним из 600 000 итальянских военных интернированных, которые были признаны «не имеющими права на компенсацию» за принудительный труд в интересах нацистов. Также в фокусе внимания находились происхождение, сфера деятельности, пол, возраст, социальное положение, жизнь в послевоенный период, кроме того, при отборе интервью важную роль сыграл факт идентификации в повествовании пространства действий и сторон, получавших выгоду от использования принудительного труда, и, наконец, стиль повествования.

Что касается происхождения бывших подневольных работников, немецкий вариант онлайн-платформы включает интервью с респондентами польской, русской, итальянской, французской, английской и чешской национальностей и только одно интервью на немецком языке – с немецким синто из Восточной Пруссии. Учащиеся могут воспользоваться опцией синхронизированного перевода для каж-

дого фильма, что в сочетании с транскриптом и переводом обеспечивает возможность работы на занятии на двух языках.

При монтаже в начало каждого фильма-интервью ставился пролог, в котором очевидцы событий говорят об основных аспектах своего интервью, таких как мотивация или границы повествования.

Особые тематические акценты

а) вина и долг

Есть ряд тем, которые являются специфическими для немецкой онлайн-платформы. В первую очередь, это комплекс, связанный с чувством вины и долгами, возникшими в результате использования принудительного труда во времена Третьего рейха. Эти темы часто затрагиваются в интервью, будь то описание опыта, пережитого при столкновении с разными немцами, или оценка того, как немцы разобрались со своим наследием прошлого. Зинаида Башлай резюмирует: «Это мужество – признать свою вину, даже если это не ваша собственная вина, а вина ваших отцов и дедов»¹⁴. Именно потому, что сегодняшняя школьная аудитория лишь частично состоит из потомков общества преступников, данная цитата может побудить молодых людей к формированию своих собственных суждений.

Долгое время в сознании немецкого общества не присутствовали ни чувство вины, ни осознание долгов, связанных с использованием принудительного труда в нацистской Германии. Только с конца 1980-х гг. в связи с большой активностью со стороны выживших и отдельных ассоциаций и союзов в международную повестку дня были включены претензии по поводу невыплаты заработной платы, ущерба для здоровья и выгоды, полученной компаниями. В контекстном фильме прослеживается история компенсаций бывшим работникам принудительного труда, поскольку она является центральным звеном для понимания и оценки текущей ситуации. Даются задания, в которых молодым людям предлагается высказать свою точку зрения отно-

¹⁴ Фильм-интервью с Зинаидой Башлай, 21:10-21:25. URL: <https://lernen-mit-interviews.de/menschen/sinaida-baschlai>.

сительно «символической компенсации» или поведения всемирно известных немецких компаний.

б) связь с краеведческими и генеалогическими исследованиями

Поскольку принудительный труд был повсеместно распространенным явлением, вплоть до сегодняшнего дня еще можно найти следы его использования: в общественном пространстве это здания и сооружения, построенные подневольными работниками, с бывшими жилыми помещениями и рабочими местами. В онлайн-архиве «Принудительный труд 1939-1945» по поиску на карте можно найти места, связанные с историей принудительного труда, о которых говорится в интервью. Также в семейных историях молодых людей иногда встречаются рассказы, повествующие о подневольных работниках в самых различных ракурсах, которые могут быть рассмотрены с учащимися в классе.

в) актуальные темы для обсуждения

Важные комплексы заданий формируются в ходе знакомства с рассказами о конкретном опыте преследования. Они затрагивают универсальные животрепещущие темы, такие как, например, вопросы собственной идентичности, по поводу которых респонденты также высказывают свое мнение. Кроме того, звучат темы отчужденности, свободы, работы, вынужденной миграции, а также вопрос о том, что, собственно, может означать сопротивление в наши дни.

В завершение предлагается дискуссия, призванная продолжить характерную для источника диалогическую форму повествования, в ходе которой молодые люди могли бы задать интересующие их вопросы. Здесь затрагивается важный элемент исторического сознания, поскольку наши вопросы возникают в результате знакомства с историями выживших. В то же время мы осознаем, что именно мы являемся теми, кто сегодня должен дать на них ответы.

Чешская обучающая платформа¹⁵

Принудительный труд во имя военной экономики Третьего рейха был массовым явлением и в тогдашнем протекторате Богемии и Моравии. Число мужчин и женщин, депортированных в рейх, оценивается в 450-600 тысяч человек, а вместе с заключенными концлагерей и работниками, задействованными на территории протектората, это число увеличивается еще на десять тысяч человек¹⁶. Чехи использовались в основном на промышленных предприятиях и в сфере производства вооружений, на строительных площадках, в системе железнодорожного сообщения Третьего рейха, в ремесленных мастерских или, реже, в сельском и лесном хозяйствах.

В Чешской Республике и бывшей Чехословакии работники принудительного труда принадлежали в течение долгого времени к так называемым забытым жертвам национал-социализма. Хотя их и не упрекали в сотрудничестве с врагом, они, тем не менее, занимали незначительное место в официальной памяти страны. Главная роль в «официальном повествовании» отводилась борцам коммунистического Сопротивления и партизанским отрядам. Франтишек Майнуш, автор первых научных работ на тему принудительного труда¹⁷, долгое время не имел последователей.

Поскольку опыт бывших работников принудительного труда скоро не сможет передаваться в устной форме, трансляция их историй следующим поколениям с помощью видео- и аудиоинтервью дает возможность «встретиться» с очевидцами в другой форме, передаваемой через цифровую платформу.

¹⁵ Чешская обучающая платформа. URL: <https://nucenaprace.cz/>.

¹⁶ М. Шпёпер оценивает число чешских работников принудительного труда в 355 000. – См.: Spoerer M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa. – Stuttgart, München, 2001. – S. 41

¹⁷ Mainuš F. Totální nasazení. Češi na pracích v Německu 1939-1945. – Brno, 1991.

Подборка интервью

Целью отбора было, не пренебрегая группами жертв, центральными в культуре памяти после 1945 г., привлечь внимание к другим группам подневольных работников и, таким образом, расширить общую картину. Опыт обсуждения в рамках семинаров повышения квалификации чешских преподавателей подтверждает предположение о том, что учителя находят целесообразным привлечение разнопланового опыта респондентов и заинтересованы в выборе регионально значимых интервью.

Были отобраны интервью семи очевидцев, как бывших заключенных концентрационных и трудовых лагерей, так и «гражданских» подневольных работников, депортированных на территорию рейха. Они преследовались в качестве евреев, цыган, активных борцов Сопротивления, политических заключенных, а также в качестве представителей большинства населения Богемии и Моравии, которое, согласно нацистской идеологии, считалось неполноценным и использовалось на принудительных работах. История жизни немецко-чешско-еврейской семьи Петера Деметца свидетельствует о полиэтничности в довоенной Чехословакии.

В получасовом контекстном фильме горизонт рассмотрения темы принудительного труда расширяется до европейских масштабов. Представлены судьбы подневольных работников из других стран и обсуждается вопрос компенсации. Для более глубокого изучения этого вопроса имеются фрагменты из интервью с работниками принудительного труда из Советского Союза, Польши и Франции, а также пропагандистская еженедельная кинохроника эпохи протектората за 1943 г.

Особые тематические акценты

Для каждого короткометражного фильма на онлайн-платформе предлагаются задания, которые разделены на три модуля:

1. «Большая и малая история» – побуждает молодых людей устанавливать связи между «большой» политической и «малой» личной историей.

2. Задание «История жизни» способствует развитию базовых навыков, таких как понимание, пересказ и воспроизведение.

3. «Темы для размышления» – отсылают к углубленному изучению каждого отдельного фильма-интервью.

Подобно фильмам-интервью, задания посвящены как периоду до Второй мировой войны, так и после нее. Приводятся воспоминания о довоенной Чехословакии, эмиграции после коммунистического переворота 1948 г., а также о Пражской весне и ее подавлении в 1968 г.

Наряду с формированием исторических знаний задания способствуют развитию общих аналитических навыков и современных компетенций в различных сферах. Здесь следует упомянуть умение отличать реальность от пропаганды, вопросы прав и свобод человека, процессы принятия решений и их последствия, поведение человека в экстремальных условиях, солидарность и поддержку.

Российская обучающая платформа¹⁸

Во время Второй мировой войны несколько миллионов советских людей – гражданских лиц и военнопленных – были депортированы на территорию рейха, где принудительно трудились вместе с другими иностранцами. Вернувшись на родину, они не были признаны жертвами войны, их судьба замалчивалась в советском обществе. Ныне существуют несколько научных публикаций и многочисленные инициативы на эту тему¹⁹, но предпринимаемые усилия ограничены региональными рамками, общественный резонанс недостаточен, и информация по данной теме представлена весьма скудно в учебниках для средней школы.

¹⁸ Российская обучающая платформа. URL: <https://obuchenie-na-osnove-intervyu.org/>.

¹⁹ Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944-1952 гг. – М., 2016; Полян П. М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2002.

С конца 2014 г. доступна русскоязычная версия онлайн-архива интервью «Принудительный труд 1939-1945. Воспоминания и история»²⁰. Это дает надежду на то, что личный опыт бывших подневольных работников станет частью общественного сознания и коллективной памяти России. Русскоязычная версия учебной платформы призвана стать одним из связующих звеньев хрупкой цепочки передачи исторического опыта между поколениями.

Подборка интервью

Российская обучающая платформа включает шесть биографических фильмов, три из которых рассказывают о судьбах советских граждан: еврея, пережившего Аушвиц-Биркенау, бывшей «восточной рабочей», интернированной в Равенсбрюк, а также бывшего советского военнопленного, прошедшего несколько концентрационных лагерей.

Отобраны и воспоминания немки, депортированной в концентрационный лагерь Равенсбрюк по политическим мотивам и исключенной из так называемого «народного сообщества», политзаключенной из Польши, выполнявшей обязанности писаря в концентрационном лагере Аушвиц-Биркенау и выступавшей в качестве свидетеля на Франкфуртском процессе в 1960-х гг. История французского подневольного работника является свидетельством противоправной политики нацистской Германии на территории Франции. Этим людям, принадлежащим к различным категориям жертв войны, долгое время не уделялось никакого внимания в российском обществе и науке, в связи с чем необходимо донести до российских учащихся информацию о страданиях людей различной национальной государственной принадлежности.

Они представлены на стартовой странице платформы слева направо в хронологическом порядке, в соответствии с направлением нацистской экспансии. Это позволяет сконцентрировать фокус внимания на войне на Восточном фронте, положении евреев и советских

²⁰ Русскоязычная версия архива «Принудительный труд 1939-1945». URL: <http://prinuditelnyj-trud-archiv.org/ru/>.

людей в качестве «недочеловеков» в нацистской расовой идеологии, а также на страдания немцев, поляков и французов, которые не соглашались с идеями нацизма. Таким образом, образовательная среда платформы делает возможным преодоление узко национальной перспективы. В то же время, на платформе содержится информация о многообразии форм принудительного труда в нацистской Германии и на оккупированной части Европы во время Второй мировой войны и, как следствие, о совершенно различных шансах на выживание для жертв принудительного труда: от «уничтожения трудом» и рабского труда заключенных в концентрационных лагерях до систематического истребления путем доведения до голодной смерти, которому подвергалась большая часть советских военнопленных.

Особые тематические акценты

Задания разделены на три модуля: в первом происходит знакомство с биографическими фильмами, вопросы второго модуля помогают исследовать характер принудительного труда. Большое внимание уделяется сопротивлению и солидарности заключенных, независимо от их национальной и государственной принадлежности. Во всех фильмах описывается жизнь респондентов после освобождения. Вопросы об этом периоде позволяют исследовать, с какими трудностями сталкивались бывшие работники принудительного труда после их возвращения в СССР, а также проанализировать степень их присутствия в культуре памяти России или других стран.

Выполняя задания последнего модуля, учащиеся старшего возраста сравнивают биографический фильм с полным интервью из онлайн-архива и анализируют принципы конструирования нарративных интервью.

Контекстный фильм дополняет необходимые базовые знания о принудительном труде в нацистской Германии и его месте в культуре памяти России и Европы. В качестве источников собраны многочисленные материалы, многие из которых представлены российской публике впервые. Документы частных архивов бывших жертв нацизма

или государственных архивов позволяют проводить многоаспектные исследования.

Польская обучающая платформа²¹

В Польше доминирует культура памяти, ориентированная на героев и мучеников, в которой уделяется большое внимание национальному историческому опыту. Поскольку подавляющее большинство отдельных повествований бывших подневольных работников не вписывается в схему героического или мученического поведения, обучающая платформа вносит важный вклад в диверсификацию исторической памяти.

Польская платформа была запущена летом 2019 г., что делает ее самой молодой локальной версией. Хотя в Польше уже существует устойчивая традиция работы с устноисторическими источниками, обучающая платформа, с точки зрения содержания и дидактики, является инновационной, особенно в отношении школьного образования в Польше. Она сочетает в себе наглядность биографического видеointервью с интерактивностью цифровых медиа.

Подборка интервью

Все семь отобранных интервью были взяты у бывших подневольных работников из разных областей довоенной Польши, которые в силу различных обстоятельств вынужденно трудились на Германский рейх: на предприятиях по производству оружия и в сельском хозяйстве, в органах государственного управления, на территории рейха и в восточных регионах страны, которые сначала входили в сферу влияния СССР. Среди респондентов – еврейка, а также женщина, которая за свою деятельность в польском подполье была депортирована в концентрационные лагеря Аушвиц, Равенсбрюк и Хельмбредтс. Наряду с англоязычным и русскоязычным интервью (Тося Шнайдер и Ольга Андреевна Дьяченко) пять фильмов-интервью предлагаются на польском языке.

²¹ Польская обучающая платформа. URL: <https://edukacja.wojnaipamiec.pl/>.

Для сравнения границ на всех исторических картах Польша может быть показана в границах 1939 г.

Также и на польской обучающей платформе модульная структура заданий основана на схеме, ориентированной на школьные занятия («ознакомление – креативная деятельность – обсуждение»). Новшеством является маркировка уровня сложности отдельных заданий с помощью звездочек, что обеспечивает выполнение заданий базового уровня. Благодаря этому становятся более заметными сложные задачи для использования в университетах. В то же время этот локальный вариант платформы предлагает пользователям наибольшее количество заданий на сегодняшний день. С целью углубленного изучения вопроса здесь систематически используются «задания повышенного уровня сложности», и часто в рабочее поле вводится редакторский контент, так что молодые люди иногда могут найти там текст с проблемами для заполнения или таблицу.

Поскольку польская система школьного образования переживает эпоху перемен, фонд KARTA стремится внедрить учебную платформу во внешкольное образование.

Выводы

Принимая во внимание масштабы четырех стран, возможности распространения, а также период времени, в течение которого платформы уже существуют онлайн, можно утверждать, что число пользователей растет примерно в сопоставимых масштабах²². Вскоре появится более достоверная информация о количестве пользователей, и тогда, безусловно, было бы целесообразно провести сравнительный анализ контента, созданного на базе обучающих платформ.

Также было бы желательно расширить общий для разных стран потенциал образовательных платформ в будущем. Так, на польской платформе уже имеется фильм на английском языке, а на российской платформе – два фильма-интервью на немецком языке и один – на

²² На начало декабря 2019 г. немецкая платформа насчитывала 3320, чешская 960, российская 2160 и польская 112 активных пользователей.

французском; в свою очередь, на немецкой платформе – один фильм на польском языке и один – на русском. В случае перевода отдельных глав немецкоязычные, польские и русскоязычные группы могли бы работать с одним и тем же интервью, например, на занятиях в двуязычных классах или в рамках международных молодежных обменов.

Примечательно, что после проведения интервью представителям четырех стран было относительно легко договориться о дидактических принципах и цифровых форматах при разработке концепции и монтаже фильмов-биографий на базе устноисторических интервью. В результате был найден одобренный всеми подход, отвечающий целому ряду педагогических и методических требований при работе с этими особенными источниками. Данный подход, использованный при разработке обучающих платформ, основан на признании ценности биографических повествований и включает в себя вопросы, которые способствуют развитию нарративной и медийной компетенции, критического отношения к источнику, умения высказывать суждения и размышлять, а также призваны содействовать внедрению активных форм обучения и предлагают широкие возможности для разработки и презентации собственных результатов. Необходимой предпосылкой общей основы было следующее: платформа предоставила всем пространство для разработки независимого контента с локальной спецификой, который может быть изменяемым и находится в состоянии изменения – как наш собственный взгляд на каждое отдельное видео-интервью.

А. Станьчик

Государственный музей Аушвиц-Биркенау: деятельность Международного центра просвещения об Аушвице и Холокосте

27 января 1945 г. войска 59-й и 60-й армий 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза И. С. Конева освободили концентрационный лагерь и центр уничтожения евреев Аушвиц. Солдаты Красной Армии обнаружили на территории всего

комплекса¹ только около семи тысяч заключенных, поскольку большинство из них нацисты эвакуировали вглубь Третьего Рейха в другие концлагеря, которые были освобождены позже². Немцы не успели уничтожить лагерь перед освобождением, в живых остались многие свидетели всего, что произошло в лагере за почти пять лет его существования. Тем не менее, вопрос о создании места памяти на территории бывшего лагеря оставался открытым. С одной стороны, существовало мнение, что это место надо сохранить и передать его историю будущим поколениям, чтобы Аушвиц никогда больше не повторился. С другой стороны, было очень много сторонников идеи полного уничтожения всего, что осталось на территории бывшего лагеря, а все, что там произошло, предлагалось забыть и начать жизнь заново. В конечном счете, благодаря бывшим узникам, приоритет получила идея создания мемориала, и в 1947 г. был основан Государственный музей Аушвиц-Биркенау³.

Официально музей существует со 2 июля 1947 г. Тогда польский парламент принял закон об «увековечении памяти о мученичестве Польского Народа и других Наций», но открытие музея состоялось 14 июня 1947 г. Это была годовщина депортации первых польских политических заключенных в Аушвиц в 1940 г. В торжественном мероприятии приняло участие несколько десятков человек. С речью выступил, в том числе, Юзеф Циранкевич, премьер-министр Польши и бывший узник Аушвица⁴.

¹ Весь комплекс Аушвица состоял из трех основных частей: Аушвиц 1, Аушвиц 2-Биркенау и Аушвиц 3-Моновиц, а также приблизительно из сорока сублагерей. – Подробнее см.: Auschwitz. Nazistowski obóz śmierci. Red. F. Piper, T. Świebicka. – Oświęcim, 2008. – S. 19-36.

² См. подробнее об освобождении Аушвица: Auschwitz. Węzłowe zagadnienia z dziejów obozu. Red. W. Długoborski, F. Piper. T. 5. – Oświęcim, 1995. – S. 7-46.

³ См. подробнее о создании музея: Lachendro J. Zburzyć i zaościć...? Idea założenia Państwowego Muzeum Auschwitz-Birkenau w świetle prasy polskiej w latach 1945–1948. – Oświęcim, 2007.

⁴ URL: <http://auschwitz.org/muzeum/historia-muzeum/od-wyzwolenia-do-powstania-muze-um/otwarcie-muzeum> (дата обращения: 15.11.2019).

Уже с самого начала работы музея важнейшими направлениями его просветительской деятельности стали демонстрация аутентичности места и передача свидетельств уцелевших. Частично это было и делом бывших узников, которые работали в музее или приезжали в Аушвиц со всего мира, чтобы рассказать соотечественникам о пережитом в лагере.

Но в начале XXI века ситуация изменилась. Бывшие заключенные из-за своего возраста начали меньше приезжать в Аушвиц. Изменились и посетители музея. Появилось новое поколение молодежи, которое не помнило Второй мировой войны. Пришлось переосмыслить существовавшие до сих пор методы передачи информации. И снова по инициативе бывших узников, 27 января 2005 г. во время 60-ой годовщины освобождения лагеря был торжественно основан Международный центр просвещения об Аушвице и Холокосте. Символическим стало подписание Учредительного акта сначала двумя бывшими заключенными – Владиславом Бартошевским и Симоной Вейль, потом свою подпись поставили более 200 бывших узников. Содержание Учредительного акта – это их послание будущим поколениям, в нем говорится:

«Прошло 60 лет с момента приостановления преступной машины уничтожения и лагерной каторги.

Годы идут.

Нас все меньше,

тех, кто прошел через концлагерь,

тех, кто полностью понимает его послание и значение.

Годы идут.

Сегодня снова проповедуется ненависть и презрение.

Снова погибают нации.

Снова возрождается гидра антисемитизма и ксенофобии.

Воспитание и просвещение об Аушвице и Холокосте

должны спасти современного человека, современную Европу и мир.

Это воспитание и это обучение имеют свое начало в наших воспоминаниях

и в нашей памяти о жертвах.

Нас все меньше.

Скоро наше бремя возьмут на себя полностью историки, исследователи, учителя и воспитатели.

К ним обращаемся и их просим:

- передавайте память о жертвах Аушвица и Холокоста,*
- углубляйте понимание механизмов ненависти и презрения,*
- замечайте новые угрозы,*
- препятствуйте им, развивая диалог и сотрудничество.*

Могилы вызывают задумчивость. Здесь нет могил.

На месте этого преступления задумчивость должна преобразовываться в ответственность. Поскольку земля не спрячет крови жертв, а их крик не остановится.

Сегодня просвещение об Аушвице и Холокосте разнесет его по всем поколениям.

Пусть это предложение, которое новые поколения берут на свою совесть,

станет источником надежды для Вас и Ваших детей»⁵.

⁵ Текст Учредительного акта на польском языке см.: URL: <http://auschwitz.org/edukacja/informacje-o-mceah/akt-zalozycielski> (дата обращения: 15.11.2019).

На основе этого послания бывших заключенных была сформулирована образовательная триада «память – осведомленность – ответственность», которую Международный центр просвещения об Аушвице и Холокосте пытается применять во всей своей просветительской деятельности. После посещения территории бывшего лагеря или участия в каком-то образовательном проекте каждый человек должен владеть основной информацией по истории лагеря. Он должен помнить о том, что произошло, понимать механизм, который привел человечество к Аушвицу, чтобы замечать и осознавать угрозы современного мира, а также чувствовать себя ответственным за мир, в котором мы живем, и активно препятствовать злу⁶.

Международный центр просвещения об Аушвице и Холокосте является неотъемлемой частью Государственного музея Аушвиц-Биркенау. Его возглавляет директор, который одновременно занимает должность заместителя директора музея. В центре действуют:

- Отдел обслуживания посетителей;
- Отдел методики проведения экскурсий;
- Выставочный отдел;
- Отдел образовательных проектов;
- Отдел обучения онлайн;
- Бюро волонтеров.

Уже несколько лет ежегодно растет число посетителей музея. В 2018 г. его посетили 2 152 000 человек со всего мира. Самую большую группу составили поляки (405 400 человек), второе место занимают граждане Великобритании (281 700 человек), третье – Соединенных штатов Америки (136 400 человек). Россия находится на 26-ом месте с 8 600 посетителями в год⁷. Подавляющее большинство посетителей выбирает вариант посещения музея с экскурсоводом. За

⁶ URL: <http://www.auschwitz.org/edukacja/informacje-o-mceah/misja> (дата обращения: 15.11.2019).

⁷ Отчет о деятельности Государственного музея Аушвиц-Биркенау в 2018 г. – С. 22-25. – См.: URL: <http://auschwitz.org/muzeum/sprawozdania-roczne/> (дата обращения: 15.11.2019).

бронирование экскурсий и дополнительных занятий, а также подготовку визита официальных делегаций отвечает отдел обслуживания посетителей.

Музей Аушвиц сотрудничает с приблизительно 320 экскурсоводами и предоставляет возможность посещения музея на 20 языках. Чтобы стать гидом в музее, надо пройти обучение, которое продолжается 2-3 месяца, а затем сдать экзамен на получение лицензии. Дополнительно все экскурсоводы обязаны повышать свои знания в области истории Второй мировой войны, Холокоста, еврейской истории и культуры. Поэтому каждый год музей организует для своих гидов разного рода лекции, воркшопы, встречи с экспертами, а также образовательные экскурсии в другие места памяти в Польше и Европе. За всю работу с экскурсоводами отвечает отдел методики проведения экскурсий.

История Аушвица передается, во-первых, посредством аутентичности бывшего лагеря и, во-вторых, посредством основной экспозиции, которая находится в бывших бараках для заключенных на территории Аушвица 1. Проект основной экспозиции был придуман бывшими узниками. Ее официально открыли в 1955 г., и она с маленькими изменениями, касающимися, главным образом, статистических данных, существует до сих пор. Ее обслуживают сотрудники выставочного отделения. В круг их обязанностей входят и, так называемые, национальные выставки, которые подготовлены представителями разных групп жертв Аушвица и рассказывают историю преследования во время войны, с их точки зрения. Они, на самом деле, являются дополнением к информации, которая представлена на основной выставке, и дают посетителям возможность познакомиться с довоенной историей разных европейских стран и разными проявлениями оккупации.

Кроме того, сотрудники выставочного отдела отвечают также за подготовку сценариев передвижных выставок для школ или иных учреждений. Эти выставки чаще всего затрагивают темы разных групп заключенных и их судьбы в лагере. Они могут быть использо-

ваны в качестве методической помощи, на их основе можно работать не только со школьниками, но и взрослыми.

Из более, чем 2 миллионов человек, посетивших музей в 2018 г., приблизительно 17 тысяч приняли решение выбрать экскурсию и что-то дополнительно. Самая большая группа из них – школьники из разных стран Европы, которые участвуют в практических занятиях, презентациях или лекциях, организуемых сотрудниками музея. Кроме того, центр образования предлагает разного рода специальные программы для молодежи и взрослых. За подготовку программ отвечает отдел образовательных проектов.

Если иметь в виду школьников, то Международный центр образования разработал три основные программы:

• ***Операция «Рейнхард»: через общую историю к будущему.***

Программа состоит из трех частей: визита в Еврейский центр города Освенцим, где участники знакомятся с довоенной историей евреев в Польше на примере Освенцима; посещения территории бывшего лагеря Аушвиц 1 и Аушвиц 2-Биркенау; практических занятий, задачей которых является подведение итогов и попытка ответить на сложные вопросы о том, как все это было возможно, используя высказывания бывших узников, историков, священников, писателей и деятелей культуры.

• ***Romane šperenca: память и современность европейских цыган.***

Программа похожа на предыдущую. Разница заключается в том, что она касается судьбы европейских цыган. Сначала проходят практические занятия в Сообществе польских цыган, которое действует на территории города Освенцим. Во время этих занятий школьники получают информацию о цыганах: откуда они пришли в Европу, каковы главные черты их культуры. Затем молодежь посещает территорию бывшего лагеря, обращая внимание на судьбу цыган в Аушвице. Подведение итогов дня проходит во время практических занятий на национальной выставке цыган, которая находится на территории Аушвица 1.

• ***Аушвиц и его восприятие в современном мире.***

Проект направлен на локальные школы, ученики которых приезжают в музей на весь день, знакомятся с его историей и судьбой заключенных, а затем принимают участие в конкурсе. Под руководством учителя они подготавливают работу творческого характера, фотографическую выставку, эссе или фильм, тема которых должна затрагивать проблему значения Аушвица для современного мира. Лучшие работы получают награды.

Второй значительной группой участников образовательных программ являются взрослые из Польши и из-за границы. Работая, например, с учителями, музей часто сотрудничает с другими учреждениями и организует обмен педагогов. Самым важным партнером является Институт памяти Яд Вашем в Иерусалиме. Уже более 20 лет в музей Аушвиц каждый год приезжает группа израильских учителей и педагогов. На протяжении почти двух недель они проходят обучение на тему Аушвица. Приезжают учителя и из других мест, связанных с историей и культурой евреев в Польше. Одновременно в Иерусалим отправляется польская группа, которая принимает участие в семинаре в Яд Вашем. Целью этого проекта является не только изучение преступлений Второй мировой войны, но и знакомство с современной Польшей и современным Израилем.

Вторым значительным партнером, сотрудничество с которым продолжается тоже уже несколько лет, является место памяти Терезиенштадт (Чешская республика). В совместном проекте принимают участие учителя из Польши и Чехии. Первый раз они встречаются на семинаре в Аушвице и вместе изучают его историю, а также делятся своим опытом в области образовательных проектов для школьников на тему Второй мировой войны. Потом они встречаются через полгода в Чехии, где продолжают совместную работу, основой которой на этот раз служит история гетто в Терезиенштадте. Во время первых двух частей проекта у учителей складываются контакты, они обмениваются опытом своей работы с заграничными коллегами.

Перечисляя значимых партнеров, следует подчеркнуть сотрудничество музея с Научно-образовательным центром устной истории, действующим в структуре Воронежского института высоких техноло-

гий. Несколько лет подряд два раза в год в музей Аушвиц приезжает группа в большинстве своем российских учителей, преподавателей вузов, журналистов, студентов и общественных деятелей, которые проходят обучение в Освенциме и Кракове. Кроме изучения самых важных фактов из истории Аушвица они знакомятся с польским взглядом на события Второй мировой войны, которые по-разному представлены в польской и российской историографии. Это дает возможность понять друг друга и посмотреть на знакомую историю с разных точек зрения.

Международный центр образования об Аушвице и Холокосте старается ответить и на запросы индивидуальных посетителей, заинтересованных в теме Аушвица и считающих посещение территории бывшего лагеря с экскурсоводом для себя недостаточным. Каждый год сотрудники центра подготавливают программу Международной летней академии на английском и немецком языках. Принять участие в семинаре могут все, кто хочет изучить разные аспекты истории немецкого нацистского лагеря, а также познакомиться с современным музеем и его ежедневной работой.

В рамках своей деятельности Государственный музей Аушвиц-Биркенау ведет проект *«Аушвиц – История – Гражданское образование»* для сотрудников полиции и тюремного ведомства, которые в своей ежедневной работе сталкиваются с нарушениями прав человека. Каждый год несколько сотен человек принимают участие в одно- или двухдневной программе на территории музея. Она состоит из экскурсии и дополнительных занятий, посвященных роли эсэсовцев, индивидуальных жертв или значения Аушвица в современном мире. Некоторые участники этого проекта проходят также специальное обучение, чтобы потом, например, на основе передвижных выставок, работать с заключенными, не имеющими возможности приехать в музей.

В сотрудничестве с педагогическим университетом в Кракове Международный центр образования об Аушвице и Холокосте представляет и возможность послевузовского обучения. Программа под названием *«Тоталитаризм – Нацизм – Холокост»* продолжается

три семестра. Студенты подробно изучают историю Аушвица, а также историю и культуру евреев и цыган, механизм преследования в Третьем Рейхе, принимают участие в специализированной экскурсии в другие места памяти на территории Польши. Все выпускники получают диплом педагогического университета в Кракове.

Поскольку Международный центр образования об Аушвице и Холокосте является одним из самых важных учреждений, занимающихся обучением о нацистских преступлениях в годы Второй мировой войны, каждые два года он организует большую международную конференцию, на которую приглашает специалистов и экспертов в области просвещения по теме Холокоста. Последняя конференция под заглавием *«Аушвиц – Никогда больше! – Правда ли это?»* состоялась в июле 2019 г. Ее тема первый раз вышла за пределы событий Второй мировой войны. В дискуссиях приняли участие свидетели самых больших геноцидов и преступлений против человечества в XX веке, а также эксперты, общественные деятели, журналисты и писатели, которые в своей ежедневной работе занимаются правами человека. Главной целью конференции была попытка ответить на вопрос, почему, несмотря на то, что после Аушвица все говорили «Никогда больше!», случилось по-другому? Возможно ли вообще научиться чему-то из опыта предыдущих поколений, или мы всегда будем повторять те же самые ошибки? Должен ли человек пережить войну или вооруженный конфликт, чтобы понять трагедию, которая имеет место в других частях мира? Все эксперты согласились, что следует изучать события из прошлого в контексте современного мира и что лучше показывать историю как ход событий, а не в качестве статистических данных. Подведение итогов конференции можно найти в форме электронного издания музея «Memoria»⁸.

Кроме организации разного рода семинаров и конференций Международный центр образования об Аушвице и Холокосте издает

⁸ На польском языке: URL: <https://view.joomag.com/memoria-pl-nr-23-08-2019/0931742001566822089> (дата обращения: 15.11.2019); на английском языке: URL: <https://view.joomag.com/memoria-en-no-23-08-2019/0263284001567072796> (дата обращения: 15.11.2019).

пособия и материалы, которые должны помочь всем заинтересованным лицам освоить историю Аушвица и передать ее школьникам. Основным изданием центра является серия «*Голоса памяти*». Она состоит из более 10 книг. Каждая из них посвящена одной теме, связанной с историей Аушвица. Все книги написаны по той же схеме: исторический очерк, воспоминания и свидетельства, документы, фотографии. Читатель может, таким образом, найти в одном месте всю полезную для себя информацию. Полная тематическая библиография доступна на сайте музея⁹.

Одним из новейших предложений центра является проект онлайн «*Граждане II Речи Посполитой в концлагере Аушвиц*», предназначенный для учителей, которые хотят рассказать об Аушвице на уроке в школе. Он состоит из двух частей, которые можно использовать совместно или отдельно, в зависимости от того, сколько у учителя времени. В первой части представлен фильм, который продолжается 35 минут и рассказывает историю довоенного Освенцима, нацистской Германии, Аушвица и его жертв, а также показывает место памяти в современном мире. Вторая часть – это 45-минутный урок. В основу его положена онлайн презентация. Ученики работают с биографиями 6 бывших заключенных, которые были гражданами довоенной Польши и подростками в момент депортации в Аушвиц. В эту группу входят поляки, евреи и цыгане. Они попали в Аушвиц по разным причинам, и их судьба в лагере была неодинаковой. Эти два аспекта (возраст и гражданство) дают школьникам возможность почувствовать эмоциональную связь с бывшими узниками и понять, что довоенное общество Польши было разнообразным. Все необходимые для проведения урока материалы доступны на сайте музея на польском и английском языках, а также на иврите¹⁰.

⁹ URL: <http://auschwitz.org/rodzaj-publicacji/glosy-pamieci/> (дата обращения: 15.11.2019).

¹⁰ URL: <http://auschwitz.org/muzeum/aktualnosci/obywatele-polscy-w-kl-auschwitz-lekcja-i-film-poswiecony-losom-obywateli-ii-rp-w-niemieckim-obozie-koncentracyjnym-i-zaglady,1989.html> (дата обращения: 15.11.2019).

Кроме этого проекта, на сайте музея доступно много уроков онлайн¹¹, которые затрагивают разные аспекты истории Аушвица. Они представлены на разных языках и их можно использовать в процессе подготовки к поездке в место памяти. За их содержание отвечают сотрудники онлайн обучения.

Музей Аушвиц каждый год принимает большое количество волонтеров. Они работают на территории бывшего лагеря. Многие из них занимаются сохранением подлинности предметов в консервационном отделе, работают с документами в архиве, помогают при проведении разного рода мероприятий. Всю их работу координирует бюро волонтеров.

За время деятельности Государственного музея Аушвиц-Биркенау через его территорию прошли миллионы людей со всего мира. Сложно определить, как на всех них подействовало место одного из самых крупных преступлений против человечества. Для некоторых, можно сказать с уверенностью, это был влияющий на жизнь момент. Другие, к сожалению, остались безразличны. Поэтому необходимо продолжать просветительскую деятельность, чтобы Аушвиц стал не только уроком по истории, но, прежде всего, уроком истории для будущих поколений.

¹¹ URL: <http://www.auschwitz.org/edukacja/e-learning/> (дата обращения: 15.11.2019).

А. М. Ермаков

Нацистский принудительный труд в отечественных школьных учебниках истории

Принудительным трудом на гитлеровскую Германию в годы Второй мировой войны были заняты миллионы советских граждан – «восточных рабочих», военнопленных, узников гетто и концентрационных лагерей, а также тех, кто оказался в оккупации. По современным данным, одних только угнанных «на фашистскую каторгу» насчитывается 4 128 796 человек¹. Количество остальных не поддается точному подсчету. Работа на оккупантов стала для наших сограждан трагедией, многим она стоила доброго имени, здоровья, жизни. Вспоминать об этом часто, а тем более изучать историю «немецко-фашистского рабства» в Советском Союзе не было запрещено, но было не принято – так же, как было не принято говорить о причинах поражений Красной Армии на начальном этапе войны, коллаборационизме, Холокосте и судьбе военнопленных. В то же время каторжный труд подневольных работников подтверждал человеконенавистническую сущность германского нацизма, а потому не предавался полному забвению. Память о нем находила отражение в периодической печати, публикациях документов, исторических произведениях, в небольшом объеме распространялась через художественную литературу, кинематограф, публицистику, воспоминания военнопленных, узников концлагерей и гетто, передавалась подрастающему поколению в школах.

В первые послевоенные годы инициатором сохранения памяти о принудительном труде выступало государство, оно задавало тональность и определяло содержание информации, которую следовало знать гражданам СССР. Время от времени эта информация актуализировалась в центральной печати и неперIODических изданиях. Еще в сталинском Советском Союзе увидели свет: статья начальника управ-

¹ Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – С. 11.

ления Уполномоченного Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР генерал-полковника Ф. И. Голикова, приуроченная к годовщине принятия решения СНК СССР «О репатриации на Родину советских граждан, угнанных в неволю немецко-фашистскими захватчиками»², сборник материалов о репатриации советских граждан и несколько брошюр об их жизни в немецкой неволе. До 1952 г. пять изданий выдержала книга И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», в которой дважды упоминался угон советских граждан «в немецкое рабство», «на каторгу в Германию»³. 15 сентября 1945 г. был подписан к печати второй выпуск сборника «Документы обвиняют», подготовленного Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Хотя угон советского населения на принудительные работы был не самым ужасным из содеянного нацистами, их союзниками и пособниками, ему был посвящен последний, третий раздел сборника⁴. Несомненно, под бдительным присмотром власти массовыми тиражами публиковались материалы Нюрнбергского процесса. В первом двухтомном сборнике документов (1952) содержится раздел «Угон в немецко-фашистское рабство мирного населения и применение принудительного труда на временно оккупированных территориях»⁵. Таким образом, в официальный дискурс попали весьма ограниченные по объему и содержанию сведения о подневольном труде советских граждан. Их основу составляли материалы Нюрнбергского процесса и официальные советские документы военных лет.

² Голиков Ф. И. Год работы по репатриации советских граждан // Правда. – 1945. – 4 октября. – С. 2.

³ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 103, 132.

⁴ Документы обвиняют: Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Выпуск II. – М.: ОГИЗ, 1945. – С. 347-385.

⁵ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 2 т. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. – Т. 1. – С. 776-806.

Государственная политика памяти о подневольном труде советских людей отразилась и на учебной литературе. В учебнике истории для 4 класса, подписанном к печати 28 сентября 1945 г. и изданном тиражом 500 тысяч экземпляров, содержался пункт «В захваченных врагом районах». Миллионы советских детей могли узнать, что «советских людей заставляли работать на немцев. *Тысячи* (курсив автора – А. Е.) мужчин, женщин и девушек они угоняли в Германию и отдавали в рабство немецким помещикам и кулакам»⁶. Заметим, что, вопервых, принудительному труду советских людей придавался классовый характер, эксплуататорами выступали не все немцы, а только помещики и кулаки. Во-вторых, учебник создает впечатление, что советские граждане работали только в сельском хозяйстве Германии, в то время как в действительности значительная часть их трудилась в промышленности, строительстве, была занята в качестве домашней прислуги. Точное количество лиц, подвергшихся депортации, было неизвестно авторам и поэтому не названо. И, наконец, среди угнанных не фигурируют юноши, которые в соответствии с представлениями тех лет должны были все как один сражаться с врагом с оружием в руках. Авторы ничего не говорят и о детях, многие из которых попали в Германию вместе с родителями.

Учебник, написанный в последние месяцы войны авторским коллективом под руководством А. М. Панкратовой, заложил традицию рассказывать школьникам о жизни на оккупированной территории кратко и в тесной связи с партизанским движением⁷. Шестое издание учебника было дополнено пунктом «Освобождение народов Европы». В нем сообщалось, что «колхозы в районах оккупации были уничтожены. Их земли были отданы немецким помещикам и кулакам. Согнанных с земли колхозников немцы заставляли работать на новых помещиков или угоняли в Германию на каторжные работы. *Миллионы людей* (курсив автора – А. Е.) гибли от непосильного труда на немецких завоевателей».

⁶ История СССР. Краткий курс. Учебник для 4-го класса. Под ред. А. В. Шестакова. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1945. – С. 267.

⁷ История СССР. Часть III. – М.: Учпедгиз, 1945. – С. 327.

В пункте «Героическая борьба советских партизан» говорилось, что «партизаны спасали мирное советское население от истребления и от угона в немецко-фашистское рабство»⁸. В 15-22-м изданиях (1956-1963 гг.) информация была сокращена и сводилась к тому, что «фашисты всех заставляли работать на себя. Сотни тысяч людей (курсив автора – А. Е.) были угнаны в Германию на каторжные работы»⁹.

Отрывочные дополнительные сведения о подневольном труде советских граждан на немецких оккупантов учащиеся могли получить из других источников, в первую очередь, из произведений художественной литературы и кинематографа. В список обязательного чтения для школьников входил роман А. А. Фадеева «Молодая гвардия», впервые опубликованный в 1946 г. и за 40 лет выдержавший 276 изданий общим тиражом в более, чем 26 млн экземпляров¹⁰. В книге подневольный труд и борьба подпольщиков против него подробно показаны в нескольких сценах¹¹. Множество переизданий выдержала и публицистическая пьеса С. В. Михалкова «Я хочу домой!» (первоначальное название «Только домой!»), написанная в 1947 г. для детей школьного возраста¹². Произведения А. А. Фадеева и С. В. Михалкова были экранизированы в 1948 и 1949 гг.

* * *

⁸ Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Панкратова А. М., Фохт А. В. История СССР. Учебник для X класса средней школы. Часть III. Под ред. А. М. Панкратовой. Изд. 6-е. – М.: Учпедгиз, 1947. – С. 382, 384.

⁹ Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Панкратова А. М., Фохт А. В. История СССР. Учебник для 10 класса средней школы. Часть III. Под ред. А. М. Панкратовой. Изд. 15-е. – М.: Учпедгиз, 1956. с. 242; Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Панкратова А. М., Фохт А. В. История СССР. Учебник для 10 класса средней школы. Под ред. А. М. Панкратовой. Изд. 22-е. – М.: Учпедгиз, 1963. – С. 262.

¹⁰ Книгоиздание СССР. Цифры и факты. 1917–1987. – М.: Книга, 1987. – С. 299.

¹¹ Фадеев А. А. Разгром. Молодая гвардия. – М.: Советский писатель, 1947. – С. 439, 441-442, 451-454, 522-526.

¹² Михалков С. В. Детям: Стихи, сказки, рассказы, басни, пьесы. – М.: Детская литература, 1981. – С. 438-479.

В послесталинские десятилетия подневольный труд на немцев оставался на периферии официальной памяти о войне. Государство вспоминало о нем лишь время от времени. Так, в одной из опубликованных в «Правде» статей, приуроченных к 20-й годовщине операции «Багратион», упоминалось, что из Белорусской ССР «гитлеровцы... около 380 тысяч человек угнали на каторжные работы в Германию»¹³. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. увидели свет два новых издания документов Нюрнбергского процесса, в которых документы по темам «Массовый угон населения на рабский труд» и «Германские монополии – организаторы рабского труда» были объединены в специальные разделы. Теперь в роли основных эксплуататоров выступали уже не помещики и кулаки, а монополистическая буржуазия, а количество угнанных было определено в 4 миллиона 978 тысяч советских граждан¹⁴. Эта цифра стала канонической и воспроизводилась в работах историков без каких-либо попыток сделать собственные подсчеты.

В эти десятилетия в некоторых школьных учебниках подневольный труд советских граждан на оккупантов упоминался только вскользь, сведения об оккупированной территории касались только партизанского движения. В пункте «Борьба советских партизан в тылу врага» одного из учебников сообщалось, что партизаны «не давали угонять советских людей на каторгу к Германию». Термин «фашистская неволя», который как ранее, так и позднее в официальных документах и школьных учебниках подразумевал принудительное пребывание советских людей вдали от Родины, применяется авторами учебника для характеристики положения всех граждан СССР, ока-

¹³ Мазуров К. Большой праздник белорусского народа // Правда. – 1964. – 3 июля. – С. 2.

¹⁴ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах. – М.: Юрид. лит., 1957. – Т. 1. – С. 126; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в трех томах. – М.: Издательство «Юридическая литература», 1966. – Т. 3. – С. 7-121, 615-786.

завшихся на оккупированной территории¹⁵. В пункте «Подвиг партизан – "народных мстителей"» другого учебника о политике нацистов было сказано только то, что они «установили в захваченных областях неслыханный террор. Сжигали села и деревни вместе со всеми жителями, если их подозревали в помощи партизанам. Захваченных партизан подвергали пыткам... *Сотни тысяч людей* (курсив автора – А. Е.) угоняли в Германию на принудительные работы, в концлагеря»¹⁶.

В учебнике для 10-11 классов средней школы, изданном в 1964 г., впервые появился пункт о положении на оккупированной немцами территории под названием «Зверства немецко-фашистских захватчиков». Школьники узнавали, что «промышленные предприятия, захваченные гитлеровцами, объявлялись собственностью фашистского рейха. Рабочих насильно заставляли восстанавливать эти предприятия. За невыход на работу людей подвергали мучительным телесным наказаниям». Отдельно было сказано и о том, что «*миллионы советских людей* (курсив автора – А. Е.) насильно угонялись на фашистскую каторгу в Германию»¹⁷. Кроме того, авторы первыми упомянули об участии подневольных работников в европейском Сопротивлении: «Советские люди, насильно угнанные на фашистскую каторгу или попавшие в плен, сохраняя верность Родине, продолжали борьбу с врагом... Работавшие на предприятиях фашистской Германии совершали акты саботажа и диверсий»¹⁸.

Пожалуй, самым информативным является учебник под редакцией М. П. Кима, поступивший в школы в 1972 г. В пункте «Оккупационный режим» сообщалось, что «оккупанты повсеместно ввели

¹⁵ История СССР. Пробный учебник для X-XI классов средней школы. Под ред. Д. И. Ковалевского. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1961. – С. 201.

¹⁶ Минц И. И., Карев Д. С. История СССР. Учебное пособие для 8 класса. – М.: Учпедгиз, 1962. – С. 173, 174.

¹⁷ Берхин И. Б., Беленький М. И., Ким М. П. История СССР. Эпоха социализма (1917-1963): Учебное пособие для X-XI классов средней школы. Под ред. М. П. Кима. – М.: издательство «Просвещение», 1964. – С. 259.

¹⁸ Там же. – С. 294.

рабский принудительный труд. К нему привлекались все взрослые и даже дети от 10 лет и старше... *Миллионы советских людей* (курсив автора – А. Е.) были угнаны на каторжные работы в Германию. Они использовались на самых тяжелых работах, содержались под вооруженной охраной. От непосильного труда, избиений и голода многие погибали. В немецких городах были созданы невольничьи рынки, где капиталисты, помещики и кулаки покупали себе рабов.

Так, гитлеровцы фактически возродили рабство в его наиболее изуверских формах». В учебнике впервые был помещен фотодокумент «Угон советских людей на фашистскую каторгу»¹⁹. Учащимся вновь предлагался классовый подход к истории принудительного труда: прибыль от него извлекали только экономически господствующие классы Германии – капиталисты, помещики и кулаки. Представители городских средних слоев, получавшие в домашнее услужение советских девушек, крестьяне, не относившиеся по весьма произвольной советской классификации к кулакам, в тексте не были упомянуты. Ничего не было сказано и о роли нацистского государства, организовавшего подневольную работу и обогащавшегося за ее счет. Кроме того, учебник неверно характеризовал труд как рабский и умалчивал о том, что некоторым категориям «остарбайтеров» работа оплачивалась, хотя и по мизерным расценкам.

Аналогичный материал присутствовал и в школьной литературе других союзных республик²⁰.

В учебниках, предназначенных для будущих учителей, вопрос об использовании нацистами принудительного труда советских граждан освещался порой еще более сжато, общими словами и служил

¹⁹ История СССР (1938-1978 гг.). Учебник для 10 класса. Под ред П. М. Кима. Изд. 10-е. – М.: Просвещение, 1980. – С. 74-75.

²⁰ См., напр.: Канале В., Степерманис М. История Латвийской ССР. 3-е изд. – Рига: Издательство «Звайзгне», 1974. – С. 254; Лось Ф., Спицкий В. История Украинской ССР. Пособие для 9-10 классов. Изд. 5-е. – Киев: Издательство «Радянська школа», 1972. – С. 148.

фоном для рассказа о партизанском движении²¹. Исключением является учебник 1957 г., в котором говорилось, что с ноября 1941 г. оккупанты пытались вербовать советских граждан для работы в Германии, обещая добровольцам «различные блага» и только после провала кампании вербовки «приступили к насильственному угону советских людей в фашистскую неволю». Авторы не говорят об общем количестве угнанных, а сообщают только то, что «за 1942 г. фашистским оккупантам удалось насильственно угнать в Германию около 2 млн человек»²². Отдельный сюжет посвящен принудительному труду тех, кто оставался на оккупированной территории СССР. В учебнике подчеркивается, что советских рабочих принуждали к работе на предприятиях, за отказ подвергали телесным наказаниям и лишали продовольственного пайка. За каторжный труд была установлена нищенская заработная плата: 80 копеек в час для чернорабочего и 1 рубль 35 копеек в час для квалифицированного рабочего²³. В одном из учебников для студентов гуманитарных факультетов вузов сообщалось, что «насильственный угон советских людей в фашистскую неволю» нацисты начали практиковать лишь после того, как окончилась провалом кампания добровольной вербовки на работу в Германию, проводившаяся с ноября 1941 г.²⁴

В эти годы сохранению памяти о подневольном труде способствовали литература и кинематограф. В серии «Библиотека школьника» и «Библиотека учителя» вошел рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека» (1957), многие яркие страницы которого посвящены подне-

²¹ См., напр.: История СССР. Учеб. пособие. 3-е изд., доп. Под ред. Б. Д. Дацюка. Ч. II. – М.: Мысль, 1970. – С. 282, 300.

²² История СССР. Эпоха социализма (1917-1957): Учебное пособие. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 563.

²³ Там же. – С. 562.

²⁴ История СССР. Эпоха социализма (1971-1961). Учебник. Под ред. М. П. Кима. – М.: Политиздат, 1964. – С. 446.

вольному труду советских военнопленных²⁵. Из официального дискурса – сопротивление советских людей, страстное желание вернуться на родину и, наконец, счастливое возвращение – выбивался роман В. С. Семина «Нагрудный знак "OST"», напечатанный в журналах «Дружба народов» и «Роман-газета» в 1976 г. Помимо экранизации рассказа М. А. Шолохова (1959) тема принудительного труда и жизни «восточных рабочих» нашла отражение в кинокартинах «Жаворонок» (1964), «Узники Бомона» (1970), «Долгая дорога в дюнах» (1982). Последний фильм примечателен тем, что в нем содержится сцена проводов латышей, добровольно уезжающих на работу в Германию. Можно предположить, что по мере того, как выросло новое, послевоенное поколение советских людей, информативная ценность этих фильмов снижалась. Вкрапленные в них короткие сюжеты оставались непонятыми, а значит и незамеченными зрителем, терялись среди других, более ярких эпизодов. Несомненно, многие учителя и школьники были знакомы с воспоминаниями бывших военнопленных, узников концентрационных лагерей и гетто, которые издавались с конца 1950-х гг. и рассказывали и о подневольном труде на оккупантов. В начале 1960-х гг. появились первые научные исследования, в которых об «остарбайтерах» говорилось в связи с оккупационной политикой нацистов или участием советских людей в антифашистском движении Сопротивления в странах Европы. Статьи и тем более монографии, специально посвященные подневольному труду, были очень редким явлением²⁶.

* * *

На содержании последних советских и первых российских учебников 1990-х гг. отразился тот высокий общественный резонанс,

²⁵ См., напр.: Шолохов М. А. Судьба человека: Рассказ. – М.: Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1958. – С. 27-28.

²⁶ Слинко И. И. Угон населения Украины в фашистское рабство // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941-1944 г.). – М.: Политиздат, 1965. – С. 219-230; Коваль М. В. Борьба населения Украины против фашистского рабства. – Киев: Наук. думка, 1979. – 135 с.

который тема подневольного труда приобрела в нашей стране не в последнюю очередь в связи с начавшимися компенсационными выплатами бывшим «восточным рабочим» с немецкой стороны²⁷. Сыграл свою роль интерес граждан к темам, находившимся ранее под негласным запретом: судьба советских евреев, военнопленных, сотрудничество с оккупантами. Авторы статей в известных научных журналах приводили поражающие воображение цифры и факты из жизни «восточных рабочих» и призывали: «Верните деньги!»²⁸. Одновременно развивалась и историография принудительного труда: в 1990 г. был опубликован четвертый том нового издания материалов Нюрнбергского процесса, в котором имеется раздел «Политика рабского труда»²⁹, в 1996 г. увидела свет монография П. М. Поляна³⁰, а два года спустя – небольшой по объему сборник о фольклоре и языке «остарбайтеров»³¹.

В условиях, когда бывшие подневольные работники Третьего рейха перестали быть «фигурами умолчания», авторы учебников стремились наполнить свои книги новым содержанием, сделать для учащихся доступными максимальное количество фактов. Пункты учебников о положении на оккупированной территории разрослись до параграфов с характерным названием «В тылу врага», однако это не привело к росту объема и повышению качества информации о принудительном труде и угоне советских граждан в Германию. В одних

²⁷ Фрайтаг Г. Принудительные работы при национал-социализме: 60 лет спустя // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 326.

²⁸ Шевяков А. А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социологические исследования. – 1991. – № 12. – С. 3-11; Галицкий В. П. Верните деньги // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 8. – С. 28-31.

²⁹ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8-ми т. Т. 4. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 515-671.

³⁰ Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. – М.: Ваш Выбор, 1996.

³¹ Преодоление рабства: фольклор и язык остарбайтеров 1942-1944 гг. – М.: Звенья, 1998. – 199 с.

учебниках информация об этом полностью отсутствовала³², в других помещалась не в пункт о преступлениях нацистов, а в пункт «Нацистский, (или «Немецкий» – А. Е.) оккупационный режим». В учебнике истории для 11 класса, изданном в 1990 г., сообщалось лишь то, что «в Германию на принудительные работы вывозилась *молодежь* (курсив автора – А. Е.)» и «фактически в рабство было отправлено более 5 млн советских людей»³³. Почти дословно эти фразы воспроизводились и в постсоветских переизданиях учебника с тем лишь добавлением, что «*местное население оккупированных территорий использовалось на принудительных работах по расчистке и разминированию дорог, строительству укреплений*»³⁴.

В 1990-е гг. широкое распространение получили разного рода справочники, пособия и курсы лекций для старшеклассников и поступающих в вузы, авторы которых рассказывали о подневольном труде. Например, в пособии Л. М. Пятецкого по истории России XX века для абитуриентов и старшеклассников указывалось, что «в оккупированных районах немцы проводили политику экономического грабежа, к которому вскоре добавился грабеж человеческих ресурсов: растущие потребности рейха привели к массовой принудительной отправке трудоспособного населения в Германию (более 4,2 млн человек в 1942-1944 гг. согласно немецкой статистике). Чтобы не быть угнанными, многие крестьяне уходили в партизаны»³⁵.

С начала 2000-х гг. отечественная историография пополняется новыми исследованиями о «восточных рабочих», отдельные аспекты

³² Дмитриенко В. П., Есаков В. Д., Шестаков В. А. История Отечества. XX век. 11 кл.: Учеб. пособие для общеобразоват. школ. – М.: Дрофа, 1996. – 640 с.

³³ История СССР: Учеб. для 11 кл. сред. шк. / В. П. Островский, В. И. Старцев, Б. А. Старков, Г. М. Смирнов. – М.: Просвещение, 1990. – С. 53.

³⁴ Островский В. П., Уткин А. И. История России. XX век. 11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. – М.: Дрофа, 1995. – С. 287; Островский В. П., Уткин А. И. История России. XX век. 11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. 6-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2001. – С. 266.

³⁵ Пятецкий Л. М. История России для абитуриентов и старшеклассников. XX век. Изд. 2-е. – М.: «Московский лицей», 1996. – С. 245.

подневольного труда советских людей изучены весьма детально³⁶. Издаются немногочисленные по сравнению со свидетельствами военнопленных, узников концентрационных лагерей и гетто воспоминания бывших «остарбайтеров»³⁷, небольшими тиражами выходят в свет сборники документов, показывающие их судьбы³⁸. Ряд материалов на русском языке опубликован в бывших республиках СССР и поэтому недоступен массовому читателю в России³⁹. Не являются подспорьем для учителей и учащихся и современные художественные фильмы. Так, искаженный образ «восточной работницы» показан в блокбастере Алексея Сидорова «Т-34», а создатели сериала «Молодая гвардия» (2015) и вовсе не нашли места для сцен угона населения Краснодона в Германию, блестяще написанных А. А. Фадеевым.

³⁶ Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – М., 2002. – 896 с.; Вербицкий Г. Г. Остарбайтеры: история россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию (Вторая мировая война): документы и воспоминания / Г. Г. Вербицкий. Изд. 3-е, испр. – СПб., 2004. – 240 с.; Андриянов В. И. Архипелаг OST: Судьба рабов «Третьего рейха» в их свидетельствах, письмах и документах. – М.: Мол. гвардия, 2005. – 219 с.; Данченко Е. Л. Батраки поневоле. Принудительный труд «восточных рабочих» в сельском хозяйстве нацистской Германии (1941-1945). Воронеж, 2012. 168 с.; Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944-1952 гг. – М., 2016. – 424 с.

³⁷ Шпигель-Антонович А. В. Мой номер I/46781. – М.: Русский импульс, 2010. – 240 с.

³⁸ Пережившие ад фашистской неволи: книга Памяти жителей Владимирской области, бывших узников фашизма / Владимирское отд-ние Российского союза бывших малолетних узников фашизма; [авт.-сост.: А. Д. Рябов, З. П. Радченко, Е. С. Носова]. – Владимир: Владимирское кн. изд-во «Собор», 2011. – 527 с.; Знак не сотрется. Судьбы остарбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах / Алена Козлова, Николай Михайлов, Ирина Островская, Ирина Щербакова. – М.: Издательство Agey Tomesh, 2016; Были вместе: детство и война / Авт.- составитель Л. К. Крюкова. – М., б/г. – 368 с.

³⁹ Война и украденные годы: живые свидетельства остарбайтеров Беларуси. Вып. 2. Доп. и перераб. / сост. Е. И. Люлькина; под ред. К. И. Козака. 2-е изд. испр. и доп. – Минск: И. П. Логвинов, 2010. – 214 с.; Белорусские остарбайтеры: ист.-аналит. исслед. / Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко, Н. А. Бондаренко, В. Д. Сепемев; Под ред. Г. Д. Кнатько. – Минск, 2001.

В сериале показан только принудительный труд советских граждан на оккупированной территории.

Достоверная информация о «восточных рабочих» доступна школьникам на сайте общества «Мемориал» «Та сторона»⁴⁰ и на онлайн-платформе «Обучение на основе интервью. Принудительный труд 1939-1945. Воспоминания и история», созданной Воронежским институтом высоких технологий⁴¹. Получить дополнительные сведения учащиеся, как и в 1990-е гг., могут в справочниках и пособиях для поступающих в вузы. Например, в пособии Л. А. Кацвы сказано, что немцы стали принудительно отправлять жителей оккупированных районов СССР на работу в Германию с осени 1941 г., а одним из методов набора рабочей силы для Рейха были облавы на улицах. Автор сообщает, что 4,9 млн советских граждан, вывезенных в Германию, использовались на самых тяжелых работах с продолжительностью рабочего дня в 10 часов, питались впроголодь, были совершенно бесправны, нередко подвергались избиениям и издевательствам⁴².

При этом школьные учебники по-прежнему освещают историю «восточных рабочих» скупо. Порой информация о «восточных рабочих» и подневольном труде составляет только часть фразы: «На оккупированных территориях планомерно проводилась политика экономического ограбления и беспощадного террора, *принудительной отправки трудоспособной части населения в Германию (около 5 млн человек)* (курсив автора – А. Е.)»⁴³. Данные о количестве подневольных работников иногда завышаются: «Передвижение между населенными пунктами допускалось только по специальным пропускам, *людей работоспособного возраста принудительно отправляли в Герма-*

⁴⁰ URL: <http://tastorona.su/info/page/1>.

⁴¹ URL: <https://obuchenie-na-osnove-intervyu.org/>.

⁴² Кацва Л. А. История Отечества: справочник для старшеклассников и поступающих в вузы / Под науч.ред. В. Р. Лещинера. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – С. 658.

⁴³ Левандовский А. А. История России, XX – начало XXI века: учеб. для 11 кл. общеобразоват. учреждений. 10-е изд. – М.: Просвещение, 2005. – С. 243.

нию. Из 5,3 млн человек, угнанных в империю Гитлера, свыше 2 млн пропали без вести (курсив автора – А. Е.)»⁴⁴.

Не привело к существенному увеличению объема и повышению качества материала о подневольном труде и введение историко-культурного стандарта. В разделе «СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» с использованием советской пропагандистской формулировки «временно оккупированные территории» стандарт требует знать сущность оккупационного режима и генерального плана «Ост». В число понятий и терминов этого раздела наряду с понятиями «депортация», «Холокост», «интернированные лица», «военнопленные» включено и понятие «остарбайтеры».

Введение историко-культурного стандарта не привело, однако, к видимым изменениям в освещении истории «восточных рабочих». В главе «Поражения и победы 1942 г. Предпосылки коренного перелома» одного из учебников содержится пункт «Немецкий оккупационный режим». Учащимся сообщается, что «трудовой мобилизацией были охвачены все граждане оккупированных территорий в возрасте от 18 до 45 лет. Они должны были работать по 14-16 часов в сутки. Сотни тысяч советских граждан были направлены на принудительные работы в Германию»⁴⁵. В учебнике приводится выдержка из отчета секретаря Борисовского подпольного ГК и РК КП(б) Белоруссии А. И. Белесова за 3 мая – 25 июня 1943 г. В документе сказано, что «много жителей деревень живут в лесах. Этим самым срываются все проводимые немцами мероприятия по району: *срыв вербовки в Германию*, неуплата налога, невыполнение заготовок продуктов, не выполняют так называемые трудовые повинности»⁴⁶.

⁴⁴ Загладин Н. В., Козленко С. И., Минаков С. Т., Петров Ю. А. История России. XX – начало XXI века: Учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. 5-е изд. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2007. – С. 234.

⁴⁵ История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 2 / [М. М. Горинев, А. А. Данилов, М. Ю. Моруков и др.]; под ред. А. В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2016. – С. 27-28.

⁴⁶ Там же. – С. 34.

В другом учебнике пункт «Нацистский оккупационный режим» помещен в параграф «Во вражеском тылу». В нем говорится: «Новый порядок насаждался путем жесточайшего террора. Население городов и деревень было взято на строгий учет. Передвижение между населенными пунктами запрещалось. *Людей в принудительном порядке направляли на промышленные предприятия, привлекали к обслуживанию воинских частей и полицейских формирований. Уклонявшихся от работ бросали в тюрьмы и уничтожали.* Налоги и поборы обрекали людей на нищенское существование. *Пять миллионов советских граждан трудоспособного возраста были насильно угнаны на работы в Германию.* С оккупированных территорий в Германию вывозили сырье, продовольствие, чернозем»⁴⁷. Здесь же помещен фотоснимок «Советские граждане перед отправкой на работу в Германию. 1942 г.». Термин «остарбайтеры» в терминологическом словаре отсутствует, как и вопросы о подневольном труде в конце параграфа.

Школьному учителю сложно дать учащимся дополнительные сведения о подневольном труде, так как материал в университетских учебниках едва ли не меньше, чем в учебниках для школы, а иногда и совершенно отсутствует. Например, в одном учебном пособии для студентов вузов речь заходит только о партизанском движении. Причины его возникновения, одной из которых была оккупационная политика нацистов, автор не освещает. Студентам кратко сообщается лишь о том, что по планам фашистского командования (правильно было бы написать: руководства – А. Е.) население СССР подлежало германизации или уничтожению⁴⁸. Отсутствуют какие-либо упоминания о подневольном труде или «восточных рабочих» и в новейшем учебнике для академического бакалавриата, выпущенном коллекти-

⁴⁷ Никонов В. А., Девятков С. В. История. История России. 1914 г. – начало XXI в.: учебник для 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый и углублённый уровни: в 2 ч. Ч. 1. 1914-1945. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2019. – С. 234.

⁴⁸ Поцелуев В. А. История России XX столетия: (Основные проблемы): Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – С. 280, 300.

вом МПГУ⁴⁹. В одних университетских учебниках со ссылкой на немецкие данные количество депортированных на принудительные работы советских граждан оценивается в 4,2 млн человек⁵⁰, в других дословно повторяется фраза о том, что гитлеровцы «свыше 4,8 млн человек угнали на рабский труд в Германию»⁵¹.

Лишь в одном из десятка проанализированных учебников была обнаружена подробная информация о принудительном труде советских граждан на оккупированной территории и в Германии. Авторы А. Ф. Киселев и Э. М. Щагин – единственные, кто отметил, что массовый угон населения на работы в Германию имел не только цель обеспечить экономику Третьего рейха рабочей силой, но и направлялся на уничтожение славян. В то же время в учебнике количество принудительно депортированных в Германию завышено до 6 млн человек, а количество погибших «на немецкой каторге» оценивается в 3 млн. Кроме того, в качестве потребителей дешевой рабочей силы с Востока авторы называют только немецкие концерны и сообщают, что «советские граждане носили нашивку «остарбайтер» и размещались в особых лагерях без права передвижения». О том, что треть «восточных рабочих» была занята в сельском хозяйстве, еще часть – в домашнем хозяйстве и не находилась в лагерях, в учебнике не сказано⁵².

Таким образом, в течение почти 75-летнего периода освещения истории подневольного труда в отечественных школьных учебниках государственная политика памяти о Великой Отечественной войне

⁴⁹ История России XX – начала XXI века. Том 2. 1941-2015. Учеб. для академического бакалавриата. Под ред. Д. О. Чуракова. – М.: Юрайт. – С. 46-48.

⁵⁰ Щетинов Ю. А. История России. XX век: Учебное пособие. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – С. 218.

⁵¹ См.: Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2004: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2006. – С. 337; История России. XX – до начала XXI века. Под ред. Л. В. Милова. – М.: Эксмо, 2006. – С. 546.

⁵² Новейшая история Отечества: XX век: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Гуманит. изд. центр Владос, 2002. – Т. 2. – С. 164-165.

претерпевала существенные изменения – от искусственного дозирования информации до включения ее в число обязательных компонентов школьного исторического образования. Однако судьба «восточных рабочих» по-прежнему остается на периферии школьного курса истории. Материал учебников о подневольных работниках и принудительном труде характеризуется скудостью, фактическими ошибками и неполнотой. Передача школьникам исторической памяти о рабских условиях трудовых отношений в немецкой неволе, плохом питании, побоях, унижениях, тоске по родине и борьбе «восточных рабочих» против нацизма возможна только при условии неравнодушия педагогов и творческого отношения к преподаванию темы, а также с привлечением источников информации, дополняющих и корректирующих школьный учебник.

О. В. Князева

С какими трудностями могут сталкиваться педагоги при изучении судьбы узников нацизма на занятиях в школе?

*Я клянусь тебе, клянусь, Победа,
За себя и всех своих друзей, –
Я клянусь, что в жизни нашей новой
мы не позабудем ничего...*

О. Берггольц «Встреча с Победой»¹

Ничего в нашей жизни не происходит случайно. Как-то на прогулке в парке ко мне подошла пожилая женщина, очень интеллигентного вида, представилась Еленой Павловной, и мы с ней слово за слово разговорились. Вернее, я больше слушала, а она говорила. Рассказывала о войне, узнав, что я учитель истории.

¹ Моя Победа. Сборник произведений победителей и участников открытого литературного конкурса, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. – СПб.: Союз писателей России, 2014. – С. 1.

Яркими светлыми красками описывала она довоенный Ленинград, как они с братом катались по Финскому заливу на лодке с парусом, гуляли по городу, строили планы на будущее, но наступила война, и все изменилось. Елена Павловна окончила курсы телеграфисток и попала под бомбежку в Петергофе, а потом их с подружкой немцы взяли в плен. Ее спасло знание немецкого языка: в школе немецкий язык преподавал этнический немец. «Мы себя в обиду немцам не давали», – несколько раз произнесла она, и на глазах появились слезы.

Молодых, здоровых людей немцы отобрали из пленных, в том числе и ее, и погнали в Европу. «Всю Германию пешком прошла», – тихо произнесла старушка. Определили Елену Павловну работать к одному помещику в хозяйство, тем и спаслась. Работать приходилось много, но, по сравнению с большинством других, угнанных в рабство, повезло – хозяйка не зверствовала, сносно кормила, давала теплую одежду, «без повода не била», поселила в помещение для прислуги, а не в сарай к скотине, как большинство товарищей по несчастью.

Про освобождение и фильтрационный лагерь Елена Павловна сказала кратко: «Освободили наши, и, слава Богу, повезло мне, пожалели молоденькую девочку, проверку прошла и вернулась домой, в Ленинград. Нельзя было никому рассказывать о том, что была в плену, и неважно, что оглушило, что без сознания была, когда брали в плен. Политика была такая, побывал в плену, значит, предатель Родины... Все, не могу больше вспоминать». Елена Павловна расплакалась и больше не проронила ни слова. Мы с ней еще встречались однажды, она сильно жаловалась на свое здоровье, поэтому про плен и работу в Германии мне не удалось расспросить ее подробнее.

Про эту историю я сразу вспомнила, когда летом 2018 г. впервые познакомилась с образовательной платформой «Обучение на основе интервью» и электронным архивом «Принудительный труд 1939-1945». Я обрадовалась, что наконец-то голос людей, побывавших в нацистском плену, принудительно работавших на гитлеровский рейх, будет услышан, ученики смогут узнать правду из первых уст, увидеть глазами обыкновенного человека войну, осознать, сколько горя пришлось пережить людям.

Рассказывая своим коллегам, учителям истории о данных ресурсах, о возможностях их использования на уроках, натолкнулась на следующие проблемы:

1. Психологические сложности, связанные с тем, что далеко не все педагоги морально готовы говорить на тему принудительного труда.

«...Зачем, для чего копать в грязном белье? Мы победили. Надо говорить о героях войны, а не о тех, кто был в оккупации и плену. Воспитывать подрастающее поколение нужно на примерах патриотических подвигов.

То, что есть в учебниках, про то и говорить. Официально разрешенную, тщательно выверенную правду о войне, без дискуссий о цене победы и о том, что перенесли пленные, и как их встретила родная страна по возвращении домой...»

На эти возражения я отвечала словами сибирского писателя-фронтовика Виктора Астафьева, который считал, что преступно показывать войну героической и привлекательной: *«Те, кто врет о войне прошлой, приближают войну будущую. Ничего грязнее, жестче, кровавее, натуралистичнее прошедшей войны на свете не было. Надо не героическую войну показывать, а пугать, ведь война отвратительна. Надо постоянно напоминать о ней людям, чтобы не забывали. Но сом, как котят слепых тыкать в нагаженное место, в кровь, в гной, в слезы, иначе ничего от нашего брата не добьешься»²*. Эти слова подтверждаются тем, что в нынешнее время националистические, фашистские идеи вновь становятся популярными среди молодежи.

Забывается то, что забывать нельзя. Вычеркивая, как бы «лишние» страницы из истории войны, вместе с оккупацией, пленом, лагерями и принудительным трудом их узников, а также угнанных в Германию людей, мы спасаем детей от негативных переживаний, грустных эмоций сегодня, но тем самым способствуем их неправильному

² Астафьев В. П. Писатель в окопах. Война глазами солдата / ред. Селин О. В. – М.: Алгоритм, 2018. – 224 с.

восприятию войны, душевному обнищанию, возможному повторению прошлых событий завтра.

2. Объективные сложности, связанные с незнанием истории принудительного труда. Например, в школе, в педагогическом университете на историческом факультете в процессе моего обучения мы никак не затрагивали тему принудительного труда, разве что произносили пару скупых официальных предложений про название некоторых лагерей и про судьбу военнопленных, и с тех пор в программах вузов мало что изменилось.

В школьных учебниках до сих пор тема лагерей, принудительного труда угнанных в Германию советских граждан, жизни людей в оккупации полноценно не обсуждается. Так, в учебнике для 9 класса по истории России А. А. Данилова и других авторов в четвертой главе «Великая Отечественная война. 1941-1945 гг.» есть только данные статистики («Свыше 8,5 млн человек оказались в фашистской неволе») и общие фразы про героические подвиги в тылу всего советского народа, про подпольщиков и партизан на оккупированных территориях. Интересно, что даже депортация народов в годы войны подана в сравнении с США, дескать, депортация – это нормальное явление: «Как и в других воюющих государствах, в частности, в США, внесудебным репрессиям после начала войны подверглись граждане, связанные по национальному признаку с противником. Летом 1941 г. «диверсантами и шпионами» было объявлено всё немецкое население СССР (почти 1,5 млн человек), подлежащее выселению в Сибирь и Казахстан. АССР немцев Поволжья была ликвидирована. Тогда же были депортированы в Сибирь более 50 тыс. литовцев, латышей, эстонцев»³.

В учебниках для 11 класса «Россия и мир» О. В. Волобуева и др. есть один абзац, посвященный террору гитлеровцев по отношению к населению оккупированных территорий, и сказано, что «на

³ История России XX – начало XXI века. 9 класс. Учебник для общеобразоват. учреждений / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина, М. Ю. Брандт. – М: Просвещение, 2013. – 383 с.

принудительные работы в рейх было угнано более 4 миллионов человек»⁴.

В пособии для учителей М. М. Горинова и М. Ю. Морукова «Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Дискуссионные вопросы» в разделе, посвященном цене победы, не уделено внимания потерям мирного населения, угнанного на принудительные работы в германский рейх. Основной акцент сделан на военных потерях: «Выяснилось, что, вопреки расхожему мнению, потери советских и немецких войск примерно сопоставимы, а больший размер наших потерь в изрядной степени вызван сознательным уничтожением немцами наших пленных – смертность в германском плену была гораздо выше, чем в советском»⁵.

Представить себе Великую Отечественную войну, Вторую мировую войну без воспоминаний множества советских граждан, оказавшихся не по своей воле на оккупированных территориях, в концентрационных лагерях, подвергшихся принудительному труду, означает не знать всей правды о войне, потерять нечто важное в исторической памяти народа.

3. Методические сложности. Действительно, это достаточно необычный, непривычный формат обучения, что всегда проблема. Поэтому учителям важно методическое сопровождение применения образовательной платформы «Обучение на основе интервью» на уроках, то есть нужны разработанные задания к собранным на платформе материалам. Частично это уже есть в виде вопросов к интервью, остается только совершенствовать и добавлять конкретные приемы и методы применения материалов. Творческие и интересные.

Хорошо бы, на мой взгляд, провести международный конкурс среди педагогов, и все материалы со сценариями уроков, видеозапи-

⁴ Россия и мир. 11 класс. Базовый уровень. Учебник / О. В. Волобуев, В. А. Клоков, М. Пономарёв, В. Рогожкин. – М.: Дрофа, 2013. – С. 172.

⁵ Горинов М. М., Моруков М. Ю. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. Дискуссионные вопросы. Пособие для учителей общеобразовательных организаций. – М.: Просвещение, 2016. – С. 54-63.

сями фрагментов занятий (по урочной и внеурочной деятельности) и пр. разместить на платформе с возможностью комментирования и отзывов коллег, а также иметь дистанционную поддержку в виде онлайн-консультирования по возникающим у педагогов вопросам.

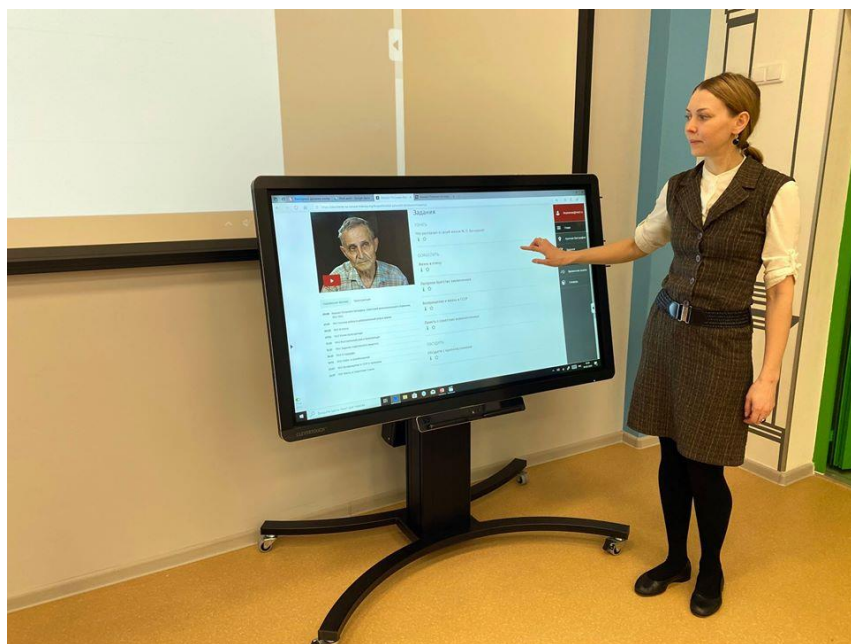
Сложно выкроить время в учебной программе для этого формата, но он, строго говоря, и предназначен скорее для внеурочной деятельности, для проектной и исследовательской работы с обучающимися. Поэтому учителям помогли бы составленные готовые рабочие программы по внеурочной деятельности, методические пособия по использованию материалов образовательного ресурса «Обучение на основе интервью» с привязкой к конкретным темам учебников по истории, к использующимся на практике рабочим программам по истории.

4. Технические сложности. К сожалению, не во всех школах России есть высокоскоростной и бесперебойный интернет и мультимедийное оборудование для использования онлайн-платформы «Обучение на основе интервью» на уроках, поэтому хотелось бы, чтобы имелась возможность работы с платформой оффлайн, удобного скачивания представленных на платформе и в архиве материалов.

5. Организационные сложности. Для того, чтобы стимулировать учителей воспользоваться новым ресурсом, нередко требуется его одобрение сверху. Возможно, информационные письма, к примеру, из Министерства просвещения РФ, других органов управления образования, Ассоциации учителей истории и обществознания и т. д. относительно такой возможности позволят обратить внимание коллег на описываемую образовательную платформу. Следует отметить, что речь ни в коем случае не идет об использовании так называемого административного ресурса в стремлении приобщить учителей к чему-то новому. Иначе в итоге все получится «для галочки», как произошло с небезызвестным электронным ресурсом «Единый урок»: многие педагоги на нем зарегистрировались, поскольку этого требовали «сверху», а используется он на практике не очень активно, хотя там представлено много интересной и полезной информации.

Полагаю, что в деле преподавания, особенно такой сложной, эмоциональной, болезненной для нашего общества темы, как принудительный труд, важно не количество зарегистрировавшихся педагогов, а качество их работы, систематичность использования образовательной платформы. Лучше говорить с учениками от души, по настоящему, проникновенно, неравнодушно, нежели по «указке сверху», тогда можно добиться главного – понимания подрастающим поколением сущности войны, фашизма и недопущения повторения прошлых ошибок человечества.

Полагаю, что вышеперечисленные сложности в использовании на занятиях в школе образовательной онлайн-платформы «Обучение на основе интервью» вполне преодолимы и пути их решения намечены в данной статье.

О. В. Князева на уроке.

У читателя может возникнуть вопрос, почему предлагается рассматривать именно тематику «принудительного труда»? Действи-

тельно, те же приемы и способы обучения могли бы использоваться и применительно к другим аспектам войны. Просто предлагается исходить из того, что уже имеется образовательная платформа «Обучение на основе интервью», а также цифровой архив «Принудительный труд 1939-1945», т. е. ресурсы, которые способствуют тому, чтобы данная страница в нашей истории была изучена должным образом, чтобы дать учителям необходимую информацию по этой теме, так как помимо самих интервью с жертвами фашизма из разных стран там есть словарь, лента времени, описание исторических событий, исторические документы, фотографии, снят отличный фильм о принудительном труде, разработаны вопросы и задания для работы с учащимися по данным материалам.

Никто, я считаю, кроме живых свидетелей прошедшей войны не сможет более правдиво, действенно донести до учеников мысль, высказанную писателем-фронтовиком Виктором Петровичем Астафьевым: «Война – это чудовищное преступление против человека и человеческой морали»⁶. Особенно это актуально в связи с 75-летием Великой победы. Да, безусловно, основной акцент в преподавании истории Великой Отечественной войны в школах делается и должен делаться на демонстрации доблести советской армии, изучении подвигов во имя Родины. Ведь формирование патриотизма – одна из главных задач нашей учебной дисциплины. Однако и о том, в каком положении оказывается на войне обычный «маленький человек», возможно, и не совершивший героических поступков, но переживший боль, унижение и страх, тоже нельзя забывать.

Только правда о войне, пусть и некрасивая, нескладная, многоголосая, включая голос случайно встреченной мной Елены Павловны, может, если не обуздать, так хотя бы немножко погасить в человеке агрессивное начало, способствовать миролюбию и доброте. Гуманитарная функция истории как учебной дисциплины будет реализована при этом наиболее эффективно.

⁶ Астафьев В. П. Писатель в окопах. Война глазами солдата / ред. Селин О. В. – М.: Алгоритм, 2018. – 224 с.

Е. И. Фастова

Потенциал образовательной платформы «Обучение на основе интервью. Принудительный труд 1939-1945» и метода устной истории в развитии проектных умений и навыков школьников

Предложенная для апробации в общеобразовательных учреждениях России онлайн-платформа «Обучение на основе интервью. Принудительный труд 1939-1945»¹ может быть использована как на уроках истории при изучении событий Второй мировой войны и проблемы нацистского принудительного труда, так и на уроках обществознания при изучении тем, связанных с эволюцией прав человека, международными документами о правах человека.

Представленные на платформе интервью дают возможность изучать исторические события, используя свидетельства их непосредственных участников, приобретать и развивать навыки анализа не только учебных и научных текстов, письменных документов, но и интервью как разновидности исторического источника. Это позволяет реализовать историко-антропологический подход при изучении событий прошлого, избежать «обезличенности» истории, ведь понять её можно, только поняв самого человека, мотивы его поступков, объяснив выбор, который он совершал. Только так можно представить и проанализировать жизненный контекст объективной реальности. Такой подход к урокам истории и обществознания, основанный на применении метода устной истории, вызывает неподдельный интерес учеников, позволяет им не только аналитически, но и эмпатийно воспринимать события прошлого. Ученики вырабатывают своё личностное отношение к историческим событиям, дают свою аргументированную оценку событиям и поступкам, извлекают уроки из истории, находят новые смыслы в своей познавательной деятельности.

Дидактические материалы, предложенные ученикам вопросы и задания, содержащиеся на образовательной платформе, способствуют формированию навыка критического мышления. Так, на уроке обще-

¹ URL: <https://obuchenie-na-osnove-intervyu.org/>.

ствознания в 7 классе по теме «Документы о правах человека. Механизм защиты и реализации прав и свобод человека и гражданина» ученикам было предложено совершить путешествие в прошлое, прослушав фрагмент воспоминаний бывшей политзаключённой Аушвица, польки Анны Паларчик.

Учителем были поставлены вопросы и задания к интервью, содержащиеся на платформе. Каков же развивающий потенциал дидактических материалов к интервью Анны Паларчик? Вопрос, адресованный ученикам «Как Анна Паларчик описывает условия жизни в Биркенау и условия жизни других заключённых?», развивает их умение предлагать в своём речевом суждении обоснованное, логически непротиворечивое объяснение. В 7 классе на уроке обществознания, посвященном правам человека, были использованы следующие вопросы и задания:

- В чем заключалась стратегия выживания заключённых в лагере? Аргументируйте свой ответ ссылками на соответствующие эпизоды из фильма.
- Что такое селекция? С какой целью проводилась селекция в Биркенау? Какие категории заключённых под нее подпадали? Приведите примеры селекции в Биркенау по воспоминаниям Анны Паларчик.
- Проанализируйте жизненную ситуацию, в которой оказалась Анна Паларчик, с позиции прав человека. Сделайте вывод, докажите правильность вывода с опорой на факты из данного интервью.
- Раскройте, какие права человека были нарушены. Почему в годы Второй мировой войны человечество столкнулось с ситуацией чудовищного массового нарушения прав человека.
- Какие уроки извлекло человечество из итогов Второй мировой войны?
- Какая взаимосвязь существует между окончанием Второй мировой войны и принятием Всеобщей декларации прав человека?
- Какой документ закрепляет права и свободы граждан нашей страны?

Данные вопросы и задания позволяют развивать навык критического мышления, в частности: умение чётко, ясно и кратко формулировать свою точку зрения; приводить доказательства, факты, мнения экспертов, статистический материал и другого рода яркие аргументы, убедительно доказывающие правильность выбранной позиции. Отметим, что к каждому интервью предложены разнообразные как письменные, так и вещественные исторические источники, которые можно использовать для дополнительного анализа изучаемой проблемы и для подтверждения высказанных гипотетических положений или собственной позиции. Работая с вопросами и заданиями образовательной платформы, обучающиеся учатся отделять факты от субъективного мнения, задавать вопросы в процессе дискуссии тем, кто высказывает альтернативные позиции, делать логически непротиворечивые выводы.

В старших классах работа с интервью и свидетельствами устной истории может выстраиваться иначе, учитывая уже сформированность базовых умений и навыков в части развития критического мышления и анализа документов разного типа. Это могут быть такие виды текстов, как учебные тексты, научные работы, статьи из периодической печати, письма, речи политических деятелей, юридические документы, статистика, литературные произведения (художественная литература), предметы частных или государственных коллекций, географические карты, фотографии, видео- и аудиоматериалы и т. д.

Для устной истории характерна субъективность восприятия, личное отношение и переосмысление пережитых событий, восприятие их через призму личной ответственности и через свою систему ценностных ориентаций. Задача устных историков Пола Томпсона, Даниэля Берто, Глена Элдера, Мартина Коли, Тамары К. Харевен заключалась в том, чтобы «внести в социологию не «предмет» (который в большей степени является философской категорией), а конкретный опыт людей, погружённых в социальные отношения и исторический период времени, ценность которых в том, что они являются носителями информации о социально-исторических средах, истории жизни

которых были запечатлены в этих контекстах в конкретное время»². Это порождает вопрос, насколько объективны свидетельства устной истории или как их сделать таковыми. Следует отметить, что проблема достоверности такого рода источников волнует многих исследователей. Здесь, по мнению Е. Ю. Рождественской, необходимо принимать во внимание и жанровые особенности воспоминаний, поэтому интерпретация такого рода источников требует особых методов. На позицию интервьюируемого оказывают влияние и личные переживания, и контекст собственной судьбы, индивидуальное отношение к пережитому, оценка полученного опыта и многое другое, поэтому то, о чём свидетельствует рассказчик, может не совпадать с реально происходившими событиями. Проблема достоверности свидетельств устной истории, по мнению специалистов в области устной истории³, может быть проверена сопоставлением с другими источниками, раскрывающими поднятые автором проблемы, включая и иные свидетельства устной истории. Все эти рекомендации необходимо учитывать, предлагая схему анализа свидетельств устной истории, которую можно использовать на уроках, организуя работу учащихся с источниками данного типа.

Вариант схемы анализа интервью с использованием метода устной истории на основе анализа документов разного типа, предложенного А. Иоффе, К. Сигасом, Д. Любеком и Д. Кэрроллом⁴.

№	Вопросы для анализа	Комментарии
1.	Общие сведения	Автор интервью, сведения об авторе (каково прошлое автора? Откуда

² Цит. по: Е. Ю. Рождественская. Личное повествование в зеркале социологического интереса // Обучение на основе интервью. Принудительный труд 1939-1945 гг.: пособие для учителя. – Воронеж, 2017. – С. 12.

³ См., например: Драбкин А.В. Я помню. Воспоминания и интервью ветеранов Великой Отечественной войны. URL: <https://iremember.ru/> (дата обращения 10.08.2019).

⁴ См., например: Иоффе А. Н. Методика гражданского образования: теоретические аспекты и практические рекомендации. – Брянск, 2007. – 165 с.

№	Вопросы для анализа	Комментарии
		он/она?), тема интервью, время и место его проведения, интервьюер. Отличалось бы интервью автора из другой страны? Почему?
2.	К какому виду источника относится? В чём особенности источника данного вида?	Существует множество видов документов: учебники, научные работы, статьи в периодической печати, письма, речи политических деятелей, юридические документы, статистика, литературные произведения, предметы частных или государственных коллекций, географические карты, фотографии, видео- и аудиоматериалы и т. д. В качестве источника документ может быть первичным или вторичным. Как соотносятся объективные факты и субъективное мнение в интервью? Как отделить факты от субъективного мнения? Что влияет на позицию автора? Объективны или субъективны его суждения и оценки? Можно ли говорить о достоверности представленных исторических фактов? Как установить эту достоверность?
3.	Историческая обстановка или исторический контекст, о котором повествует интервью	Историческая обстановка может рассматриваться в двух направлениях: отражение событий, о которых идет речь в интервью, или отражение эпохи, в которую создавалось данное интервью. Помогает ли документ лучше понять данный исторический период? Почему?

№	Вопросы для анализа	Комментарии
4.	Адресат	Адресат интервью – тот, к кому оно обращено и на кого рассчитано (это может помочь при выяснении его целей и задач).
5.	Цели и задачи интервью	Можно не разделять цели и задачи, хотя цели носят стратегический, а задачи – тактический характер. Они могут подразделяться на официальные и фактические, главные и побочные.
6.	Факты	В фактологическую часть интервью включаются указываемые даты, исторические события, географические ориентиры, статистические сведения и т. п., что является основой для краткого конспектирования текста интервью. Следует попросить учащихся разделить факты на правдивые, вымышленные и вызывающие сомнение.
7.	Основные понятия	Используемые в интервью понятия учащиеся должны разделить на знакомые и неизвестные, а также попытаться дать краткие определения знакомым понятиям. Можно провести работу по выявлению иерархии понятий (от более широких до более узких). В этой работе помощь окажет словарь новых понятий, содержащийся на образовательной платформе.
8.	Затронутые проблемы	Умение выделить проблему является важным при работе с интервью, оно позволяет учащимся развить абстрактное мышление и выйти на уровень синтеза изучаемого материала.

№	Вопросы для анализа	Комментарии
		Например, проблема выживания, условий содержания заключённых, форм протеста в концлагерях и т. п.
9.	Основные идеи (выводы, главные мысли)	В данном пункте учащиеся могут высказать свои мысли и сделать выводы по поводу услышанного рассказа.
10.	Вопросы к автору	Умение задавать вопросы показывает самостоятельность работы над текстом интервью, а также нестандартность мышления учащихся. Вопросы могут быть уточняющими или полемическими.
11.	Система ценностей (или идеология), отражённая в интервью	Среди наиболее известных ценностных систем можно выделить следующие: либеральные, коммунистические, социал-демократические, религиозные, консервативные, националистические, гуманистические, милитаристские.
12.	Речевые особенности, тон автора	Умение определить особенности устной речи.
13.	Уровень эмоциональности	Эмоциональный фон в значительной степени свидетельствует о степени объективности автора документа.
14.	Возможные сравнения с другими документами (репрезентативность)	Особенно интересно проводить сравнение нескольких документов, рассматривающих одну и ту же проблему с различных позиций.
15.	Историческое значение интервью	Учащиеся должны уметь видеть значение данного интервью как для современников, так и для историков или исследователей, для профессионалов и аналитиков, простых людей.

№	Вопросы для анализа	Комментарии
16.	Основные части, на которые можно разбить текст интервью	Работа с текстом интервью как с историческим источником подразумевает его деление на несколько частей, что позволяет более чётко выделить основные проблемы, затронутые в нем.
17.	Наличие противоречий внутри интервью или при сравнении интервью с другими документами по этой же проблеме	Выявление противоречий позволит отделить объективные факты от субъективного мнения и решить основную проблему при использовании метода устной истории – выявить степень достоверности представленных данных.
18.	Альтернативная позиция	Как бы данное время описал сторонник другой идеологической или ролевой позиции?
19.	Продолжение исследования	Какие другие источники помогли бы продолжить исследование данной проблемы? Есть ли необходимость в обращении к другим источникам? Почему?

Вопросы, предложенные в схеме, могут быть использованы выборочно. Это определяется целями, которые ставит педагог в своей работе с учениками, и во многом зависит от содержания конкретного урока. Учитель может использовать как весь текст интервью, так и его отдельные фрагменты, и здесь создателями платформы предложена разбивка видеointerview на отдельные сюжеты, которая позволяет рационально организовать работу учащихся со свидетельствами очевидцев. Например, сопоставительный анализ интервью с другими видами документов или свидетельствами очевидцев, методически грамотно организованный педагогом, может занять весь урок или факультативное занятие. А умение учеников выявлять проблемы, затронутые автором устного текста, может стать основой для разработки групповых или индивидуальных учебных проектов. Так, на одном из

уроков по правам человека, прослушав интервью Анны Паларчик, семиклассники обозначили следующие проблемы:

- Почему в годы Второй мировой войны человечество столкнулось с проблемой чудовищного нарушения прав человека в нацистских концентрационных лагерях?
- Извлекло ли человечество уроки после Второй мировой войны? Почему? В чём причины возникновения неонацизма?
- Были ли особенности в положении различных категорий заключённых: «восточных рабочих», политических заключённых, советских военнопленных? Что было общего и особенного в их положении?
- Был ли у человека выбор в условиях нацистского плена? Возможно ли было сопротивление в условиях неволи?
- Можно ли было сохранить Человеческое в Человеке в чудовищных условиях концентрационных лагерей нацистской Германии?

Разбив учащихся на группы, учитель может предложить выполнить проект, направленный на решение данной проблемы. При работе над проектом ученикам может быть рекомендовано использование материалов образовательной платформы, которые представлены документами и другими источниками, а также воспользоваться любой дополнительной литературой и интернет-ресурсами. Разумеется, что по каждой проблеме учителю целесообразно разработать список рекомендуемой для изучения литературы. Такой урок возможен в классе, где у учеников развиты проектные умения, и они могут осуществлять самостоятельно работу по этапам проекта. Проектные умения и навыки предполагают также способность учеников определять, кроме проблемы проекта, его цели; разбивать поставленную цель на ряд задач, распределять эти задачи внутри группы, определяя ролевую позицию каждого участника проекта, находить оптимальный способ решения проблемы, производить оценку найденного способа решения проблемы, осуществлять презентацию и защиту проекта. Проект всегда предполагает оформление результатов. Форма представления результатов проекта может быть выбрана учениками в составе группы самостоятельно. Интересный инструментальный предложен в американской педа-

гогике. Все проекты разделены на три группы: визуальные, вербальные и письменные. Вариативность форм, предложенных учителем, даёт огромное пространство для выбора, позволяет учитывать особенности учащихся, их склонности и интересы. Пустые прямоугольники в таблице с вопросительными знаками дают ученикам возможность выбрать свою форму презентации результатов проектной деятельности, отличную от той, которую предложил учитель.

Формы презентации проекта

Вербальные виды проектов	Визуальные проекты	Проекты в виде письменных заданий
творческий проект с элементами моделирования ситуации	PowerPoint презентация, сайт	сочинение-размышление (эссе)
выступление перед аудиторией по теме	?	написание статьи в газету или журнал
?	документальный фильм	задачи, задания, вопросы
историко-познавательная передача	буклет	очерк, рассказ
конференция	стендовая презентация	стихотворение (поэма)
интервью	брошюра или книга	?

Предложенные в настоящей статье формы организации образовательного процесса с использованием материалов онлайн-платформы «Обучение на основе интервью. Принудительный труд 1939-1945» позволят ученикам самостоятельно выполнять проекты и учебные исследования, развивая свои проектные и учебно-исследовательские умения, трансформируя их в навык вырабатывать ценностное отношение к событиям Второй мировой войны в общем и проблеме нацистского принудительного труда, в частности, находить в учебно-познавательной, проектной и исследовательской деятельности собственные смыслы.

Э. Шерстяной

Субъективность как ценное приобретение в школьном преподавании истории¹

Уже 30 лет назад все нововведения в преподавании истории в Германии были направлены на то, чтобы реформировать устаревшую подачу материала. Одновременно следовало модернизировать содержание учебного процесса в пользу так называемой ожившей «истории снизу», «истории повседневности». В такой ситуации свидетель истории получил новую важную функцию на уроках в старших классах, где речь идет об истории новейшего времени. У педагогов появился шанс с помощью личных воспоминаний о прошлом и пережитом целенаправленно внести в интерпретацию истории мультиперспективность. В качестве достижения рассматривалось то, что учащимся в школе представлялись различные взгляды их старших современников. Учащиеся старших классов должны были, таким образом, подготовиться к обращению с субъективными подходами к истории, например, во время интервью с очевидцем исторических событий, и обрести навыки оценки субъективной информации. В то же время, и в публицистике, и в исторических исследованиях оказалось сильно переоценено значение свидетеля истории как источника информации. По любому поводу в исторических дискуссиях раздавался призыв к большей эмпатии. Но если сначала полагали, что необходимо, прежде всего, обучить учащегося обращению с современными медиасредствами, то вскоре в фокусе оказались содержательные и этические вопросы обучения.

Сегодня нет больше необходимости в специальной подготовке для того, чтобы учащиеся получили доступ к исторической информации с помощью компьютера, так как интернет стал частью общей информационной культуры, в нем имеются многочисленные материалы об исторических событиях, представленные в привлекательной форме. Школа может в лучшем случае рекомендовать сайты и ссылки, запреты больше не работают. Социальные сети оказывают, особенно в

¹ Перевод Татьяны Малаховой.

отношении недавнего прошлого, сильное воздействие на формирование мнения и было доказано, что зафиксированные воспоминания имеют постоянное влияние на формирование идентичности. Использование этого материала представляет собой в основном не что иное, как ставшее обыденным, зачастую неконтролируемым, обращение к субъективному мнению. Однако работе с такими источниками человек должен быть обучен.

В дальнейшем речь будет идти, прежде всего, о двух компетенциях, которые являются центральной составной частью общего опыта обучения и могут быть получены на занятиях при работе со свидетелями истории как субъективными источниками информации. Ученик может и должен (1) получать навыки и знания относительно проверки достоверности субъективных источников и ценности этих высказываний.

И одновременно он может (2) совершенствовать свое умение выносить суждение при ответе на вопрос о принятии или непринятии конкретного субъективного нарратива. Для этого принимаются во внимание живые воспоминания, представленные свидетелями истории в непосредственном контакте с учащимися, и так называемые «законсервированные воспоминания», что означает письменно, акустически или аудиовизуально зафиксированные высказывания свидетелей истории.

Основная проблема заключается в **признании различных взглядов на историю**. Сколько нестыковок и противоречий вытерпит еще урок истории? Сколько неоднозначности смогут еще вынести и переработать молодые люди? Сколько видов плюрализма они должны научиться формировать? В Германии политики и педагоги имеют сегодня повод для более строгого преследования антидемократической политической инструментализации истории, чем 30 лет назад, и более четкого напоминания **о неприятии антидемократических взглядов и позиций**. Здесь тоже может помочь работа со свидетелями истории на уроках истории. То, чему ученик у них (или на их примере) научится, он сможет применять при работе со всеми субъективными источниками, то есть для критического осмысления всех предложенных субъективных позиций.

Как показала практика, для этого используются не просто только живые или реальные (имевшие место в действительности) воспоминания, которые иллюстрируют содержащуюся в учебном плане историческую картину. Речь идет скорее – и чем старше учащиеся, тем больше – об оттачивании их суждений, получении **опыта социальной коммуникации в общественном дискурсе, о сенсбилизации к проблемам поиска собственной идентичности и проблемам поиска идентичности других членов общества.**

1. Проверка достоверности источника и ценности высказывания

Несколько лет назад мой коллега Александер фон Плато сделал доклад на конференции в Волгограде на основе своих наблюдений в немецких школах. Он сообщил, что многие немецкие педагоги ошибочным образом полагают, что свидетель истории должен в школьном интервью, прежде всего, рассказывать «правильное» и распространять «правду»². Эта упрощенная позиция имеет место также и сегодня. Предварительно учителя проверяют жизненный путь свидетеля. Они исходят из того, что этот жизненный путь должен быть заслуживающим особого внимания в рамках программы обучения: это или трагическая судьба, которая в коммуникативной памяти наряду с другими бесчисленными примерами превращается в изображение страданий жертвы и становится фундаментом для формирования коллективной идентичности, или это героический поступок, которому следует подражать. Но с такими подходами большое количество представителей старшего поколения исключается из числа партнеров по интервью. «Опыт преступников» или «опыт попутчиков» не рассматриваются, не говоря уже о такой группе людей, которых нельзя однозначно причислить к группе жертв или к группе преступников.

² von Plato A. Chancen und Gefahren des Einsatzes von Zeitzeugen im Unterricht. Vortrag auf der Konferenz 'Auferstanden aus Ruinen'. Mythen – Tabus – Erinnerungen zur Nachkriegszeit als Thema des Geschichtsunterrichts. Wolgograd. 29. 9. 2001. URL: <http://lernportal.the-unwanted.com/lernstation/files/6/1133881509.pdf> (дата обращения 1.2.2019).

Соответствует ли этот подход к выбору свидетелей истории требованиям нашего времени, является спорным вопросом.

Наряду с выбором партнера по интервью в соответствии с критерием «предсказуемое содержание интервью» («erwarteter Berichtsinhalt») уже на подготовительном этапе является, естественно, важным, проверить достоверность свидетеля истории. Информация о достоверности источника определяет также его выбор. Самая первая проверка источника учителем направлена на то, чтобы исключить патологические случаи. Достоверность источника определяется в большинстве случаев авторитетными людьми, которые помогают в поисках: союзами жертв, партиями, выдающимися личностями. Их рекомендации имеют большой вес, поэтому пригодность источника редко ставится учителем под сомнение.

Тем временем набралось уже большое число рекомендованных «профессиональных свидетелей истории» с особыми речевыми характеристиками. Эти свидетели осознают свою роль и не хотят просто пересказывать захватывающие события, они рассматривают себя в качестве посредников в общественном сознании. Их вклад я никоим образом не хочу преуменьшать, но все-таки, и это обязательно должно входить в цели обучения необходимой компетенции, важно, чтобы ученик старших классов, как минимум, научился основам дифференциации и понимал:

1. Это человек, который пережил какое-то важное **историческое событие**.

2. Он дает свою **версию пережитого**. Одновременно он вписывает эту версию в **контекст**, который не пережил непосредственно, не мог пережить, а, возможно, слышал о нем или учил это.

3. В своей дальнейшей жизни он приобрел большой опыт, исходя из которого, он придает рассказу **более глубокий смысл**. Смысл возникает в зависимости от индивидуальной проработки события и от актуальной общественной дискуссии. Опыт общения со свидетелем истории, а также его нынешнее понимание собственных ролей имеет при этом большое значение.

Вопрос о достоверности свидетеля истории или же правдоподобия его сообщения направлен на оценку его связи с действительностью; при этом учитывается личность свидетеля, его потребность в высказывании и содержание сообщения, а также личные намерения. Эта оценка возвращает нас к социальным параметрам и заставляет учитывать весь жизненный путь свидетеля истории. Наука исходит из того, что каждый субъективный источник что-либо сообщает: при этом изображенные прошедшие переживания – это одно, способ презентации – другое, замалчивание фактов или искажение их может стать третьим. По крайней мере, данную ситуацию можно и нужно частично прорабатывать на занятиях. При этом следует отметить, что достоверность и надежность для молодых людей являются центральными этическими категориями. *Могу ли я рассказанную историю принять за «чистую монету»?* – этот вопрос должен быть предварительно сознательно инициирован.

Когда учащиеся начинают разбирать достоверность источника, то им предварительно необходимо растолковать: **в диалоге со свидетелем истории обе стороны совместно производят значимый историографический контекст**, потому что это, естественно, есть артефакты, источники, созданные по прошествии времени в процессе интервью. Как активные интервьюеры школьники должны осознать, что и от их поведения во время диалога зависит, как и что рассказывается. Как пользователи также и чужих интервью (так называемых консервов) они могут это тоже исследовать. В обоих случаях интервью можно понимать как реализованный или постреализованный коммуникативный тренинг³. Поведение интервьюера нужно включать в оценку высказывания свидетеля истории.

³ Различные эффекты и результаты изучения истории с активным участием в создании интервью, с одной стороны, и с использованием записей интервью, с другой, рассматривала в рамках своего диссертационного исследования Кристиана Бертрам. – См.: Bertram Chr. Lebendige Erinnerung oder Erinnerungskonserven und ihre Wirksamkeit im Hinblick auf historisches Lernen // BIOS. – Jg. 28 (2015). – Heft 1/2. URL: <http://doi.org/103224/bios.v28il-2.09>.

Если вопрос о достоверности свидетеля истории нацелен сначала на предположение или на оценку ожидаемого, то после интервью на него может быть получен намного более конкретный ответ: при проведении итогов работы (среди школьников) и при анализе текста. При необходимости нужно скорректировать первоначальную оценку.

Учащиеся могли бы при этом рассмотреть следующие вопросы:

– Что пережил человек согласно его собственному рассказу? Как он участвовал в историческом событии? Что в его сообщении подтверждается другими свидетельствами? Что невероятно, что вероятно?

– Что в предыдущей жизни свидетеля «привело» его объективно или субъективно к событию, к какой группе свидетелей он может быть причислен (в качестве противопоставления: как другие группы лиц пережили это событие?)

– Что в своем высказывании он совсем не в состоянии оценивать на основе собственных переживаний? Осознает ли он, что это он не сам пережил? Какую цель имеет расширение его субъективного переживания в предложенном тексте?

– Как он оформляет свое высказывание, почему он подает историю именно в этой форме? В каком качестве он выступает?

– Почему мы не слышим о «том-то и том-то», почему об ожидаемом событии «так или иначе» не говорится?

Если учащиеся участвуют непосредственно в интервью, то вполне возможно обсудить все это еще на подготовительной фазе. Если свидетель истории интеллектуально в состоянии осуществлять саморефлексию, то можно задать ему в разговоре такие вопросы: *Мы учили «то-то и то-то», но Ваше личное изложение отличается от этого? Почему это так, по Вашему мнению?* Такая конфронтация со сказанным утверждением должна соответствовать, однако, общим правилам поведения.

Учителю следует взвесить: что делать, если высказывание свидетеля воспринимается школьниками как недостоверное? Это касается как интервью, проведенных в классе, так и использования «консер-

вов». Полное отрицание вряд ли часто может иметь место⁴, так как опыт показывает, пожилые свидетели истории пользуются в школе достаточным уважением. Но педагог должен занять определенную позицию по отношению к сомнительному высказыванию и не оставлять учащихся один на один с сомнениями. При этом нельзя допускать, чтобы учитель стоял на позиции: «У каждого свой взгляд на прошлое». Наоборот, он должен побуждать к проверкам информации. Проверка – это очень важный учебный опыт, при котором необходимо выяснить, какой источник обладает большей достоверностью, а какой вообще неприемлем. В экстремальных случаях учащиеся сталкиваются со стороны пожилых людей с различными упреками и обвинениями, которые все-таки имеют место в обществе. Было бы неправильно освободить урок от этих противоречий.

2. Принятие и непринятие

Давно известно, что на уроке свидетельские показания не могут служить для передачи единственной и для всех действительной истории.⁵ Вырабатывать учебную и коммуникативную компетенцию при общении со свидетелями истории означает узнать, что сначала нужно выслушать чужие, незнакомые, странные, неприятные истории и аргументы. В сети Интернет, а также в газетах и фильмах в изобилии имеются конформистские тексты. Но особенно интересным для старшеклассников является отличное от общепринятого и одобренного государством мнение свидетелей.

Если учитель в одной из таких ситуаций только авторитарно утверждает, что услышанная история неправдива, контекст непра-

⁴ Проблем симпатии и антипатии коротко касаются Катарина Обенс и Кристиан Гайслер-Ягоджински. – См.: Obens K., Geißler-Jagodzinski Chr. Historisches Lernen im Zeitzzeugengespräch. Erste Ergebnisse einer empirischen Mikrostudie zur Rezeption von Zeitzzeugengesprächen bei Schülern // Gedenkstättenrundbrief 151 [2009]. – S. 11-15. URL: https://www.gedenkstaettenforum.de/nc/gedenkstaettenrundbrief/rundbrief/news/historisches_lernen_im_zeitzeugengespraech/ (дата обращения 1.2.2019).

⁵ Dehne B. Zeitzzeugenbefragung im Unterricht // Geschichte in Wissenschaft und Technik. Zeitschrift des Verbandes der Geschichtslehrer Deutschlands. – 2003 (54). – S. 446.

вильно понят и представлен, что эту позицию надо отклонить, то тогда он, конечно, не способствует формированию демократического отношения к дискурсу. Скорее он должен способствовать **систематизации этой информации** среди множества возможных реальных переживаний и установок. Учащиеся могли бы сами, в соответствии с уровнем своей зрелости, провести эту классификацию, представить ее, например, в форме доклада.

Принять сказанное и оценить его дается учащимся легче, если они знают, что **противодействует процессу вспоминания**. Почему истории часто носят фрагментарный характер, как и почему имеют место «вытеснение» и «переосмысление»? Старшеклассники уже могут понять эту физиологическую и психологическую сторону памяти. Большую помощь может оказать также и целенаправленная подборка противоположных – также субъективных – позиций, которые при определенных условиях показывают, что свидетель представляет мнение меньшинства, и что большинство его поколения имело другой опыт. Могут быть противопоставлены подтвержденные доказательствами факты, при оценке могут помочь статистические данные. Одновременно необходимо уважать **не общепринятую позицию** как имеющую право на существование. У ее появления есть определенные **причины**, их исследование должно стать частью урока истории.

Это, конечно, трудная задача, которая сама в первую очередь должна решаться сначала в университетах. Но также и в школе следует создать такую ситуацию, при которой неудобные вопросы могут и должны обсуждаться. И не просто из уважения к сединам опрашиваемых респондентов. Искаженные и неправильно интерпретированные картины «со всей своей субъективностью, а также сомнительностью и ошибочностью являются необходимыми [...] для понимания целого»⁶. Фрагментарные исторические знания и исторические знания с ограниченной перспективой, такие, с которыми мы сталкиваемся в сообщени-

⁶ Dehne B. Zeitzeugenbefragung im Unterricht // Geschichte in Wissenschaft und Technik. Zeitschrift des Verbandes der Geschichtslehrer Deutschlands. – 2003 (54). – S. 443.

ях свидетелей истории, необходимы для того, чтобы понять сложность и комплексный характер исторических процессов *и их последствий*.

Поэтому теоретически возможно, что субъективная история, которая хорошо подтверждает основные положения учебного плана, не остается окончательным переживанием, а в процессе осмысления целенаправленно противопоставляется другим не общепринятым, отличающимся представлениям. Учащиеся могли бы подготовить доклады о том, какие противоположные переживания сообщаются в других местах (в кино, в музее, в кругу знакомых). Они должны были бы обосновывать, какие сообщения убеждают их больше, чем свидетели. Этот процесс предполагает доверительные отношения между учителем и учеником. Это может значительно продвинуть их в приобретении коммуникативных компетенций и заострить взгляд на прошлое.

Сложность состоит в итоге в балансе (правильного/неправильного), который, прежде всего, должен подвести учитель. Идет ли речь в сообщении об истории, которая допускается в смысле мультиперспективности как цели, или здесь подается недемократический, негуманный взгляд на вещи, который должен быть подвергнут критике. Может ли представленный взгляд считаться одним из многих субъективных взглядов на исторические события, которые сами – результат многоаспектных процессов и продолжают действовать дальше. Или за этим стоит, по сути дела, негуманная позиция (например: шовинистическая, расистская), наличие которой нельзя игнорировать, но которая не должна получить распространение, а наоборот – должна быть отвергнута. Чтобы свидетель истории был полностью отвергнут, такого в школьной практике еще не наблюдалось, так как недемократически настроенные аутсайдеры редко решаются переступить порог государственной школы со своими взглядами. Но нередко критическая позиция подспудно проявляется в отдельных вопросах. Приобрести определенные учебные навыки в данном случае означает научиться выработать свое собственное мнение по отношению к заслуживающей критики информации.

Обращение с не общепринятыми, не способными набрать большинство голосов, носящими даже подрывной, субверсивный,

антиправительственный характер, взглядами на прошедшую историю относится во всех обществах к сложнейшим задачам общественного дискурса. Здесь перед учителем встает важная задача, для решения которой он должен обратиться за помощью, как бы «делегировав» ответственность и привлекая ученых или приглашая авторитетных специалистов. Это не есть признание слабости. Скорее этим учитель показывает учащимся, что общество в целом не держит наготове универсальные рецепты на все случаи жизни, что прошлое является предметом постоянной дискуссии, что оценки не даются раз и навсегда, что нет вечного «толкователя истории». Интерпретация прошлого, прежде всего, недавнего прошлого, в большинстве своих тем открыта для оценок. Живущие должны постоянно заново обмениваться мнениями о том, как следует оценивать прошлое. Также заново постоянно возникает вопрос о том, какие выводы мы, как сообщество, не должны делать.

Но так как необходимо уважать и учащихся в качестве субъектов и, так как они сами должны воспринимать себя в качестве участников постоянно продолжающегося процесса работы над историей, то очень важно, чтобы учитель понимал следующее: после опроса очевидцев **нет (и не может быть) обязательного для всех результата**, должно оставаться пространство для более продолжительной рефлексии услышанного каждым учащимся: в группе или же индивидуально⁷.

⁷ Dehne B. Zeitzeugenbefragung im Unterricht // Geschichte in Wissenschaft und Technik. Zeitschrift des Verbandes der Geschichtslehrer Deutschlands. – 2003 (54). – S. 451.

Й. Биннер

Советские граждане – работники принудительного труда в нацистской Германии¹

Более 10 миллионов человек были депортированы немцами в Германию во время Второй мировой войны для принудительного труда. Примерно столько же были задействованы с этой же целью на оккупированной территории Европы. Таким образом, общее количество тех, чья рабочая сила использовалась для поддержания германской военной экономики, составляет около 20 миллионов человек². Большая часть людей, депортированных в Германию, а именно около 3 миллионов гражданских лиц и столько же военнопленных, прибыли из Советского Союза. А на оккупированной территории Советского Союза все, кто хотел выжить, должны были работать по принуждению немецкой оккупационной власти.

Даже в чисто количественном отношении советские граждане имели большое значение для экономики нацистской Германии в годы войны. Без использования принудительного труда так называемых «восточных рабочих» и советских военнопленных Германия не смогла бы столь долго воевать. В конце войны граждане Советского Союза были задействованы во всех секторах экономики – от промышленности до ремесленного производства и сферы услуг. Их присутствие являлось повсеместным – от крупных немецких городов до самых маленьких деревень. Независимо от экономической составляющей подневольный труд советских граждан имел большое значение для социальных отношений в Германии военных лет. Им и посвящена данная статья.

¹ Перевод Елены Артемовой.

² См. подробнее: Zwangsarbeit. Die Deutschen, die Zwangsarbeiter und der Krieg. Begleitband zur internationalen Wanderausstellung, herausgegeben von Volkhard Knigge, Rikola-Gunnar Lüttgenau und Jens-Christian Wagner im Auftrag der Stiftung Gedenkstätten Buchenwald und Mittelbau-Dora. – Weimar, 2010; Spoerer M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa 1939-1945. – Stuttgart, 2001.

Согласно действующей идеологии, пребывание советских людей на территории Германского рейха исключалось. В соответствии с расовой составляющей этой идеологии определялись условия использования иностранных работников принудительного труда. Существовала иерархия людей из разных стран. На ее низшей ступени стояли славянские народы, за ними – евреи, синти и рома. Эта идеология и, прежде всего, антисемитизм последовательно внедрялись с 1933 г. в качестве политического ориентира и насаждались немецкому населению всеми возможными способами: через газеты, радио, в школах, на массовых мероприятиях, на рабочих местах. Режим опирался на широко распространенные представления о том, что различные «расы» людей имеют также разную ценность. На протяжении десятилетий антисемитизм проповедовался большинством протестантских пасторов. Руководящим принципом расовой иерархии было разделение предполагаемых рас, что выражалось в дискриминации, социальной изоляции и, наконец, депортации и уничтожении.

В 1939 г., в начале войны режим внезапно столкнулся с необходимостью объяснений, потому что вдруг неожиданно люди, которые были объявлены неполноценными, стали необходимы для поддержания экономической жизни Германии. Путь к обещанной расовой чистоте немецкого «народного сообщества» был, таким образом, внезапно прерван. Что касается поляков, которые с начала 1940 г. в больших количествах были задействованы на различных работах, особенно в сельском хозяйстве, это еще можно было оправдать традицией трудовой миграции поляков в Германию.

Все стало гораздо сложнее после нападения Германии на СССР в июне 1941 г. Изначально не планировалось размещение людей из Советского Союза на территории Германского рейха. Напротив, с уверенностью в успехе блицкрига было объявлено, что еще до наступления зимы 1941 г. Советский Союз будет разгромлен и уничтожен и что тогда можно будет повернуть направление удара в сторону Англии. В рамках этой стратегии следовало бы демобилизовать необходимое количество мужчин, чтобы устранить нехватку кадров на промышленных предприятиях. Однако уже с августа 1941 г. в спе-

циальные «лагеря русских» на территории Рейха начали доставлять советских военнопленных, вскоре из них были созданы и рабочие команды³. Эти рабочие команды выполняли тяжелую работу в удаленных местах, например, при осушении болот или на стройках. До весны 1942 г. такое использование рабочей силы еще не приобрело массовый характер, ибо на «лагеря русских» в Германском рейхе вскоре был наложен карантин с целью предотвращения эпидемий. Вместо использования в качестве рабочей силы советские военнопленные содержались в больших лагерях на территории Германии, где были в основном оставлены на произвол судьбы. Зимой 1941-1942 гг. военнопленные умирали в большом количестве от недоедания, легко излечимых болезней и нехватки предметов первой необходимости. Следует подчеркнуть, что советские военнопленные в своем подавляющем большинстве умерли не от эпидемий, а стали жертвами сознательно вызванного отсутствия всего жизненно необходимого. Они являются, таким образом, жертвами преступления, а не заразных болезней, распространение которых невозможно было предотвратить. Гражданские лица из Советского Союза в то время в Германию еще не депортировались.

Весна 1942 г. стала решающим моментом для режима: необходимо было признать, что с поражением вермахта под Москвой и вступлением США в декабре 1941 г. в войну все военные планы рухнули. Для обеспечения армии оружием, боеприпасами, продовольствием и другими средствами требовались сырье, производственные мощности и, прежде всего, рабочая сила, нехватка которой внезапно стала остро ощущаться. Осознание этой проблемы привело к изменению вектора развития германской военной экономики после назначения Альберта Шпеера новым всемогущим министром по вооружению

³ Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Erfordernissen. Schriftenreihe der Stiftung niedersächsische Gedenkstätten. Bd. 1. – Göttingen, 2011, а также: Keller R., Petry S. (Hg.). Sowjetische Kriegsgefangene im Arbeitseinsatz 1941-1945. Dokumente zu den Lebens- und Arbeitsbedingungen in Norddeutschland. Schriftenreihe der Stiftung niedersächsische Gedenkstätten. Bd. 2. – Göttingen, 2013.

и боеприпасам, создания Главного административно-хозяйственного управления СС с целью улучшения координации экономической деятельности СС и, наконец, назначения Фрица Заукеля в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Задача Заукеля состояла в том, чтобы в кратчайшие сроки обеспечить приток в Германию как можно большего количества людей и предотвратить, таким образом, крах военной экономики. Страной, из которой в первую очередь рассчитывали получить большое количество рабочей силы, был Советский Союз. Ожидая, что люди, прежде всего, в Украине, будут радоваться своему освобождению от сталинизма, Заукель рассчитывал получить множество добровольных заявлений относительно трудоустройства в Германии. Его ведомство начало свою деятельность с пропагандистской работы, чтобы убедить людей приехать в Германию, где им были обещаны райские условия. Вначале удалось достичь некоторых успехов, главным образом потому, что люди увидели возможность избежать жестокости немецких оккупационных властей. Но вести о бесчеловечном обращении с добровольцами в Германии быстро долетели до оккупированных территорий, и доверие к обещаниям немцев исчезло. В будущем насильственные способы стали предпочтительными при получении новой рабочей силы из оккупированного Советского Союза. При этом изменились также и методы: если вначале для отбора призывались люди соответствующих годов рождения, то вскоре были введены определенные квоты для всех деревень, за выполнение которых назначенные из числа местных жителей бургомистры несли ответственность под угрозой жестоких наказаний. Наконец, к окончанию периода оккупации депортировали всех подряд, кого удавалось схватить, производя облавы в деревнях, а также на предприятиях и других местах массового скопления людей, например, в кинозалах.

В Германии присутствие большого числа лиц из Советского Союза, по крайней мере, с середины 1942 г., означало психологический перелом, который нельзя недооценивать. За полгода до поражения Германии под Сталинградом стало ясно, что немецкие военные планы не могут быть выполнены. По-другому нельзя было объяснить, почему советские граждане, которых пропаганда годами называла

«недочеловеками», неожиданно оказались за станком рядом с немцами. Режим отреагировал множеством подробных предписаний по размещению иностранных работников: четко регулировались вопросы питания, проживания, оплаты труда, наказаний и все другие сферы повседневной жизни. В распоряжениях вермахта был особый раздел, касавшийся «восточных рабочих» или советских военнопленных. Речь всегда шла о том, что с работниками принудительного труда из Советского Союза следует обращаться значительно хуже, чем с рабочими из других стран. Они получали меньшие продовольственные пайки, их размещали в основном в лагерных бараках, а не в отдельных помещениях, как, например, французов, их рабочий день был длиннее, а заработная плата ниже, и из нее вычиталась значительная часть денег за проживание и питание.

Обилие приказов, закреплявших дискриминацию иностранных работников, служило для режима средством смягчения негативного эффекта, создававшегося присутствием этих людей в Германии. Как следствие, возникла четкая иерархия, в которой даже самый малозначительный немецкий рабочий стоял несоизмеримо выше иностранцев, и особенно тех, которые были из Советского Союза. В то же время была обеспечена максимально возможная изоляция советских граждан, ибо существовала опасность: немцы могли познакомиться с ними и обнаружить, что они совершенно нормальные люди, а не «недочеловеки», как их изображала пропаганда. При использовании труда польских работников в сельском хозяйстве с 1940 г. можно было часто наблюдать вполне нормальную интеграцию поляков в повседневную фермерскую жизнь – это воспринималось в порядке вещей в рамках традиционной рабочей миграции. Что касается работников из Советского Союза, их надлежало содержать строго отдельно от немцев во избежание тесных контактов. Это разделение выражалось в обязательной маркировке, которая уже была введена для поляков: каждый «восточный рабочий» носил значок «OST» на одежде на определенном месте. Таким образом, создавался барьер для открытого и непредвзятого обращения с советскими людьми. Маркировка служила как бы сигналом предупреждения: помните, что пропаганда говорила об этих людях, будьте осторожны!

Уже в 1942 г. исчезла иллюзия относительно того, что депортация советских людей в Германию на принудительные работы – явление временное. В ходе все новых и новых так называемых «акций Заукеля» в Германию прибывали массы людей, потому что каким-либо иным способом функционирование военной экономики уже обеспечить было нельзя. Вначале еще предпринимались попытки ограничить использование этой рабочей силы определенными сферами экономики. Так, «восточные рабочие» должны были быть задействованы, прежде всего, в промышленности, потому что там было легче осуществлять контроль, а размещение в больших лагерных бараках на территории предприятий надежнее обеспечивало их изоляцию от немцев. Но это не могло продолжаться долго, потому что нехватка рабочей силы вскоре затронула все сферы экономики. Не позднее начала 1943 г. «восточные рабочие» и советские военнопленные были задействованы на всех заводах, а также в сельском хозяйстве, присутствовали во всех городах, поселках и деревнях. Они стали частью повседневной жизни немцев в военное время.

Тогда же начали предприниматься усилия по улучшению условий содержания людей из Советского Союза. На начальном этапе их использования в качестве рабочей силы между службами безопасности и бизнес-структурами возникали конфликты. Члены СС призывали к тому, чтобы с гражданами Советского Союза обращались как с заключенными. Представители бизнеса были, однако, заинтересованы в том, чтобы получить рабочую силу, которая могла бы приносить пользу. И они знали, что люди могут выполнять свою работу только в том случае, если им предоставляется достойное питание и вообще что-то делается для поддержания их в работоспособном состоянии. Изначально в 1942 г. преобладала в основном позиция органов безопасности. Это подтверждается «Указами о восточных рабочих», в которых предписывалось бесчеловечное и строгое обращение с ними. В тот период все еще бытовало мнение, что Советский Союз является неисчерпаемым источником рабочей силы, которую можно использовать по своему усмотрению. Но уже в течение 1942 г. стало ясно, что занятость иностранцев в экономике Германии является долговременным явлением.

В то же время, вследствие контрастности Красной Армии и усиления партизанского движения было сложнее собирать в оккупированном Советском Союзе новые партии людей, подходящих для использования в качестве рабочей силы на территории Германии. Кроме того, подчиненные генерального уполномоченного по использованию рабочей силы испытывали все большую конкуренцию со стороны сотрудников служб занятости оккупированных территорий, которые на местах должны были обеспечивать работниками сельское хозяйство и промышленность. Вскоре это привело к печально известной «заукелевской охоте на рабов», в ходе которой всех, кого можно было поймать, депортировали в Германию, независимо от того, были ли они вообще пригодны для работы с точки зрения возраста и состояния здоровья. Выполнение количественных требований становилось важнее, чем отбор подходящих людей.

Использование работников принудительного труда из Советского Союза в нацистской Германии имеет особенное значение при рассмотрении проблем социальной истории, приобретших большое значение в последние годы, например, в контексте дебатов о «народном сообществе». И в этой сфере особый интерес представляет применение труда подневольных работников в рабочих командах малой численности, поскольку здесь люди контактировали, как правило, ближе и неформальнее. Вследствие этого в фокусе внимания ученых больше оказываются рабочие места в сельском и лесном хозяйстве, ремесленном производстве или домашнем хозяйстве, нежели занятость в промышленности или строительной отрасли, хотя, конечно, границы не могут быть четко определены. В сфере промышленного производства или строительства речь идет скорее об использовании большого количества людей в одном месте. В связи с этим также там велико значение официальных правил, выполнение которых контролировалось специальными органами, такими как служба охраны труда или цеховые мастера. В то же время иностранцы на этих предприятиях были строже отделены от немецких работников. Даже если им приходилось стоять рядом за станком, они редко проводили вместе перерывы и, тем более, свободное от работы время. Возможность неформального, неконтролируемого контакта была затруднена в этих

условиях. Данная характеристика не является однозначной, но она может наглядно проиллюстрировать принципиальные различия занятости в разных секторах экономики и на предприятиях разных размеров.

Использование подневольных работников из Советского Союза в небольших поселках или деревнях, то есть, как правило, в сельском хозяйстве, представляло собой наиболее интенсивную и неформальную зону контактов между немцами и советскими людьми⁴. При этом немцы сталкивались с теми, кого они в прошлом, благодаря нацистской пропаганде, считали представителями низшей расы, «недочеловеками». Убедительные свидетельства о том, как немцы в сельской местности относились к рабочим из Советского Союза, могли бы, следовательно, стать важным звеном в изучении реального воздействия на немецкое население концепции «народного сообщества», разработанной на основе расовой идеологии нацизма.

Но для интересной в исследовательском плане неформальной зоны контакта в сельской или поселковой среде характерно отсутствие письменных отчетов. Документально зафиксированы, как правило, только происшествия, выходявшие за рамки повседневной жизни, которыми занимались высокие партийные организации или органы власти. Примерами этого являются случаи так называемого «недозволенного поведения», изучение которых помогает найти важный материал, например, в протоколах допросов, но и они не снимают серьезной проблемы с источниками, необходимыми для изучения вопросов повседневной жизни.

Тем не менее, проблема источников может быть решена. В волонтерских проектах часто считается, что, благодаря собранным обширным коллекциям интервью с бывшими работниками принудительного труда, в распоряжение исследователей попадают заявления «из первых рук», дающие информацию об отношениях между немцами и иностранцами в годы войны. При этом часто возникает опреде-

⁴ Ehresmann A. (Hg.) Das Stalag X B Sandbostel. Geschichte und Nachgeschichte eines Kriegsgefangenenlagers. Katalog der Dauerausstellung. – Hamburg, 2015. – S. 143-167.

ленное недоумение, когда сообщения бывших подневольных работников из Советского Союза оказываются более позитивными, чем ожидалось. Особенно это касается тех случаев, когда делалась попытка использовать звучание оригинальной записи заявления очевидца для демонстрации бесчеловечности режима принудительного труда, установленного немцами во время Второй мировой войны. Вместо того, чтобы получить оригинальную фонограмму с четким подтверждением насилия и принуждения, часто приходится иметь дело с позитивной характеристикой времени, проведенного в Германии. И эти позитивные описания не являются «нишевым явлением»: в подавляющем большинстве эго-документов бывших принудительных работников из Советского Союза можно найти подобные позитивные оценки. Такой опыт был приобретен сотрудниками многих амбициозных проектов интервью или контактов с бывшими подневольными работниками, к чему данные сотрудники были совершенно не готовы⁵.

Вышеупомянутые, на удивление позитивные свидетельства принудительных работников из Советского Союза относительно их пребывания в Германии могут быть лучше объяснены, если связать их с сообщениями о довоенных или послевоенных годах. Что касается довоенного периода, следует иметь в виду, что выходцы из советской Украины, составлявшие большинство «восточных рабочих», в десятилетия до начала Второй мировой войны пережили несколько травмирующих событий в своих семьях. К ним относятся гражданская война с ее нескончаемым насилием и голодом, затем голод 1932-1933 гг., который под знаком раскулачивания, помимо Казахстана, особенно сильно ударил по Украине, и, наконец, «большой террор» с его самоуправством властей и доносами. В свете этого жизненно важного предыдущего опыта вырабатываются другие стандарты оценки в отношении насилия, голода и аналогичного опыта, связанного с пограничными ситуациями. Этот опыт также сознательно подчеркивается в эго-документах. Например, имеются свидетельства бывших узников концлагеря из Советского Союза, которые были освобождены в

⁵ Binner J. «Ostarbeiter» und Deutsche im Zweiten Weltkrieg. Prägungsfaktoren eines selektiven Deutschlandbildes. – München, 2008.

Берген-Бельзене. Они часто указывают на тот факт, что из опыта многолетнего голода на Украине знали, что после длительного голодания, когда еда снова становится доступной, не следует сразу же питаться в нормальном режиме, а, несмотря ни на какие эмоции, сначала медленно и небольшими порциями привыкать к еде. После освобождения в Берген-Бельзене, действительно, было еще много смертельных случаев, потому что люди набрасывались на пищу, зачастую жирную, чтобы удовлетворить невыносимое чувство голода.

Грузовые машины с советскими репатриантами на вокзале в Ганновере, 1945 г. (Российский государственный архив социально-политической истории. Копия предоставлена Фондом Нижнесаксонских мемориалов).

Что касается времени после освобождения, то необходимо получить реальную картину жизни репатриированных в Советском Союзе, а это исключает широко распространенные представления о «принудительной репатриации» и «ГУЛАГе», которые в Германии обычно связывают с возвращением работников принудительного тру-

да в Советский Союз. Данное утверждение применимо, однако, только к меньшинству или особым группам лиц. Например, репатриированные военнопленные, если они не были офицерами, должны были, как правило, служить в рабочих батальонах в одном из центров восстановления Советского Союза. Среднестатистический освобожденный работник принудительного труда из Советского Союза, особенно если речь шла о молодых женщинах из сельской местности и, следовательно, о значительной группе депортированных в ходе войны, не мог себе представить ничего иного, кроме возвращения в Советский Союз, т. е. добровольной репатриации. Большинство молодых людей хотело вернуться к себе на родину, к своим семьям, друзьям и соседям, от которых они часто годами не получали известий. Репатрианты, как правило, не попадали в ГУЛАГ, а возвращались в родную деревню после относительно короткой проверки спецслужбами. Часто проверки со стороны «троек» в фильтрационных лагерях являлись лишь регистрациями.

Но затем начинались и, следует отметить, на протяжении десятилетий продолжались настоящие трудности. Атмосфера подозрения ударила по репатриированным не только со стороны официальных органов, ей были подвержены также друзья и родственники. Статус репатрианта закреплялся в документах и долгое время после войны сказывался на судьбах людей, хотя часто и не явно. Типичными были ситуации отбора, когда речь шла о высшем образовании или лучшей должности на предприятии.

Таким образом, репатрианты стали проигравшей стороной в ходе экономического и социального восстановления Советского Союза. В этом процессе появилась новая элита из представителей преимущественно технических и естественнонаучных профессий. И доступ в эту элиту был репатриантам затруднен, ибо, когда речь шла о местах в соответствующих учебных заведениях, им предпочитали других. В интервью имеются многочисленные свидетельства о том, что вместо бывших «восточных рабочих» выбирались другие кандидаты, даже если они показывали более низкие результаты.

В совокупности складывается образ пожизненного ущемления интересов, образ «жертв двух диктатур», которые на протяжении длительных этапов своей жизни не могли в целом или отчасти определить свою судьбу. Они, чье детство пришлось на эпоху сталинизма, часто уже не могли преодолеть ущемление своих прав, вызванное депортацией в Германию. Их ощущение себя людьми «второго сорта» привело также к тому, что исследователи слишком поздно обратили внимание на их воспоминания и переживания. И денежная компенсация, предоставленная после долгих переговоров с немецкой стороной, по крайней мере, бывшим гражданским работникам принудительного труда, для многих оказалась запоздалой. Тем более, что бывшие военнопленные были изначально исключены из этого процесса.

Я. Лёльке

Принудительный труд на заводе Сименс в Равенсбрюк¹

В марте 1942 г. начались строительные работы по сооружению десяти заводских цехов акционерного общества Сименс-Хальске на участке земли к югу от женского концентрационного лагеря Равенсбрюк. Заключенные лагеря должны были выровнять площадку, на которой предстояло построить помещения площадью 675 м² каждое.

Строительство так называемого производственного участка Равенсбрюк стало для Сименс первым шагом к использованию принудительного труда узников концлагерей. В августе 1942 г. 19 прикомандированных к Сименс узниц, преимущественно немецкого происхождения, приступили к работе. В начале 1945 г. уже около 2300 женщин практически из всех стран Европы выполняли там принудительные работы.

В данной статье будет представлен процесс перенесения части производства компании Сименс в концентрационный лагерь Равенсбрюк в середине 1942 г., формирование местной рабочей команды

¹ Перевод Елены Артемовой.

Сименс и роль в ней советских военнопленных. Статья базируется на исследованиях производства Сименс в Равенсбрюке, которые провели члены некоммерческой организации «Международная ассоциация друзей мемориального комплекса Равенсбрюк», а также автор в 2013-2017 гг. При этом были собраны, переведены на немецкий язык, проанализированы и опубликованы воспоминания, свидетельские показания, интервью и заявления о компенсации бывшим заключенным².

Создание производственного участка в Равенсбрюке

Сименс была одной из ведущих промышленных компаний Германского рейха в области электроники. Компания сразу стала получать прибыль от развития военной промышленности и связанного с этим увеличения заказов. С началом Второй мировой войны – нападением вермахта на Польшу 1 сентября 1939 г. – государственные заказы продолжали расти, и в то же время примерно одна десятая часть основного кадрового состава Сименс была призвана на службу в вермахт³. Нехватку персонала и подсобных рабочих необходимо было компенсировать путем привлечения новой рабочей силы. Вследствие этого компания в значительной степени использовала работников принудительного труда. Согласно полученной кадровой документации, по меньшей мере, 80 000, а по некоторым оценкам даже до 120 000 человек работали в 1940-1945 гг. принудительно для концерна⁴. Самую большую группу составляли так называемые «восточные рабочие» с оккупированных территорий Советского Союза,

² Internationaler Freundeskreis e.V. für die Mahn- und Gedenkstätte Ravensbrück (IFK) (Hrsg.). Zwangsarbeit für Siemens im Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. Kommentierte Berichte von Zeitzeuginnen. – Berlin, 2017.

³ См., например: Feldenkirchen W. Siemens 1918-1945. – München – Zürich, 1995. – S. 200 ff.

⁴ Около 90 % подневольных работников прибыли из Польши, России, Украины и Белоруссии, остальные 10 % из стран Балтии, Бельгии, Франции, Италии, Хорватии, Чехии и Словакии. Эти данные были представлены в докладе директора архива компании Сименс д-ра Франка Виттендорфера в рамках памятного мероприятия, проводившегося профсоюзом металлистов Германии (IG Metall) 9 ноября 2015 г. в Берлине.

которых миллионами насильственно депортировали в Германский рейх. Помимо этого, с конца 1940 г. компания Сименс-Хальске задеировала на берлинских заводах немецких евреев, для которых власти ввели принудительную трудовую повинность⁵. В конце 1941 г., когда начались депортации евреев из Германского рейха, части из них это поначалу не касалось. Однако в феврале 1943 г. последние 1200 евреев с предприятия были также арестованы в рамках «заводской операции» и депортированы в лагеря смерти⁶.

Параллельно с депортацией евреев в качестве работников принудительного труда начались переговоры между СС, министерством авиации рейха (RLM) и руководством компании Сименс об использовании рабочей силы заключенных концлагерей⁷. Первые соглашения состоялись уже весной 1942 г⁸. Они базировались на решении Глав-

⁵ Заводы Сименс-Шуккерт уже в начале 1940 г. начали использовать принудительный труд еврейских работников. В сентябре 1941 г. 3650 евреев должны были работать принудительно на заводах Сименс-Шуккерт и Сименс-Хальске. В октябре 1942 г., вероятно, в связи с депортациями, это число сократилось до 2800 человек. – См. внутренний отчет: Einsatz ausländischer Zivilarbeiter, Kriegsgefangener, Juden und KZ-Häftlinge im Hause Siemens // Siemens Historical Institute, 18601. – Oktober 1945. – S. 41. (далее: Siemensbericht).

⁶ См.: Feldenkirchen W. Siemens 1918-1945. – S. 550 (Fussnote 120).

⁷ Возможно, использование труда заключенных концлагерей компенсировало также потери рабочей силы в связи с депортацией евреев из берлинского Сименсштадта. Бернхард Штребель указывает на то, что, например, для авиационных заводов Хенкеля в Ораниенбурге заключенные концлагеря были предложены в качестве прямой «замены» еврейских работников принудительного труда. – См.: Strebel B. Das KZ Ravensbrück. Geschichte eines Lagerkomplexes. – Paderborn, 2003. – S. 391.

⁸ См.: Ergebnisprotokoll einer Amtsbesprechung zwischen dem Chef des WVNA Oswald Pohl und Generalluftzeugmeister Erhard Milch vom 10.3.1942 // Bundesarchiv. RL 3/45. Bl. 8117. Наряду с прочим в протоколе говорится о том, что фирма Сименс будет использовать труд 1500 узниц. В аудиторском отчете ООО «Авиационные системы» от 31.03.1942 г. в части запланированных и отчасти реализованных проектов уже говорится о «концентрационном лагере – производственном участке» в Равенсбрюке и связанных с ним строительных работах стоимостью в 950 000 рейхсмарок и вместимостью в 1500 человек. – См.: Bundesarchiv. R 8135/7669. Bl. 10; см. также: Strebel B. Das KZ. – Ravensbrück. – S. 388 ff.

ной ставки фюрера о большей интеграции концентрационных лагерей в производство вооружений. 16 марта 1942 г. на внутреннем совещании представителей СС и Министерства вооружений начальник отдела D Главного экономического управления СС (WHVA) Ричард Глюкс объявил, что несколько тысяч заключенных концлагерей будут задействованы на работах в военном секторе экономики, в том числе 6000 женщин из концентрационного лагеря Равенсбрюк. Рейхсфюрер-СС Генрих Гиммлер, стремившийся к усилению влияния СС в сфере производства вооружений, дал, однако, указание, чтобы «курирующие» компании [...] переместили свое производство в район лагеря» с временным предоставлением инженеров и мастеров для обучения заключенных⁹. Сименс был одним из первых концернов, которые начали работать в рамках этой новой модели. Условия для компании были благоприятными. Министерство авиации Рейха взяло на себя возведение цеховых помещений наряду с их подключением к электрическим, водным и телефонным коммуникациям. Компания Сименс отвечала за комплектование предприятий оборудованием и инструментами, а также должна была ежемесячно вносить арендную плату. Надзирательницы концентрационного лагеря Равенсбрюк брали на себя дисциплинарный надзор за заключенными, в то время как гражданские мастера и прорабы компании Сименс отвечали за обучение навыкам, необходимым для выполнения принудительных работ, и контроль результатов.

При выборе лагеря Равенсбрюк в качестве места расположения производства ключевым фактором было наличие большого количества работников женского пола. Здесь сыграло свою роль стереотипное представление о том, что у женщин «легкие и умелые руки», и поэтому они особенно подходят для выполнения тонкой

⁹ Karl Otto Saur. Niederschrift über eine Besprechung am 16.03.1942 über die Verlegung von Rüstungsfertigungen in Konzentrationslager // Nürnberger Dokumente, NO-569. URL: <http://nuremberg.law.harvard.edu/documents/5548-report-on-a-conference?q=%2ANO+569#p.1>; см. также: Buggeln M. Das System der KZ-Außenlager. Krieg, Sklavenarbeit und Massengewalt. – Bonn, 2012. – S. 18.

работы¹⁰. Планировалось изготавливать электрические схемы, телефоны, микрофоны и измерительные приборы. Расположение концлагеря Равенсбрюк также было благоприятным. Близость к Берлину позволяла осуществлять быструю транспортировку между берлинским кварталом Сименсштадт и производственной площадкой. В то же время Равенсбрюк, расположенный в 90 км севернее столицы, находился достаточно далеко от нее, чтобы обеспечить необходимую безопасность от воздушных налетов. К концу 1944 г. компания Сименс-Хальске переместила три своих филиала в Равенсбрюк. Это были заводы «Вернерверк»: по производству телефонных аппаратов (WWFg), радиооборудования и компонентов (WWR) и измерительных приборов (WWM)¹¹. Строительство отдельного склада Сименс с бараками для заключенных из рабочей команды завершили в декабре 1944 г. в непосредственной близости от завода.

Завод Сименс в Равенсбрюке оказался прибыльным и оставался в эксплуатации почти до самого конца войны¹². Предприятие было одним из самых масштабных примеров использования компанией рабочей силы заключенных. Наряду с этим использовался также принудительный труд других заключенных, в частности, из концентрационных лагерей Аушвиц, Бухенвальд, Флоссенбюрг и Заксенхаузен.¹³

¹⁰ Bericht über die Beschäftigung von weiblichen Häftlingen im KZ Ravensbrück durch die S & H Wernerwerke Siemensstadt vom 27.8.1947/24.9.1947 // Siemens Historical Institute. 18534-1_38; см. также: Strelbel B. – Ravensbrück. – S. 392.

¹¹ См. также: IFK: Zwangsarbeit. – S. 47-57.

¹² В общей сложности к весне 1945 г. было построено 20 цехов, но не все они были введены в эксплуатацию.

¹³ Feldenkirchen W. Siemens 1918-1945. – S. 173. Согласно данным В. Фельденкирхена, в общей сложности до конца войны были созданы 35 внешних рабочих команд или внешних лагерей, в которых заключенные концлагерей должны были работать на компанию Сименс и дочерние фирмы.

Памятник узницам концлагеря Равенсбрюк.

Рабочая команда Сименс

В рабочей команде Сименс принудительные работы выполняли только женщины-заключенные из концентрационного лагеря Равенсбрюк.¹⁴ Первоначально размер команды был относительно небольшим – 19 женщин. Однако их число росло довольно быстро, особенно во второй половине 1944 г. В этот период увеличилась численность контингента главного лагеря. Десятки тысяч новых заключенных были депортированы в Равенсбрюк. Он стал объектом целевого назначения так называемых специальных эшелонов из тюрем оккупированной немцами Европы и эвакуационных эшелонов из других концентрационных лагерей, в частности, из Аушвица¹⁵. Для компании Сименс это означало огромный потенциал дешевой рабочей силы, из которой руководство могло производить отбор. Наибольшая числен-

¹⁴ Заключенные мужчины использовались в Сименс для строительных и ремонтных работ.

¹⁵ О путях поступления заключенных см.: Strebel В. – Ravensbrück. – S. 27 f.

ность рабочей команды Сименс была отмечена в январе 1945 г. – 2307 работников принудительного труда¹⁶.

*Рисунок неизвестной узницы из команды Сименс.
Архив Мемориального комплекса Равенсбрюк.*

¹⁶ Ebenda. – S. 402.

Первые 19 женщин рабочей команды Сименс были преимущественно заключенными немецкого происхождения. Они носили черный винкель как преследуемые в качестве «асоциальных» элементов. С расширением состава команды все больше и больше женщин из других стран назначались на работу в команду Сименс. Большинство из них находилось в лагере в качестве политических заключенных. В среднем около 60 % заключенных были выходцами из других стран, согласно ежемесячным отчетам завода «Вернерверк» по производству телефонных аппаратов (WWFg), в этой части предприятия данный показатель достигал 73 %¹⁷. По мере развития военных действий национальный состав узников концлагеря Равенсбрюк, а также рабочей команды Сименс менялся. Имеются данные о женщинах из Югославии, Германского рейха¹⁸, Польши, Советского Союза, Чехословакии, Венгрии, Нидерландов, Франции, Италии, Бельгии, Румынии, Люксембурга, Норвегии, Албании, Турции, Болгарии, Великобритании, Норвегии и Дании.

Советские военнопленные в рабочей команде Сименс

Среди более 120 000 женщин, заключенных в концентрационный лагерь Равенсбрюк с 1939 г. по 1945 г., женщины из бывшего Советского Союза составляли одну из крупнейших национальных групп – от 23 000 до 25 000 узниц.¹⁹

Большинство из них были депортированы в рейх после нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. В качестве подневольных работниц они должны были работать на предприятиях военной промышленности и в сельском хозяйстве. Из-за «отказа от работы», высказываний критического характера, а также по иным причи-

¹⁷ Monatsbericht des WWFg für Dezember 1944, Siemens Historical Institute. 18534-1_83.

¹⁸ После так называемого «аншлюса» в марте 1938 г., Австрия также была частью Германского рейха.

¹⁹ К вопросу о советских заключенных в концентрационном лагере Равенсбрюк см. также: Saavedra Santis R. «Bolschewistische Untermenschen»: Sowjetische Häftlinge // Insa Eschebach (Hrsg.). Das Frauen-Konzentrationslager Ravensbrück. Neue Beiträge zur Geschichte und Nachgeschichte. – Berlin, 2014. – S. 51-66.

нам они были арестованы и отправлены в концентрационный лагерь Равенсбрюк. Другие были арестованы по подозрению в поддержке партизанского сопротивления на своей родине. Кроме того, насчитывалось еще около 800 женщин-солдат и санитарок Красной Армии. Насколько известно на сегодняшний день, никто из задержанных женщин-красноармейцев не выполнял каких-либо принудительных работ на предприятии Сименс. Советским заключенным в Равенсбрюке было запрещено получать письма или посылки с родины. Была разрешена только почта от родственников или друзей, которые также выполняли принудительные работы в нацистской Германии. В расовой идеологии СС советские заключенные, наряду с евреями, а также синти и рома, находились на самой низшей ступени в иерархии лагеря.

Из примерно 1000 человек, назначенных в рабочую команду Сименс, только немногим более 70 женщин были из бывшего Советского Союза. Большинство из них были украинки, а также русские и белоруски. Они прибыли в концентрационный лагерь Равенсбрюк преимущественно между 1942-1943 гг. Возраст женщин составлял в основном от 17 до 26 лет. Это соответствовало общему показателю среднего возраста в рабочей команде Сименс. Многие из них работали в производственных цехах № 2 и № 3, где размещались участок намотки и производство реле и переключателей. Кроме того, бывшая узница Эстер Бежарано рассказала, что ей приходилось монтировать переключатели в цехе № 4 с большой группой украинок.²⁰ На основании заявлений о компенсации удалось установить имена почти половины из этих более чем 70 женщин.²¹ Кроме того, имеется ряд воспо-

²⁰ Bejarano E. Erinnerungen. Vom Mädchenorchester in Auschwitz zur Rap-Band gegen Rechts. – Hamburg 2013. – S. 76 f.

²¹ Для упомянутого выше сборника документов в архиве Исторического института «Сименс» в Мюнхене было отобрано более 2500 заявок на получение компенсации, которые в 1998-2000 гг. были поданы в Фонд гуманитарной помощи, созданный компанией Сименс. В 365 случаях были указаны данные о заводе Сименс в Равенсбрюке. Однако большинство заявок из бывшего Советского Союза было направлено в фонд «Память, ответственность и будущее» или в партнерские организации, и с ними нельзя было ознакомиться.

минаний, а также интервью и другие документы. Однако в большинстве случаев авторы лишь кратко упоминают о рабочей команде Сименс. Особенно это касается запросов поиска по поводу мест заключения, направленных в соответствующие музеи и места памяти, а также запросов о компенсации в международный правозащитный центр «Мемориал» в Москве. К сожалению, вряд ли имеются более подробные описания условий труда и быта. Исключением являются интервью с Ольгой Смирновой и Норой Идзиковской, в которых тема принудительного труда на предприятии Сименс затрагивается более подробно. В связи с этим необходимо кратко представить биографии этих двух женщин.

Ольга Смирнова²²

Ольга Смирнова родилась 25 июля 1923 г. в Ленинграде. Ее мать умерла, когда Ольге не было и года. Она и ее трое братьев и сестер росли с отцом, который работал прорабом на стройке. Перед началом войны она закончила 10-ый класс. В возрасте 18 лет была призвана в армию и пережила блокаду Ленинграда. В марте 1942 г. ее отправили в качестве разведчицы через линию фронта, поручив установить связь с партизанами. Сразу же после пересечения линии фронта она была арестована и депортирована в Германию в качестве «восточной рабочей». Девушка работала на фабрике, пока в октябре 1942 г. по обвинению в саботаже, ее не поместили в концлагерь Равенсбрюк. Там ей был присвоен лагерный номер «14775». С ноября 1942 г. Ольга работала на закладке фундаментов для производственных зданий предприятия Сименс. Позже она была задействована в рабочей команде Сименс в цехах № 3 и № 7. После войны Ольга Смирнова рассказала в интервью, как она была выбрана для рабочей команды Сименс:

«В ноябре 1942 г. мы, заключенные, после карантина были направлены на работу: мы строили дорогу, укладывали камни, копали

²² Биографические данные основаны на исследованиях Рамоны Сааведры Сантис, интервью с Ольгой Смирновой, проведенном 08.10.2005 г. Юлией Белозеровой, и интервью, проведенном 16.04.2010 г. Рамоной Сааведрой Сантис.

котлован для закладки фундамента будущего предприятия Сименс. Руководили работами мастера из гражданских; они контролировали ход работ и одновременно отбирали рабочих, записывали численность персонала. Когда были построены первые бараки, они пригласили отобранный персонал и устроили своего рода экзамен. Нам дали кусочки проволоки и пинцет, и на основе чертежа мы должны были соответственно согнуть проволоку; нам также дали полоски бумаги, из которых мы должны были сложить гармошку. Сначала я работала в цехе намотки № 3, в отделе упаковки готовой продукции».²³

Незадолго до освобождения концентрационного лагеря Равенсбрюк в апреле 1945 г. Ольга Смирнова была отправлена из лагеря в составе одного из «маршей смерти». Она была освобождена в окрестностях города Пархим земли Мекленбург-Передняя Померания.

Некоторое время Ольга оставалась в оккупированной Германии и работала переводчицей в советских войсках. В 1947 г. вернулась на родину. В 1949 г. вышла замуж и родила шестерых детей. Ольга Смирнова работала в различных учреждениях культуры.

Элеонора (Нора) Идзиковская²⁴

Элеонора Идзиковская родилась 11 декабря 1922 г. в Красноярске. Ее мать-еврейка в 1923 г. переехала с маленькой дочкой в Крым, в Симферополь. Там Элеонора Идзиковская выросла, а позднее училась в педагогическом училище в Евпатории. Ее отец пал жертвой политических репрессий при Сталине. После немецкого вторжения Элеоноре Идзиковской сначала удалось избежать массовых облав, проводимых немцами, и остаться в живых благодаря паспорту с записью о польской национальности. Тем не менее, вся ее семья была убита. Сама она в мае 1942 г. была угнана на принудительные работы

²³ Интервью с Ольгой Смирновой от 01.04.1993 находится в частном архиве Рамоны Сааведры Сантис.

²⁴ Биографические данные основаны на исследованиях Рамоны Сааведры Сантис, интервью с Элеонорой Идзиковской от 23.04.1995 г. из видеоархива Лоретты Вальц и книге Габриэле Кнапп. – См.: Кнапп G. Frauenstimmen. Musikerinnen erinnern an Ravensbrück. – Berlin 2003. – S. 218 f.

в Майнц в трудовой лагерь MAN в местечке Гинсхайм-Густавсбург. Когда другие заключенные выдали ее как еврейку, она бежала из лагеря в Штутгарт и там была арестована. После шести недель пребывания в гестапо в октябре 1942 г. ее доставили в концентрационный лагерь Равенсбрюк, где присвоили лагерный номер «14588». Здесь ей также удалось скрыть свое еврейское происхождение. Она попала в рабочую команду Сименс, но там вызвала подозрение в саботаже. Об этом в 1957 г. она сообщила в письме оставшейся в живых бывшей узнице Равенсбрюка, русскому врачу Антонине Никифоровой:

«Нас учили наматывать какие-то катушки, назначение которых нам было совершенно неизвестно, но мы знали, что это делалось не во вред Германии. Кто-то рассказал нам, что, если мы сотрем один слой изоляции проводов и оставим количество витков, как указано в заказе, то показания контрольных приборов будут нормальными, но при работе катушка выйдет из строя. Мы пытались так делать, и нам постоянно возвращали бракованные партии. [...] И однажды мне вернули 36 штук, на которых был мой рабочий номер. [Мастер] Ломбахер позвал меня к себе. [...] В конце нашего разговора он страшно закричал на меня и спросил, хочу я работать для Германии или нет. На это я ответила ему по-немецки, неожиданно для себя грамматически правильно: «Хочу я работать или нет – я заключенная, и поэтому я должна работать». Другие заключенные сразу же наградили меня аплодисментами под носом у «россомах» [имеются в виду охранницы – примечание автора] и Ломбахера. Но я была избита жесточайшим образом и несколько дней ходила с распухшим лицом».²⁵

После этого случая Элеонора Идзиковская на несколько недель удалили из команды Сименс и назначили в штрафную бригаду. Потом она снова вернулась в Сименс. 3 мая 1945 г. Элеонора Идзиковская была освобождена во время «марша смерти». Она служила во вспомогательных подразделениях Красной Армии, но затем попала под подозрение в сотрудничестве с администрацией концентрационного ла-

²⁵ Письмо Антонине Никифоровой от 1 февраля 1957 г. // Архив мемориального комплекса Равенсбрюк. Коллекция Э. Бухман. Документ 492.

геря в период заключения. Тем не менее, она смогла вернуться, вышла замуж и родила двоих детей. С 1951 г. и до своей смерти в 2000 г. Элеонора Идзиковская жила с семьей в Москве.

Заключение

Следует исходить из того, что число советских женщин в рабочей команде Сименс было гораздо больше 70 или около того человек, не идентифицированных до сих пор. Одна из причин относительно слабой источниковой базы в странах бывшего СССР, несомненно, заключается в том, что освобожденные узницы, вернувшись на свою родину, боялись попасть под подозрение в сотрудничестве с нацистами и не упоминали о работе на известный немецкий концерн по производству вооружений во время их пребывания в лагере. Многие рассказали о принудительном труде для компании Сименс в лагере Равенсбрюк лишь десятилетия спустя. Такое положение дел диктует необходимость продолжения исследований.

Б. Майр

Завод Мессершмитта в Кематене – военнопленные и гражданские работники принудительного труда в тирольской общине¹

В 1940-1945 гг. в маленькой тирольской общине Кематен существовал завод по производству военного оборудования, принадлежавший фирме «Мессершмитт». Там изготавливались пропеллеры для немецких самолетов-штурмовиков, а также цепные зубчатые колеса для танков². Сегодня община Кематен входит в состав Австрии, однако во времена национал-социализма она являлась частью территории Третьего рейха. Здесь, недалеко от столицы земли Тироль г. Инсбрук, тысячи военнопленных и гражданских работников принудительного труда из более чем десятка стран были задействованы на

¹ Перевод Елены Артемовой.

² Pitscheider S. Kematene in Tirol in der NS-Zeit – Vom Bauerndorf zur Industriege-
meinde. – Innsbruck-Wien-Bozen: StudienVerlag, 2016. – S. 79.

тяжелых принудительных работах для того, чтобы военная машина Германии могла бесперебойно вести захватническую войну. До конца войны, в течение нескольких месяцев, они пробили в горе три из шести запланированных штолен общей площадью 2700 квадратных метров и оборудовали их в качестве производственных объектов³.

Тогдашний коммерческий директор завода по производству военного оборудования Вальтер Вайцер (1914-1998) являлся до последних дней своей жизни почетным гражданином города Швац, расположенного за сорок километров от этого места. Жертвам же, в отличие от него, дань памяти до сих пор не воздается.

В данной статье будет представлен краткий обзор комплекса объектов завода Мессершмитт в Кематене, на которых использовался принудительный труд, а также роль фирмы Мессершмитт в военной экономике Третьего рейха. Основное внимание должно быть при этом сфокусировано на военнопленных и работниках подневольного труда. В заключение будет затронута проблема сохранения или утраты памяти о жертвах войны в региональной культуре памяти.

Комплекс объектов принудительного труда на заводе Мессершмитта в Кематене

В 1940 г. отделение фирмы Мессершмитт в г. Аугсбург приобрело бывшую мольную фабрику вместе с жилым зданием и земельным участком. Год спустя данные объекты продали за 166 080 рейхсмарок обществу с ограниченной ответственностью «Мессершмитт», базирующемуся в Кематене. Позже была приобретена дополнительная земля. Вокруг фабричного здания, сохранившегося до наших дней, до конца войны были возведены еще постройки, а также многочисленные бараки для военнопленных и подневольных работников из гражданских лиц. Военнопленные содержались под надзором солдат охранного подразделения 4/873⁴.

³ Ebenda. – S. 83.

⁴ Schreder E. Zwangsarbeit im Reichsgau Tirol und Vorarlberg im Zweiten Weltkrieg // Meixner W, Cillani C. (Hg.). Geschichte und Region / Storia e regione – Zwangsarbeit /

Примерно за два года до окончания войны, в связи с налетами бомбардировочной авиации союзников, по всей территории рейха был организован перевод объектов военной промышленности под землю, где они продолжали действовать. «Перебазирование под землю» («U-relocations») – так назвали национал-социалисты эти секретные проекты. Соответствующий строительный объект в Кематене получил название «Seelachs» («Лосось»)⁵.

Роль фирмы «Мессершмитт» в военной экономике Третьего рейха

Концерн Мессершмитт был одним из нескольких крупных предприятий по производству оружия, работавших во время Второй мировой войны на национал-социалистов. В дополнение к гражданским рабочим, австрийским и иностранным, он имел возможность привлекать для производства военного оборудования заключенных концлагерей и военнопленных⁶. Массовое использование работников принудительного труда, советских военнопленных и заключенных концлагерей в авиационной промышленности соответствовало логике немецкой захватнической войны на Востоке. Неожиданно большое количество погибших немецких солдат и захлебнувшееся наступление немецких войск в Советском Союзе стали причиной возросшего количества военных призывников из числа занятых в соответствующей отрасли. Авиастроительные компании активно стремились заполучить «советских военнопленных и гражданских рабочих»⁷, а затем

Lavoro coatto (in deutscher und italienischer Sprache). 12. Jahrgang. Heft 1. – Innsbruck: StudienVerlag, 2003. – S. 74 ff.

⁵ Bundesarchiv Berlin. BArch. R 3101/31192.

⁶ На «Мессершмитт» заключенные работали в концентрационных лагерях Флоссенбюрг и Гузен, а также во внешних лагерях концентрационных лагерей Дахау и Флоссенбюрг. – См.: Benz W., Distel B. (Hg.). Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager; Beck C.H. Frühe Lager, Dachau, Emslandlager. – München, 2005. Band 2; Beck C. H. Flossenbürg, Mauthausen, Ravensbrück. – München, 2006. Band 4.

⁷ Budraß L. Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland 1918-1945. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1998. – S. 770.

и заключенных концлагерей. Логическим следствием стало постоянное сотрудничество этих компаний с СС.

Согласно исследованию Лутца Будраса, в сравнении с другими секторами авиационная индустрия являлась «лидером» по использованию труда узников концлагерей⁸. «При этом решение в пользу широкомасштабного привлечения трудовых ресурсов концентрационных лагерей» принимали в основном предприниматели, «преследовавшие стратегию экспансии и достигавшие пределов найма рабочей силы, установленных в начале войны»⁹. Это касалось и акционерного общества Мессершмитт¹⁰. С октября 1942 г. В. Мессершмитт добивался распределения на свое производство узников концлагерей. Их «масштабное привлечение» началось в марте 1943 года, «одновременно с подготовкой серийного производства реактивного истребителя Me 262»¹¹. В июле 1943 г. в письме к начальнику концентрационного лагеря Дахау Вилли Мессершмитт подчеркнул «значительное повышение производительности» за счет «использования заключенных концлагеря» и выразил «надежду на все более тесное сотрудничество»¹². Число заключенных концлагерей на заводах Мессершмитта в сентябре 1943 г. составляло 2776 человек, год спустя – уже 4170 и, наконец, в феврале 1945 г. – 6902, то есть более четверти всей рабочей силы¹³.

⁸ Ebd. – S. 776.

⁹ Ebd. – S. 800.

¹⁰ Ebd. – S. 797.

¹¹ Ebd. – S. 798.

¹² Ebd.

¹³ Ebd.

Вид на бывший комплекс Мессершмитт с соседнего местечка Оберперфусс в 2008 г. (фото и подписи: Биргит Майр).

Принудительный труд в Тироле

Десятки тысяч иностранцев были привлечены к принудительным работам в качестве гражданских лиц или военнопленных в то-

гдашнем рейхсгау Тироль-Форарльберг, принадлежавшем национал-социалистическому германскому рейху. В Тироле в 1939-1945 гг. находилось от 25 000 до 30 000 работников принудительного труда¹⁴. Те, кто не повиновался, подвергались пыткам в гестаповском исправительном лагере «Райхенау» недалеко от Инсбрука. Эти лагеря пыток, созданные повсеместно на территории рейха, нацисты эвфемистически называли «исправительно-трудовыми лагерями».

Изучение ситуации с работниками принудительного труда в Кематене оказалось затруднительным вследствие дефицита источников. Но потом удалось связаться с бывшим подневольным рабочим, живущим в Польше¹⁵. Кроме того, были проанализированы данные более тысячи регистрационных формуляров муниципальной полиции Кематена за 1941-1945 гг. в отношении работников принудительного труда на заводе Мессершмитта. В 2016 г. вышла в свет публикация историка Сабины Питшайдер «Кематен в Тироле в годы нацизма», подготовленная на основе исследования, проведенного по заказу муниципалитета Кематен.

«Для меня это был, несомненно, самый тяжелый этап моей жизни»¹⁶

30 сентября 1944 г. уроженцу Варшавы Збигневу Мартынскому исполнилось восемнадцать лет. Тогдашний военнослужащий Войска Польского он принимал участие в Варшавском восстании в 1944 г. и после его кровавого подавления был интернирован в лагерь для военнопленных «Маркт-Понгау» в 220 км от Кематена (ныне Санкт-Иоганн-им-Понгау). Как свидетельствует З. Мартынский, он трудился принудительно в лагере концерна Мессершмитт в Кематене с конца ноября 1944 г. по март 1945 г. Затем его перевезли в рабочую команду в Альбершвенде (Форарльберг), который находился в 180 километрах

¹⁴ Schreder E. Zwangsarbeit im Reichsgau Tirol und Vorarlberg im Zweiten Weltkrieg. – S. 101.

¹⁵ Переписка со Збигневом Мартынским велась на польском языке. Она содержится в личном архиве автора статьи.

¹⁶ Из письма З. Мартынского от 05.08.2015 г. // Личный архив автора статьи.

от Кематена. Там он должен был работать на нацистов до окончания войны.

3. Мартынский трудился на заводе Мессершмитта в Кематене в группе, которая ремонтировала дороги между фабрикой и штольнями. Другие заключенные работали на машинах в штольне. О своем питании в огороженном проволокой лагере бывший работник принудительного труда сказал: *«Мы получали еду, которая состояла из 300 граммов хлеба в день с небольшим количеством маргарина, и так называемый обед, т. е. порцию картофельного супа с овощами, например, брюквой. При таком питании мы всегда были голодны»*¹⁷.

Не только скудное питание представляло собой угрозу для жизни, но и недостаточное обеспечение одеждой. Согласно интервью, работа выполнялась в одежде, которую очевидец носил во время депортации из Варшавы. Даже зимой у него не было ни рукавиц, ни другой теплой одежды. В соответствии с его заявлением положение ухудшалось еще и тем, что бараки не отапливались. В случае воздушной тревоги и налетов бомбардировщиков, которые были обычными в те месяцы, когда г-н Мартынский находился в Кематене¹⁸, военнопленных не доставляли в существовавшие бомбоубежища.

Работники принудительного труда прибывали в национал-социалистический лагерь Мессершмитта в Кематене со всей Европы. Решающее значение для обращения с ними имела нацистская «расовая теория».

В ноябре 1943 г. количество работников принудительного труда на заводе Мессершмитта в Кематене превысило уже тысячу человек. При этом более половины рабочей силы составляли иностранцы, и их число росло. Большинство их не были добровольцами. К февра-

¹⁷ Из письма З. Мартынского от 05.08.2015 г. // Личный архив автора статьи.

¹⁸ Pitscheider S. Kematen in Tirol in der NS-Zeit – Vom Bauerndorf zur Industriege-
meinde. – S. 119.

лю 1945 г. численность рабочей силы удвоилась до 2050 человек обоего пола¹⁹.

На неизменно хорошее обращение могли рассчитывать только «добровольно» находившиеся в лагере «имперские немцы», которые, помимо прочего, размещались в комфортабельных для того времени двухместных номерах построенного в 1943-1944 гг. «общежития для рабочих». Оно находилось к западу от ручья под названием «Мелах» в муниципальном районе соседней деревни Унтерперфус²⁰. Но даже группа «имперских немцев» должна была частично работать принудительно. Так, в сентябре 1944 г. в лагерь Мессершмитта в Кематене в принудительном порядке прибыли артисты «театра райхсгау» из Инсбрука. В 1944 г. в транспортной аварии на заводе Мессершмитта погибла девятнадцатилетняя певица²¹.

Несколько сотен работников принудительного труда не немецкого происхождения были направлены в так называемый «общий лагерь». Он состоял из деревянных бараков и располагался к югу от сохранившегося до наших дней тогдашнего здания завода Мессершмитта²². «Иностранная» часть персонала завода Мессершмитта состояла из более или менее добровольно прибывших гражданских рабочих, из так называемых «восточных рабочих»²³, а также из советских, польских, итальянских и французских военнопленных. Наряду с самими большими в количественном отношении группами советских граждан, поляков, итальянцев и французов использовался и подневольный труд рабочих из Греции, Голландии, Венгрии, Испании, Литвы, Турции и Югославии. Например, в начале 1944 г. в лагерь Мессершмитта

¹⁹ Ebenda.

²⁰ Ebd. – S. 80.

²¹ Ebd. – S. 83.

²² См.: Meldefomulare // Archiv der Gemeinde Kematene in Tirol.

²³ К «восточным рабочим» относились чаще всего принудительно депортированные в рейх люди из рейхскомиссариата Украины, генерального комиссариата Западной Рутении, областей восточнее от них вплоть до границ с Латвией и Эстонией. – См.: Pitscheider S. Kematene in Tirol in der NS-Zeit – Vom Bauerndorf zur Industriegemeinde. – S. 85.

в Кематене прибыли десятки шахтеров из Хорватии²⁴. Самой многочисленной группой среди иностранных представителей принудительного труда и, безусловно, с самыми плохими условиями содержания была группа советских военнопленных²⁵. Другие работники принудительного труда из Восточной Европы также содержались на прожиточном минимуме, как это следует из свидетельства Збигнева Мартынского.

Депортированные за две тысячи километров восточноевропейские женщины и подростки на заводе Мессершмитта в Кематене

В то время как сотни тирольских евреев, а также синти и рома были депортированы в Восточную Европу для уничтожения²⁶, нацисты забрали большое количество представителей восточноевропейского населения из их семей и «под угрозами и с применением силы»²⁷ угнали на объекты принудительного труда, в том числе в Кематен. Только в 1944 г. более 170 женщин из Восточной Европы работали на военном заводе Мессершмитта в Кематене²⁸. В отчетах о трудоустройстве на заводе они обозначались как «восточные работницы». До приезда туда большинство молодых женщин работало, согласно формам отчетности, в тирольских отелях и гостиницах, на керамическом заводе в тирольской общине Фритценс, на заводах Хейнкеля в

²⁴ См.: Meldeformulare // Archiv der Gemeinde Kematzen in Tirol.

²⁵ Евреи и цыгане не содержались в рассматриваемых в данной статье лагерях Мессершмитта.

²⁶ Подробнее см.: Albrich Th. Wir lebten wie sie. Jüdische Lebensgeschichten aus Tirol und Vorarlberg. Haymon Verlag, 1999; Seifert O. Roma und Sinti im Gau Tirol-Vorarlberg. Die «Zigeunerpolitik» von 1938 bis 1945. Tiroler Studien zu Geschichte und Politik. Band 6. – Innsbruck – Wien – München – Bozen: Studienverlag, 2005.

²⁷ Schmitz-Berning C. «Ostarbeiter» // Vokabular des Nationalsozialismus. – Berlin. – 1998. – S. 453 ff.

²⁸ Monatliche Beschäftigtenmeldungen der Firma Messerschmitt Kematzen aus dem Jahr 1944 // Tiroler Landesarchiv. RStH Salzburg. Betriebe 1939-1945. Karton 2., Beschäftigtenmeldungen. См. также: Pitscheider S. Kematzen in Tirol in der NS-Zeit. – S. 92.

тирольском городе Йенбах или в баварских трудовых лагерях Мессершмиттов в Лейпхайме или Аугсбурге. 18 июля 1944 г., предположительно, в результате взрыва на заводе Мессершмитта в Аугсбурге, 38 украинских женщин прибыли в Кематен в качестве клепальщиц. Большинству новоприбывших было от восемнадцати до двадцати лет, старейшей исполнилось тридцать. Их разместили в «зале» (по-видимому, гостиницы) «Хёльригль» («Höllriegl») на железнодорожной станции в Кематене²⁹.

Следует отметить, что в случае сексуальных отношений с местными жителями рабочим из Восточной Европы грозила смертная казнь, посещение храма и трактиров было запрещено. Те, кто «зареккомендовал себя положительно», получали возможность выйти из лагеря на три часа в неделю³⁰. 22 сентября 1944 г. в Кематен прибыла тринадцатилетняя девочка, родившаяся за две тысячи километров, в Смоленске. До этого она трудилась в качестве подсобной рабочей в лагере Мессершмитта в г. Ляйпхайм в Баварии. 2 ноября 1944 г. в лагерь Мессершмитта была доставлена и там зарегистрирована латвийская писательница Алина К., родившаяся в Санкт-Петербурге в 1888 г.³¹

Бесчеловечные телесные наказания и лишение пищи: обращение с советскими военнопленными в Кематене

В феврале 1945 г. 450 советских военнопленных работали на заводах Мессершмитта в Кематене. Тот факт, что в полицейских регистрационных формулярах для многих советских подневольных работников в качестве места жительства был указан «вход в долину Зельрайн», позволяет сделать вывод, что они были размещены в бараках на территории соседних общин Оберперфус и Гринценец.

Упомянутый выше З. Мартынский рассказал, что советским товарищам по несчастью *«приходилось выполнять более сложную ра-*

²⁹ Meldeformulare // Archiv der Gemeinde Kematen in Tirol.

³⁰ Schmitz-Berning C. «Ostarbeiter». – S. 454 ff.

³¹ Meldeformulare // Archiv der Gemeinde Kematen in Tirol.

боту, например, в штольне»³². Письмо коммерческого директора Вальтера Вайцера в Инсбрукское подразделение СС в 1942 г. наглядно иллюстрирует особенно плохое отношение к этой части персонала: *«Мы поступаем с русскими таким образом, что, если они приводят инструменты в негодность или создают комитет, то мы им ничего не даем в пищу. [...] В особенно тяжелых случаях русским [...] полагается наказание плетью – 25 ударов. Хотя это и запрещено, но мы имеем довольно хороший опыт применения этого метода»*³³. Тогдашний руководитель производства на заводе Мессершмитта в Кематене высказывался в пользу полного лишения пищи и применения бесчеловечных телесных наказаний – угрожающих жизни карательных мер и, таким образом, не отличался от других нацистских варваров.

Внутренний вид входной зоны бывшей штольни завода Мессершмитта в Кематене (Фото: Бургит Майр, 2007 г.)

³² Из письма З. Мартынского от 05.08.2015 г. // Личный архив автора статьи.

³³ Pitscheider S. Kematzen in Tirol in der NS Zeit... – S. 94.

Неудивительно, что были попытки побега. Только за период с июня по декабрь 1944 г. документально зафиксированы десять попыток побега советских граждан из лагерей Мессершмитта в Кематене. Некоторым удавалось добраться до отдаленной горной деревни Святого Зигмунда в долине Зельрайн, находившейся на расстоянии 17 километров, другим – до деревни Рейт близ Зеефельда, за 10 километров от лагеря. Но они были преданы местными жителями, часть их в итоге оказалась в гестапо в Инсбруке, в 14 километрах от лагеря, где они, вероятно, подверглись жестоким пыткам и казням³⁴.

Немцы, которые хотели помочь подневольным работникам, были наказаны. Розалинде Коглер из соседней деревни Зельрайн была приговорена к шести месяцам тюремного заключения за попытку передать письмо французского подневольного рабочего завода Мессершмитта его семье. Администрация завода по производству военного оборудования в Кематене донесла на смелую женщину³⁵.

Где находятся тела тех, кто погиб в лагерях Мессершмитта? По словам очевидца из Кематена, «погибшие там советские военнопленные были погружены в машину, доставлены на кладбище и похоронены ночью без гробов в зоне захоронения некрещёных детей»³⁶. После войны они были эксгумированы и погребены на воинском кладбище в Инсбруке³⁷.

Баракы работников принудительного труда и на территории соседней общины Оберперфус

Дополнительно к четырем баракам работников принудительного труда, существовавшим на территории соседней общины Оберперфус уже осенью 1944 г., в ноябре фирма Мессершмитт заявила о необходимости еще трех таких же зданий для фабрики по производству оружия в Кематене. В конце 1944 г. разрешение было получено,

³⁴ Ebenda. – S. 97 f.

³⁵ Ebd. – S. 66.

³⁶ Ebd. – S. 122.

³⁷ Ebd.

несмотря на общий запрет строительных работ. На участке № 1812 необрабатываемой части земли между Штайльхангом и ручьем Меллах, 240 советских военнопленных работали на производстве оружия для немецкой авиации³⁸. Площадь одного из заявленных в Имперской службе труда барачков составляла около 216 квадратных метров. При обычном размещении на каждого советского рабочего принудительного труда приходилось, таким образом, около 2,7 квадратных метров площади, что означало мучительную тесноту³⁹.

Ни одного места памяти о бывших работниках принудительного труда, зато все еще вспоминают бывших преступников

Если обратиться к судьбе родившегося в Инсбруке и занимавшего некоторое время высокие посты Вальтера Вайцера, тирольского функционера нацистской партии и коммерческого директора завода Мессершмитта в Кематене, возникают сомнения относительно обращения с памятью о работниках принудительного труда.

Уличный указатель, увековечивший бывшего функционера НСДАП в тирольском Шваце (Фото: Биргит Майр, 2014).

³⁸ Antrag auf Ausnahme vom Bauverbot vom 16.11.1944 // Archiv der Gemeinde Kematen in Tirol.

³⁹ Pitscheider S. Kematen in Tirol in der NS Zeit... – S. 94.

Вайцер сумел после войны вызвать доверие у компетентных органов и убедить суд. Он является ныне почетным гражданином города Швац, расположенного в 40 километрах от Кематена. Этот факт особенно возмущает в связи с нынешним уровнем знания о происходившем здесь в годы войны.

Вместо него почитать следовало бы таких людей, как упоминавшаяся выше мужественная Розалинде Коглер из соседней деревни Зельрайн. Поддержав работника принудительного труда с завода Мессершмитта, она попала по доносу в мельницу нацистской юстиции.

Неприемлем сам факт: фирма Мессершмитт, связанная с преступной нацистской лагерной системой и имеющая на своей совести жизни тысячи людей, увековечена в Кематене в названии улицы, в то время как ничто не напоминает о судьбе работников принудительного труда. Данная ситуация требует изменения.

Интервью с бывшей «восточной рабочей» У. В. В., 1926 г. рожд. (Воронежская область). Интервьюер Тимофеева Н. П.¹

25 и 26 декабря 2005 г.

Детство мое прошло так. Отец работал, женился, и отделились они от деда. У дедушки было восемь человек детей. Двое мужчин, а то – женщины были. Занимались они сельским хозяйством в селе Лизиновка. Были они середняки, не кулаки, у них веялок не было, трактор не было, на быках все. Рабочих не держали.

И началась эта заваруха – коллективизация. А перед этим папин отец сказал: «Надо тебя отделить». Так как он старший был, с девятьсот пятого года. И его отделили. Домик сделали в селе Лизиновка. И там я родилась в двадцать шестом году.

Отец работал ветфельдшером. Уже организовался совхоз Подгорненский. Лошадь была у нас, коровка была у нас. И я одна была у них. И в тридцать четвертом году (короткая пауза) отца сажают (тихо) ... А сажают за что? Кормить скотину нечем было. И директор сказал, выгоняй скотину, паси. А снег. Зимой. Как ее пасти?! Как она будет?! Все. Скотина начала расчихаться. И отца как врага... Дали ему десять лет. Мать выгоняют с хаты с этой. И мы переехали на станцию. У матери еще был Алеша, мальчик. И попадаем мы в детдом вдвоем. Вот здесь детдом, в Россоши... Алеша – мой брат. Попадаем мы в тот детдом. И мы пробыли там немного. Было летнее время, и мы оттуда... Забираю этого Алешу и убегаю. И идем через мост. Тут же железнодорожный мост, через него надо идти ... на Лизиновку (короткая пауза). Тут Лизиновка, тут Чернышевка, где мать жила. Я не знаю, почему, как оно получилось, я не припомню. Жили в бараке раскулачен-

¹ Канд. ист. наук Тимофеева Н. П., на момент интервью – доцент кафедры зарубежной истории Воронежского государственного педагогического университета (ВГПУ). Присутствовала: Ольга Горлова. Транскрипция: Ольга Горлова, на момент интервью – сотрудник ВГПУ. Интервью состоялось в рамках проекта «Международная документация рабского и принудительного труда в нацистской Германии», публикуется в сокращенном варианте. Полный текст транскрипции содержится в личном архиве Н. П. Тимофеевой.

ных. Тогда же, знаете, кулаки – это богачи, а сарай был этот (короткая пауза) под скотину. И там ... много очень было семей, может быть, человек семь с детьми было. И вот там мы жили.

Я помню, мать сильно заболела, а нас отправили в этот детский дом. И мы там пробыли, не помню, энное время. И оттуда мы удираем, потому что ужасные условия. Бросят нас там на ночь. А там крысы, мыши бегают, а мы же дети, боимся, кричим, плачем. Вот. И я решила уйти, дорогу же помню, и забрала этого Алешу. Дошли мы, через мост мы шли.

Пришли мы домой, мать лежит больная, тогда малярия была как раз. Хлебушек. Косили хлеб, мы шли по мостовой, а там машины были, но мало было машин, а ... хлеб возили, ... убирали урожай, возили на подводах. И между этими камушками лежит же пшеничка, мы голодные и собираем, помню я это (плачет). Так помню я этот голод, что не дай Бог! Сука, сказала, останусь живая, собачку заимею и заимею (смеется), чтоб было продолжение мое (смеется). Ну, ладно, все, не будем печалиться, это уже все прожито. Вот и все. И пришли. Мама лежит ... тетка, родственница, по-моему, забирает Алешу... А я убегаю. Где речка через мост железнодорожный тянется, это – Лизиновка, Чернышевка, там эти хутора. И я убегаю, те места хорошо ж знала... и убежала, а тетка забрала этого Алешу и увезла обратно сюда.

Мать, когда кинулась, что Алеши нет, и она пошла. Прошло энное время, и она пошла в этот детский дом, а ей сказали, что Алеша умер (плачет). Мне показывали, когда я уже сюда приехала, показывал один человек: «Вот здесь, – говорит, – я был в этом доме, жил». А почему ты жил? Он говорит: «Да, это, – говорит, – моего дяди дом, а нас, – говорит, – раскулачили, а дядька на войну ушел, а потом, когда с войны пришел, здесь детдом был...». Какая война это была? Гражданская... И он показал. Я говорю, вот так и так: «А я, – говорю, – в этом детдоме была, тут братик, говорю, у меня умер». Так я знаю, где был этот детдом. Ну, все.

В. В. с отцом и матерью, 1929 г.

И так мама подлечилась, вылечили маму. Знаете, лягушкой, и потом она полынь пила. Там еще женщина одна, помню, то умирала, а то лежала. Ой, да не дай Бог, как вспомню. Все. Прямо на шее, в трыпочке, вот тут была у нее лягушечка, и, говорят, как будто она лечит от малярии. Видно, истощение организма. Ну, все. И прошло энное время, мама пошла туда. Я не знаю, знала она, где та могилка. Но я уже, когда сюда приехала, я ходила, там обрыв, там никаких могилоч. Ну, десятилетия прошли, там уже водой подмыло... Детдом стоял недалеко от речки... там обрыв такой, может, они и просто кинули, да песком его закидали, кто знает.

И тогда мама, помню, пошла работать. Был заводик, там делали, скотина была же там, и делали масло. Помню, что мы катались на санках там. Вот этот маслозаводик, мама там работала. Я тонула! (короткая пауза) В этой речке! (короткая пауза)

Потом тридцать шестой год, я в школу хожу. Школа – (короткая пауза) тоже сарай в Нагорной этой, сейчас там дачи. И я дачников расспрашиваю, говорю: «Там озеро есть?» «Да, есть там маленькое озеро». И вы знаете, я ходила в школу. Вот так. Такая комната, наверное, здесь длинный стол, как гробик, знаете, там стоят пузыречки с чернилками. С этой стороны сидят первоклашки, а с той стороны третий класс. Одна учительница. И мы смотрим на нее, ни хрена не понимаем. Ну, научились писать, считать. Вот. Ну, а потом, уже в конце тридцать пятого года отец пишет письмо. Первое письмо отец написал. Его в тридцать третьем тогда посадили. Написал отец первое письмо. И пишет: «Если ты жива, напиши мне письмо. ... дети как? Напиши мне письмо. Мне разрешили писать письма. Мне разрешили тебя взять с детьми. Здесь такие места, здесь такие леса, здесь такая природа, здесь столько земли (громко)».

И я пишу письмо. Я уже научилась и написала это письмо: «Папочка, приезжай». А ему только разрешили на вольное поселение. Я сейчас книги читаю иногда, что разрешалось уже на вольное поселение, вот. Помню, что одно письмо еще пришло. Где папа? В Комсомольске-на-Амуре строят железную дорогу. ... Июнь-месяц – мы, детвора, бегаем, в школу уже не ходим (короткая пауза). Мама как

уйдет с утра и до вечера, ве-е-е-чером (растянуто) часов в одиннадцать приходит с граблями. Это такой труд был! Это адский труд! Я не знаю, сейчас молодежь и не хочет работать.

Приезжает отец, представляете (короткая пауза). Он тоже получил два, наверное, письма, что я писала. И приезжает отец, приехал отец. Документы, за хорошую работу отца отпустили, ему предлагали, значит, оставаться там. Поселение новое и дома там можно строить, и земля там, все. Но отец не согласился, раз мама не поехала. Да, я помню, что дедушка и бабушка, все были с Чернышевки выгнаны. Тех в Сибирь отправили.

Мазуха, это по материнной линии... Мазуха Ирина Сергеевна, с девятьсот пятого года. У меня где-то справка есть, что Мазухи не кулаки, середняки. Тогда их не раскулачили, а разогнали. Знаете, беднота там. Там же раньше тоже, кто работал, кто не хотел работать, так же воровали, так же. И сразу, как пришла советская власть, кто крал, сразу над этими же людьми начали издеваться.

Приехал отец. Чемоданчик, окованный чемоданчик. Знаете, вот такой даже по телевизору иногда показывают, красивый.

И молодые же, отцу сколько лет было? В тридцать шестом году? С девятьсот пятого отец и мама. И легли они спать. Утром они проснулись. Я же в сарае спала, а они на дворе легли. Это же лето, июль у нас был. Я помню, мы клубнику рвали, ягоды. Малину рвали. И они проснулись, а чемодана этого нет. А в чемодане же документы, там немножко денег было. Вы представляете! Он такой расстроенный (плачет). Это уже мама рассказывала, но я помню, что мы тогда бежали и искали по кустам этот чемодан. Там же документы. Отец очень расстроился и говорит: «Все, я уеду из Россоши». Потому что Россошь его, как говорится, обидела.

Отец решил, говорит: «Я уеду». И уехал.

В тридцать седьмом году 22 августа родился мой брат. Еще ребенка одного. И в феврале месяце, а, может быть, в январе, помню, что уже ходила, наверное, в четвертый класс, пишет отец: «Выезжай, я вышлю деньги, приезжай, не бери ничего, тут я нашел квартиру».

Отец пошел работать ветфельдшером в каменоломне, там станция узловая Шахты, а потом Сортировочная и там колхоз, по-моему, «Красный партизан». И он пошел туда ветврачом.

Раз семья не поехала, он приехал сюда. А его родителей нет. Всех вывезли, их раскулачили в связи с тем, что отец его был дьяконом в церкви. А со стороны матери, Мазухов, этих не раскулачили. Где-то документ валяется, что они середняки. А отца ... Дед церковным служителем был. Их всех выгнали, всех сослали в Сибирь. Тетка в Алтайском крае. Мы переписываемся. Она там учителем, выучилась тетка как-то.

И так мы приехали в Шахты. Боже мой, и хлеб есть, и сахар стоит на витринах. А у нас? Я в очередь за хлебом на вокзал с Нагорного бегала, за этим хлебушком. Из него хоть козлик лепи. Такой ужас! А очереди какие были? А там, правду отец писал: «Здесь так хорошо, все есть». И взяли отца работать ветврачом в колхоз, по-моему, «Красный партизан», я уже забыла. Вы понимаете. Мы приехали туда, там квартиру отцу дали. Но тоже отец умный был (короткая пауза), видит, бардак в этих колхозах, понимаете, полнейший бардак. Видно, колхоз, как вам сказать, не очень большой, но бестолку все. Отец говорит: «Я уйду на шахты». Там же шахты кругом. «Я уйду, что эти копейки». Дитя (короткая пауза) родилось в августе... Брат мой. Помню, отец мой, как ветврач, берет кобылу, зерно там, потом мы на базар едем в Шахты. Продаем, продаю я лично, сама. Я же помню. Получилось там, отец получил, видно, зерно, и мы поехали. Отец в магазин зашел, а с роддома надо маму брать. А Шахты от каменоломни, от этого колхоза, километров, наверное, шесть. Мы на подводе поехали в роддом этот. Забрали братика Толика. Приехали домой. Помню, что летом я ездила. И там степи такие, что выгоняли скотину. Я там пасла скотину. Летом бегала. Сусликов там полно. В общем, детство счастливое было, что там говорить.

И отец говорит, что, наверное, я пойду в шахты работать. Зерна в изобилии, его никакой бес не берет, а получал мало, и он пошел в шахту. Проработал в шахте тридцать девятый, сороковой, сорок первый.

Сорок первый год. Начинается война. Я хожу в седьмой класс. Забирают отца. Мать остается беременная. Боже мой, какой ужас! Забрали отца. Отец воюет на Крымском полуострове. В сорок втором году пишет, присылает он письма и пишет: «Ирина, береги детей». Трое детей, береги детей. Он еще не знал, что мать родит. Мама родила девочку. И пишет: «Немцы очень издеваются надо всеми. Это страшно, береги». А как мать могла их уберечь?

Жили в казенных домах, когда переехали из того колхоза на шахты. А шахты дали двухкомнатную квартиру. Вот. Мама беременная осталась. В сорок втором году в июле получает известие, в апреле месяце отец погиб на Крымском полуострове в селе Рельчак. Ну, мама в диком горе. Родилась девочка, назвали ее Люсей (короткая пауза).

Еще до того, как отца забрали на фронт, я училась. В школе сказали: кто хочет учиться на тракториста, на танкистов для фронта учиться. И я, как видно, боевая была... Потому что я то в детдоме, то сама жила, ... дети улицы, как говорится, дети улицы были. И я боевая.

В общем, приходят немцы. Училась я на тракториста-танкиста в селе Персиановка между Шахтами и Новочеркасском. Военные лагеря, там испокон веков казачьи лагеря, туда Екатерина приезжала, по рассказам. Вот. Персиановский институт. Большой. Много там очень нас, в тот момент очень много было военных. Военные (короткая пауза) такие там стояли, танковая часть стояла. Помню, что мы там жили, четыре-пять человек с моей шахты. Люба Коваленко, две сестры Ломоносовы, забыла, тоже они учились на комбайнерском отделении. А мы с Любой Ковалевой на танкистов, захотели же быть танкистами. Вот. Налетели самолеты, разбомбили это все. Мы через Персиановку эту и до Шахт, и пришли домой. Проходит энное время... разбомбили все, понимаете, и начали немцы двигаться в Шахты. Шахты без боя взяли, в основном, боя никакого не было. Они с Новошахтинска откуда-то шли, с Новочеркасска. Сильного боя не было. Наши больше навредили. Хлеба – вот такие были! Так они не подумали, что остаются дети голодные, старики остаются, так они сами зажигали хлеб этот (гневно)! Я не видела, конечно, но разговор старших был. При отступлении сжигали в пакгаузах на железной дороге, там столько

хлеба было! Сжигали поля. Это разве ж можно (гневно)! А мы остались голодные. Надо было сказать: «Забирайте». Ушли же наши отцы, ушли защищать кого-то, а детей оставили. Они придут с армии, с фронта, кто-то и остался в живых, а кого ж и нету, правильно? Все.

15 мая 1942 г., с подругой Ковалевой Любой, город Шахты Ростовской области.

В общем, получилось так: пришла повестка явиться на сборный пункт в Персиановку. Мама сказала: «Никуда ты не пойдешь (короткая пауза)! Хватит того, что отец погиб. Осталось трое детей, что я буду делать?» Ну, и ... родилась девочка. Немцы зашли. А наши бедные... Там через Шахты кольцевая дорога, ... центральная наша дорога, и она была до войны не вымощена. Грязь, понимаете, наша артиллерия при отступлении, тянут лошади эту артиллерию, а солдатик ... Я помню, мы смотрим, вот так перемотаны. Какая же мы отстающая армия! Перемотанные, все поразмоталось, а немец-то налетел, солдатики запутанные, по ось грязь! По ось грязь! Артиллерию наши

солдатики толкают. Вот сейчас – это ужас! Как вот это вспомню, какая же была бессмысленная подготовка наших офицеров... Чтобы иметь оружие хорошее, чтоб защищать родину!

... И, в общем, смотрим, едут танки. Это жаркий день был, как раз самолеты налетели, побомбили немецкие самолеты. На другой или на третий день затишье, и едут танки, и немцы сидят в трусах, и вот такой хлеб едят. А мы камни берем да бросаем. Заборчики там такие у нас, из частоккола сделанные. Так они как мантанули, правда, не по нам, а сверх, как выстрелят, так мы смылись оттуда и больше ничего. На другой день смотрим: едет наш учитель по немецкому языку. Тарантасы, вы видели, может, сейчас они в музее стоят. Четверо вот так садятся на них, сзади сидит немец, лошадью правит, сзади Анатолий... забыла этого преподавателя немецкого языка. Представляете! Наш! В школе у нас, на Нежданной, он преподавал немецкий язык. Я немецкий язык изучала. Вот. И он заезжает в наш двор. ... и вот этот Анатолий, преподаватель, с немцем заходят в квартиры безо всякого, пишут. Посмотрел: «Drei Soldaten, zwei Soldaten»². Размещает по квартирам. Нам ставят три солдафона. Кухня. В кухне там такой крючок, на нем люлька, в ней Люся. Мама за хлебом где-то бегала, искала, чтобы пожрать. Ничего же нет. И это дитя в люльке... Немцы, значит, нас выгнали. В одну комнату три немца поместилось. Девочка в кухне, и мы в кухне с Толиком, вот. Толька еще не сильно большой был, с тридцать седьмого в августе, а в сорок втором году ему пять лет было. Немцы заехали, через два дня заехали во двор, кухню привезли и варят жрать солдафонам. А мы же – детвора – грязные, бегаем. Они котлы пораздают немцам. Правда, эти немцы в хате ничего не ели, я ничего не видела, понимаете. Вот. И мне запомнилась вот эта сценка. Переворачивают котлы, а нам есть хочется, он говорит: «Киндер³, идите сюда, лезте туда... вынимайте. Русише коммунисты вам эссен ниht дал⁴, а мы вам даем». Вы понимаете, как было. Это точно,

² Drei Soldaten, zwei Soldaten – три солдата, два солдата.

³ Киндер (die Kinder) – дети.

⁴ Искаженный немецкий. Правильно: «Das Essen haben nicht gegeben» – «Не дали еды».

потому что нечего жрать было. Мать ходила колоски где-то собирала. Приходим, я не помню, где я была, факт тот, что приходим, а соседка говорит, немец кричал и, видно, он ее ... Она кричала, видно, девочка, и он, видно, ее взял с люльки и выкинул. Мама пришла, она окровавленная вся, лежала мертвая. Ей было, ну, наверное, месяца два. Вот так. Месяца три, наверное, вот так. Понимаете. Вот. И все. И в этом мае-июне сорок второго года похоронили эту девочку.

Сорок второй год. ... сентябрь-месяц, наверное, или август. Уже тут не стало ничего. Жрать нечего, люди голодные все. Что делать? Мать говорит: «Иди в Россошь до родных, может, кто нас забереет». Ну, кому мы были нужны, когда везде был голод. Мать ведь безграмотная была, ни хрена не соображала. Вот так она говорила. Двое нас осталось с Толиком. Ну, а мы были дети... ходили, слышим, что немцы издеваются сильно, что опасно. А как же идти? А там еще одна откуда-то, с Черковой, что ли. Мать знала, вот, идите вы. Я слушала, наверное, и что-то мне взбрело в голову, и я думаю, пойду я с девочками. И пошли. Дошли мы, я не знаю, забыла я, как это называется. Немцы ловят молодежь и в табуны сгоняют и, говорят, отправляют в Германию. Ну, у нас еще соображения не было. Как я думала, кто такие евреи? А они же обыкновенные люди. Было еще, у нас в школе листовки бросали, самолеты налетели немецкие, да кидают листовки, а учитель кричит: «Ни в коем случае нельзя, ни в коем случае нельзя брать!» А там написано: «Бей жидов, спасай Россию!» За Украину, за Белоруссию, кошмар! Ну и все.

В общем, нас забрали... забыла, как это место называется. Ну, не доходя до переправы через Дон... Там кто-то говорил, люди туда-сюда идут, убегают, и мост взорвали через Дон. Я забыла, забыла это место. И, в общем, нас забрали. В каких-то сараях мы там были под охраной, но охрана – это были русские с белыми повязками. Эти полицаи, они же русские. Откуда они, суки, так быстро формировались. Ну, видно, западники они, да, наверное, и наши казаки. Там, в основном, казаки не ахти любили эту власть. Ну и все. И, в общем, попала я (короткая пауза). ... догнали нас до Ростова. Степями нас гнали до Ростова. А с Ростова нас ... довели до Шепетовки. Вагоны закрыты.

В степи останавливали, что-то давали, но везли быстро. Где ж те партизаны были (гневно)?! Вот я сейчас думаю, где ж те партизаны были?! Почему они, сука, не взрывали эти дороги (гневно)?! Чтобы детей туда не везли, все-таки, дети поразбегались бы. Все время везли без остановки, день и ночь. Довезли до Шепетовки. Помню, днем туда нас привезли в эшелоне. Вот. И вы знаете, ... стали выгружать, из вагонов выкидывают трупы, понимаете, мертвые. И погнали, (кашляет) смотрим, какие-то люди копают ямы, смотрим, знакомая одежда, до меня уже дошло, что там же закапывали мертвых, которые с эшелона. И кто-то говорит: «Девчата, надо убегать». Кто-то сказал. А как убегать? Говорит, а кругом полиция, западники там. Ну, бабы идут, и я за ними, и ушли мы. Ушли мы ..., а там же кругом охрана. Куда-то мы ушли. Вот. Вышли, слышали шум, ну, думаем, там дорога, потому что леса же там кругом. А ночь мы переспали, там ночью переспали. Это уже на другой день. Вот. Начали к дороге подходить, а там полиция, и нас забрали: «Вы почему здесь?» А кто-то говорит: «Да, мы голодные, ягоды собирать». А там, правда, была ежевика. Вот. И они нас отправили в этот лагерь обратно. Правда, не били, ничего, а так это – кричали на нас и все. И через, я не знаю, может через два дня, но быстро, погрузили в другие вагоны нас и довели до Кракова. До Кракова довели, сгрузили нас, этапом погнали в лагерь. А кто-то говорит, Польша... Польша это, территория, где лагеря смерти. Вот. Ну, трехъярусные нары, деревянные. На окнах решеток нет. И ходят поляки, у кого что есть: кольца, сережки, у кого что есть. А у меня какое-то колечко было. Я не помню, какое, но, какое-то дешевенькое колечко. Я не знаю, откуда было. У мамы было, может. А у кого-то там сережки какие-то были, у кого-то цепочка была, помню. И говорит: «У кого есть это, сейчас мы вас попускаем и бегите домой. Все. Давайте». Ну, девчата там начали. Я же отдала. А на втором этаже они сделали какие-то веревки. Они же там низкие, старые же дома, низкие такие. А я же по деревьям в Нагорной лазила, вишни рвала, крала. И, в общем, спустили нас, не знаю, человек, наверное, сорок, много нас. И пошли, и идем. Ночь. Это в Кракове. Запомнилась мне эта Россось. Я в нее никогда бы не приехала, никогда бы сюда не приехала, она у меня аж в почках осталась. Думаю, как спасусь, хоть

одно хорошее в жизни дело сделаю для человека. Вот. И идем, а... куда идти, никто не знает. Идем же по булыжной мостовой, черт ее знает, и тут же эти западники, полицаи. Ночь это. Все. Забрали нас, отвезли в этот лагерь. Назад, да. Без боя нас отвезли. Они, наверное, знали, что убегают люди. Вот. И нас там подержали, я не знаю сколько. Может быть ночь. Помню, что ходили врачи, что ходили польские пани, чтоб они на том свете, суки, попереворачивались! Тварюги! Проклятые они! Мерзавки (гневно)! Выбирали больных и их забирали. А какие были здоровенькие... Я высокого роста, видно же посмотрели. И погнали нас на железную дорогу. Погрузили нас в вагоны и везли через Прагу или Варшаву, я не помню. Знаю, что солнечный день был. И довезли нас до города Вуперталь в Германии. Распределили. Громадный лагерь. Довезли нас туда. Там тысячи людей. Страшный дождь моросил. Это октябрь месяц, моросил дождик. Люди на земле лежат. Бараки там такие. Там страшные еще какие-то мужики. Говорит: «Вот здесь и всем кобец!» Помню это – «кобец», я еще не знала такое слово.

Через некоторое время у меня, знаете, ячмень простудного характера, начало ухо болеть, сильно. Я перевязала платочком. И прошло, не знаю, может день, два, может три, говорят: «Выходите все». Там давали жрать. Сколько там было, я не знаю. «Стройтесь вот так». Впереди, сзади... вот так. Построились, не знаю, сколько там рядов, не могу вам сказать. Факт тот, что открываются ворота и идут... в шляпах, в очках, с собачками, а ... мы-то страшные. Мы такого не видели. Идет в шляпе и в очках, черт его знает, и проходит по рядам. Начали выбирать, оказывается, на работу к хозяевам куда-то еще. Видно, глянули, у меня все перевязанное, скажут, наверное, больная – *кранк*, как они говорили. Вот. И через некоторое время нас грузят обратно в вагоны и повезли до города Кельна. Довезли, сгрузили нас, смотрим, немцы стоят, тоже страшные такие, знаешь, мы к своим же привыкли к людям, а эти – то в очках, то горбатые, то носы у них ... Ну, вот. Нам страшно – ведь детьми еще тогда были. Сколько нас на фабрику?.. Человек, наверное, пять-десять. Нас взяли и этапом погнали через Кельн. Я помню эту же церковь, прямо над вокзалом, собор стоит над вокзалом. С вокзала поднимаешься, и стоит этот собор.

Помню, что трамвай там был, переходили через дорогу, нас перевели. И приводят нас на фабрику. Фабрика длинная, колючая проволока в два ряда. Завели нас туда. Бараки стоят, два барака. Два барака и третий, тоже барак. Третий как столовая. И в этих двух бараках находятся люди, уже там были люди. Нас в октябре привезли. Это в конце октября. А там уже были с Украины, из Днепропетровска, с Донецка...

Полтава, город Зеньков, Сумы, из Запорожья, еще забыла. В общем, там человек сто пятьдесят, и нас же человек пятьдесят было. И девчата там. Завели в барак. Двухъярусные кровати, а подушки, как пакеты, в которых у нас вермишель. Матрас такой, подушка, два одеяла, черных два одеяла. И дали нам халаты какие-то и деревянные шувы⁵ на деревянной подошве. Больше ничего. И работать на фабрику. Фабрика прямо при дворе была. Длинная, четырехэтажная фабрика, цеха изолированные. Немцы, французы там работали, кто еще, я не могу сказать. Видела, что велосипеды стоят, а девчата, которые раньше там были, говорили, что здесь и французы есть. Делают обувь, шьют военное снаряжение. Делали изолирштуки. Это изоляторы на выключатели. Это, значит, пластмасса, станок, насыпается эта пластмасса, красная или черная, или белая. И станок подключают под электрический ток, не знаю, там 360, наверное, а может, двести, я не знаю, при какой температуре оно там плавится. Поставили меня на станок. Станок подключен, такое все блестящее там. Когда его закрываешь, там масса эта. Не автоматически. И там, когда его открываешь, оттуда выходит эта изолирштука. Изолирштука – это они называли, немцы. Он приходит, измерит. Я уже тогда сообразила, что он измеряет, чтобы в дырочки проходили шурупчики, понимаете. А если я не додерживаю, то оно сразу сужается, поступает вот это молочко. Там молочком была белая такая пена, которая остужала, чтобы оно быстро... А там надо секунды, надо секунды держать. А сил не было, понимаете, мастер подойдет, глянет – брак. Он подкрутит, чтобы туже закрывать этот станок. Он такой: с этой стороны ручка и с этой, а тут этот, что бежит, делается изолятор, изолирштука эта. Ну, как же, вы-

⁵ Искаженный немецкий. Правильно: die Schuhe (множественное число) – обувь.

ключатель. Видели же выключатель. И я это открутила один раз. Он говорит: «Нельзя так делать». Потому что он попробовал, откручено. А, видно, он не мастер, он, наверное, как у нас слесаря. Что он ничто не сказал, это, тогда говорили, он хороший, этот немец. Он баварец сам, коммунист, сам сидел, жалел нас. А как получилось. Его не было, и я начала опять так же. Там все стояли: Галя Руденко, Наташа Косенко и Паша с Харькова, я забыла, как ее фамилия. Они уж все имена поменяли. И этот герр Бишорат приходит, начал мерить, а оно брак. Как он начал меня лупить! А у меня косы длинные были. Как он меня схватил за волосы! Да, как мантанет меня об этот станок! У меня вот тут шрам. Видишь? Как он, сука, мне глаза не выбил! Понимаешь? Вот и все. И хана. И я после того не стала откручивать этот станок. Попрыгаю, попрыгаю, насилиу его закрою. Это вам не передать, ... такой труд! А жрать-то, ведь, нечего, капуста ... этот шпинат, хлеба дадут. А нам давали такую буханочку, зернышки перерезанные и опилками склеенные. И 50 грамм маргарина. Это нам на неделю. В субботу дадут, мы сядем, едим и песни поем «В бой за родину, в бой за Сталина!» Девчата-украинки... Одна начинает петь, и сидим все плачем. Просим бога: «Господи, да пошли, да разбомби ты это, да прилетите же вы, да разбомбите». Мы не знали тогда, что американцы, мы думали – русские. Тогда уже девчата нам говорят, да это американцы, наши сюда не долетят.

Уже нас гнали в октябре-месяце, в начале ноября, по-моему, так уже Кельн был разбомблен. По улице гнали от церкви этой, уже дома были разрушены. Часть домов уже была разрушена. По Рейну все города были так разбиты, что я не знаю. Случай второй. Заходим в столовую, дают нам капусту без ничего. Фрау Лизабетта была: «Киндер, хлеба нет». Нам же в субботу дали это. Боже мой! Немцам давали по шестьсот грамм хлеба, а нам, суки, проклятые, давали это. Хамы проклятые! А немцам по шестьсот грамм каждый день! Под Сталинградом немцам давали, я читала в «Приключениях Вернера Хольда». И потом – «Мы не пыль на ветру». Роман-газета шестьдесят пятого года, по-моему. Я читала, как с ними... Да как же с нами, сука, обращались. И все. И мы (длинная пауза) сели кушать, в этот момент заходит... Я с краю сидела. Как я ее вот так вот взяла рукой и скинула,

и в это... мгновение заходит этот герр Бишорат, мастер, надзиратель наш. Бишорат его фамилия, а как его звали, может быть Отто, я не могу сказать. Знаю, герр Бишорат был и был герр Лоренс. Два фашиста были. И он меня как схватил, а косы еще не отрезали, еще вшей мало было. И как схватил и на пол меня, чтоб я это слизывала. Ну, я кричу, плачу. Он потолкал головой и опять меня за станок. Ну, что, конечно, встали, встала я, обтерлась и надо идти на работу.

По двенадцать часов работали без выходных. Вот так. Кельн бомбили все время. Выходные давали, дали. Был выходной. Я не помню, когда нам дали выходной. А немцев не было, один этот баварец-надзиратель, а то – никого, нет немцев. Немцы работали до этого, а в субботу немцы работали до двух часов. В субботу не работали еще они. Это в сорок третьем году, когда под Сталинградом их фуганули. Их заставили работать в субботу до часа, они работали. А то два дня. В пятницу они работали до часа или до двух, а то они два дня отдыхали, а мы работали все время.

Меня побили, Наташу Косенко избил тоже за брак, «за то, делать брак». А там, оказывается, были комсомольцы, такие грамотные девчата. Мария из Полтавской области или с самой Полтавы, Мария Хорошун – учительница была. И Овчарова или Овчаренко, не помню как, тоже она учительница. И, видно, откуда-то они информацию брали, что все время говорили: «Не горюйте, девчата, – на украинском языке они говорили, – все равно победа наша, мы победим». Там работали французы, понимаете, их раньше привезли. И, может, они с французами вели разговор, кто его знает. Я не видела ни разу этих французов, я не видела. Видела, что стоят велосипеды, когда нас гнали. В шесть часов мы уже за станками стоим, пусто. А утром же жрать не давали ничего. Вы представляете, утром до двенадцати, в двенадцать часов делали нам перерыв иногда, может быть, сорок минут, я не могу сказать, сколько это было по времени. Мы покушаем и в шесть часов другая смена заходит. Нас ведут в столовую, кушали гемюзу⁶ вот эту, шпинат этот. Я дочери говорю: «Вот концлагерь –

⁶ Искаженный немецкий. Правильно: die Gemüse – овощи.

шпинат, гемюза, морковка. Если не работать бы. А как мы работали... Сколько нас поумирало там. Эта диета». Ну, и все. Галина Руденко, оказывается, окончила Донецкий горный техникум, по ее словам. Работала она лаборантом на коксохимическом Сталинском заводе. Косенко Наташа (короткая пауза) – она не очень грамотная была. Она работала в городе Зеньков Полтавской области. И они были раньше угнаны. И Паша-Света с Харькова. В общем, их тоже били. Я попала во вторую партию, так меня лупили. Там еще Анна Гроз была, ту тоже били. Она тоже была с Донецкой области, забыла с какого города. И приходит раз Галя, Галина Руденко, и говорит: «Девчата, можно убежать». Кельн уже бомбят. Сорок третий год уже. После Нового года. Кельн бомбят, и мы решили (короткая пауза) убежать. А как убежать? Она и говорит, Галина: «В субботу приезжают машины, грузят стружку». Там, оказывается, стружка. Я и не видела. Я же думала, там только шьют, да это, а оказывается, там из железа что-то делают. Она и говорит, что в субботу приедет машина с прицепом, давайте убежим. Все равно, мы погибнем от руки этого герра Бишората, или мы погибнем от бомбежек. Я думаю, все равно мне хана будет, потому что как заходит: «Украиниш!» Как чуть что, так кричит: «Украиниш!» Бани нет. Купаться негде (длинная пауза). Вы представляете? Вот такие вши. Мне волос обрезали.

И вот еще сорок третий год, январь месяц. Я не знаю, что они, они радовались, видно. Ни радио, ничего же нет, кто из девчат там услышит от француза... А может они разговаривали или баварец, но говорили, что немцы продвигаются уже до Волги, понимаете. И нас повели в собор. Я же была в соборе. В этом соборе была. И нас ведут купаться. Еще Сталинград не взяли. Нас ведут купаться. Там недалеко, знаете, может быть с километр. Где мы были – это окраина, ведут в собор. Как он там Кельн расположен? Через Рейн же он расположен. И нас ведут купаться. Наверное, человек семьдесят. Холодно было. И мы, значит, пришли. А там запах, видно, что вшей они травили, или я не знаю что, но страшный. У нас везде вши были. И здесь, и здесь были. Это вам не передать. Все тело у меня было покусано вот так. Мало того, что оно покусано... Бараки холодные, не отопленные. И в подушечках там вши были. Даже сейчас у меня чешется. Не дай Боже,

как вспомню вот это все! И тело у меня все, мало того, что оно покусано, еще эмульсия эта белая, там же станок, бежит она. И все разъедено. Привели нас купаться (короткая пауза). Искупались. Начали там купаться, я помню, что я купалась, кто-то кричит, что кто-то упал в обморок, в общем, начали ее старшие вытягивать, а она уже мертвая. Запах там страшный, видно, они газ туда пустили или...

Мыла дали по кусочку, а мыло беловатое, начнем тереть, а оно с песком, с песком мыло, понимаете. Вот я помню, в шахтах после этого я такое встречала. Как-то нам давали на шахтах такое раз мыло. Я в шахте тогда работала. Ну, все. И я оттуда тогда как выскочила, еще со мной там девчата выскочили. А там же двор, и машина стоит. Смотрю, девчата там перепрыгнули, перепрыгнули через забор, не большой. Прямо над собором кельнским там баня была. Она так на бугор, а туда Рейн идет. Рейн я видела хорошо. Вода, видно, с бани туда сбегала. И там кладбище рядом. И мы через забор этот перепрыгнули. Как глянули, а там кресты и кладбище огромное. И мы пошли по этому кладбищу. Смотрим, там 1814 год и на русском языке написана фамилия, только, вот, забыла, не помню я. И девчата говорят: «Смотри, откуда-то с России, русские, а почему они там?» Те там возятся. Машина. Вытащили женщину. Я не знаю, откуда она эта женщина. Вытащили эту женщину. А оно там, ну, знаете, может быть метров десять. Глянули, и церковь же недалеко. И тут же кричит немец: «Kinder! Пошли, alle weg⁷ отсюда, пошли». Вот. Ну, девчата говорят, что забрали, мертвая, увезли. Видно, газ этот, запах был такой, смертельный запах. Этот запах я помню, когда уже американцы нам дезинфекцию делали, так это подмышками все. В общем, мы молодые, сейчас уже сердце останавливается, тогда же еще молодые были, знаете, а та женщина пожилая. Все. Привезли нас в лагерь. И также начали мы работать. Бомбежка каждый день, каждый. Мы молимся Богу: «Господи, ...» (длинная пауза). Гонят (длинная пауза). Радио нет, ничего не знаю. Проходит энное время, нас гонят на кухню к фрау Шумахер (короткая пауза). Это кухня, которая готовит для французов, для русских. И заходим мы... сколько нас? Шесть чело-

⁷ Alle weg – все прочь.

век, наверное. Вот. Смотрим... это первый раз. Это был февраль месяц (короткая пауза). Смотрим, сидят женщины, у них черные повязки. А Галина по-немецки хорошо разговаривает, а мы расписывались, с немцами не разговаривать, с немцами никаких контактов не иметь. Мы расписывались, отпечатки пальцев даже брали. Не разговаривать с немцами, а мы их ни хера не видели... Я не видела этих немцев. Я видела герра Бишората и все. В лагере их никого не было, понимаете.

И герр, опа⁸, который там пропускал на фабрику, смотрел. А что там красть? Я не знаю. Там пуговицы были. Пуговицы там делали на этой фабрике, наперсточки делали на этой фабрике. Делали эти изолирштуки. Ну, и, видно, шили. В общем, пригнали нас на кухню. Когда мы зашли туда, там женщины сидят. Эта Галина спрашивает: «Was ist geschehn⁹». А она, та фрау, и говорит: «Kaputt deutsche Soldaten». Я по-немецки скажу ... (смеется). Ага. «Deutsche Soldaten sind kaputt! Dreizehn Tausend. Kaputt¹⁰, Сталинград!» А мы ни хрена не поймем. «Капутен Сталинград», ну, слышим же, это Сталинград, город мы прекрасно знаем. Галина говорит (длинная пауза): «Погибли. Сталинград, – говорит, – разбили, немцев погибло триста тридцать три тысячи, но Сталинград, – говорит, – разрушен». А у нас сразу, как же так? Это же и наши там погибли. Сколько же наших солдат погибло? Сколько наших там людей погибло? (плачет) Все. Ну, говорим: «Теперь нам все, капут нам». В этот момент заходит фрау Шумахер, которая кухней руководила, в эсесовской форме. Желтая форма у них, брюки галифе, вот тут у нее нагайка, тут повязка с крестом, черный крест на красной этой. Она спрашивает у немцев: «Почему шпрехен¹¹ вы с ними?» Да, она и говорит: «Да, вот, спросили, почему?» Показывает на это. А нам дали ножи, мы чистили картошку. Это до фрау Шумахер было. Я изучала Спартака, как там дрались. И я говорю, и Галина говорила, и Наташа, что пусть бы подрались два генерала...

⁸ Der Ора – дедушка.

⁹ Was ist geschehen – что случилось?

¹⁰ «Deutsche Soldaten sind kaputt! Dreizehn Tausend. Kaputt». – «Немецкие солдаты уничтожены. Тринадцать тысяч. Уничтожены».

¹¹ Sprechen – говорить.

Вот. И все, и не было бы войны, и не было бы столько жертв, вы понимаете. И вот она перевела эти слова. Эх! Как эта фрау Шумахер подходит, как начала нас мантулить этими плетками. Вот. Избила нас плетками... «Проклятые руссишь швайне!¹² Вэг¹³ отсюда! Уходите! Фэрдамте¹⁴, всех здесь поубиваю!» И мы ушли, она начала бить, и мы убежали. Ну, а куда? Она, видно, позвонила на фабрику.

Приходит оттуда, я не знаю, кто пришел. Забрал нас. И мы пришли на фабрику. Доходим до ворот, там стоит этот герр Лоренс и герр Бишорат, и как начали нас мантулить, бить. Поняли? За это. Избили и посадили нас в карцер под фабрику, там такие бомбоубежища, закрываются. Знаете, когда-то был случай, немцы, а там близко расположены дома были, и немцы заходят туда. Вот. А нас, руссишь швайне, не пускают. Вы будьте хоть на дворе, хоть в подвале, там дверь не закрывается... А немцам ... подвалы, где двери толстые и закрываются герметично. Там немцы сидели. А мы на дворе были, а потом уже нам этот опа, который нам на фабрику двери открывал, так он говорит: «Киндер, вон там двери, под низ можно залезть и бегите все туда». Показал нам. Так мы бегали летом, там росли хлеба. Вот. И мы хотя бы колосков поедим и просим, чтобы целую ночь бомбил, а мы бы колоски ели. Это не дай Бог! (короткая пауза).

Днем американцы не бомбили. Не знаю, почему только ночью. Говорят, что будет тревога. Приходит баварец этот: «Киндер, гойте буйте аларген»¹⁵. Тревога. А мы радуемся: слава Богу! Один раз побежали, половину фабрики разбило. Половину. Она длинная, примерно, два дома, вот здесь пятиэтажные дома. Так в одну сторону ударила бомба, небольшая. Приходим, фугаски лежат, горят. Мы уже отбой дали, пришли, думали не работать, а оно все равно нас заставляют работать.

¹² Russische Schweine – русские свиньи.

¹³ Weg – прочь.

¹⁴ Die Verdammte – проклятые.

¹⁵ Искаженный немецкий. Правильно: «Kinder, heute gibt es Alarm» – «Дети, сегодня будет тревога».

Ну, прошло энное время, и вот немцы все в трауре. Страшный траур у них. Они так были звери, а то совсем герр Бишорат зверем стал. Пластмасса горит, эти изолирштуки не стали они делать почему-то. А поставили цех, где делались какие-то пластмассовые пузырьочки. И тоже изолированно все это. Страшно, не дай Бог! Сколько девчат поумирало! Говорили, той нету, той нету, а их приехала машина ночью или утром, забрала. Не знаю, в общем. Одно знаю, помню, что вся постель была в крови. Харкала, видно, легкие это. И Галина говорит: «Давайте убежим». А как? А так и так. Мария Хорошун и Галя Овчаренко или Овчарова, я не помню, эти две учительницы. Как они сделали. Суббота, сорок третий год, сентябрь-октябрь-месяц, начало октября-месяца (короткая пауза). Приходит она, как раз суббота, а мы должны были в ночь идти на работу к шести. И она говорит: «Сейчас загрузится машина, машина с прицепом и там останется место, и вы сядете туда, и вас увезут отсюда, потому что один бес, что так мы погибнем, что так. Или от руки Бишората погибнем, или от бомбежек». Ну, мы решили, что убежим все равно. Мы никогда не думали, что вернемся, понимаете (плачет), что мы вернемся на родину. Никогда! Это при таком ужасе! В таком голоде! В таком холоде! В таком издевательстве! Мы никогда не думали, что мы останемся живы.

Пришли, стоят два. Ну, один был немец. А кто был второй? Я не знаю, кто это был – второй. Может, это был голландец, бельгиец, может, это был. Но не француз. Светлый такой мужчина. Все. Посадили они нас в машину в стружки. Впереди стружка и позади стружка. Нас посадили сзади на первой машине, а сзади тоже прицеп со стружкой. Накрыли их, накрыты были машины брезентом. Повезли. Повезли нас, не знаю, сколько везли. Может быть, часа два нас везли.

Вечерело, может, три часа было, это уже осень. Это сорок третий год. Как занесло эту машину, как перехерело. Мы чуть не выскочили с бортовой машины с этой. Вот. И такой скрежет. Оказывается..., машина остановилась, выходят два этих шофера и говорят: «Капут машина, капут». Мы слышим «капут» этот. И нам: «Киндер,

ауфштейн!»¹⁶ Мы открываем, испугались, думаем, что же это такое. Оказывается, колесо на боку лежит, видно, это ось. Поломалось колесо, наверное. То ли перетерлось оно, кто его знает.

Мы встали. И куда идти? Что делать? ... этот немец и говорит: «Kinder, nicht sprechen¹⁷..., что я вас вез. Alarm тревога, сильно бомбят Дюссельдорф, Aachen, Bonn. Sprechen с Дюссельдорфа». Вот. «Киндер, вперед идите, и там будут лагеря, там russisch лагерей, russisch, italjenisch, französisch¹⁸, очень много лагерей. И nicht sprechen, что вы с Кельна, либо вам капут».

И вы представляете, идем, по обе стороны яблони. Яблони, сады, ровная долина и только один асфальт. И мы думаем, один бес, нам капут, мы пойдем яблок нарвем. Нарвали мы яблок, идем и едим, думаем, все равно уже, все равно, мы думаем, что нам капут. Уже начался дождик, небольшой дождик, темнеет, доходим до железной дороги. Железная дорога, смотрим – речка. Смотрим – домики показались и село. Это дорф Энгельскирхен¹⁹ и написано: Кельн 37 километров, Бонн – забыла, сколько километров, этот Дюссельдорф сколько-то, забыла. Вот порядок какой, а? У немцев.

Идем (длинная пауза). Кончается асфальт. Начинается опять бульжная мостовая. На горку немножко, проходим этот километр, а туда речка и мостики, а там дома. Внизу там долина и деревья, видно, сады.

Когда отступали немцы, мы в окна смотрели, русские военнопленные бегут туда, в сады, а их эти полицаи стреляют. Я видела сама лично это глазами. При отступлении, когда с Франции уже наступали в сорок пятом году. В сорок пятом году, в январе, примерно, месяце было, сгоняли и не знали, куда гнать этих русских уже.

¹⁶ Kinder, aufstehen – дети, вставайте.

¹⁷ Kinder, nicht sprechen – дети, не говорите.

¹⁸ Italjenisch, fanzösich – итальянский, французский.

¹⁹ Dorf Engelskirchen – деревня Энгельскирхен.

И мы идем, и уже началась булыжная мостовая. Дома, смотрим, дом большой такой двухэтажный. Смотрим, уже, наверное, часа четыре, наверное, пятый час, уже серело. Смотрим, на велосипеде едет, как в кино показывают, не каски, а знаете, как у козера, такая страшная шапка, полицай же. И полицай на велосипеде как увидел, что русишь идут же, киндер. Он кричит: «Hände hoch, russisch»²⁰. Мы остановились, он слез с велосипеда, подходит.

– Русишь?

– Ага, русишь.

– А откуда?

Мы говорим, что с Дюссельдорфа. А он говорит: «Воруют здесь?» А мы говорим: «Капут, фабрика капут, шеф шпрехен: «Alles! Kinder weg, Arbeit nicht». И он нам как будто поверил, наверное, поверил.

– Kommen²¹ за мной!

И пошли, там через три дома был полицейский участок. Приводят нас в полицию, а там немцы все в черном одетые. Фашисты с этим SS. Ну, все, думаю, вот тут и хана. Правда, он спросил: «Вы говорите по-немецки?» А мы говорим: «Нет». На Галину, она симпатичная такая была, он говорит:

– И ты nicht sprechen²²?

– Klein²³, мало.

– Откуда?

С Дюссельдорфа. Он ничего нам на это не сказал. Другому немцу сказал и нас в подвал. При полиции подвал, и мы ночь перено-

²⁰ Искаженный немецкий. Правильно: «Hände hoch, Russen» – «Руки вверх, русские».

²¹ Kommen – приходить.

²² Nicht sprechen – не говорить.

²³ Klein – немного.

чевали. Ночью они там ходили. А у нас ничего нет. Он посмотрел на нас, у нас шувы и эта форма зеленая с красными крапушками, были такие утепленные халаты, и без головных уборов, даже не было головных уборов, ё-ё-ёй. Все. Утром слышим, что-то женщина говорит. По-немецки говорит женщина. И открываются двери:

– Kinder, alle weg²⁴. Выходим.

Вышли наверх, завел в комнату, там такие же. Оказывается, женщина сидит. Стоит женщина, также не одетая, в таком же простом наряде. Ну, не в таком, как мы. Вот. Кучерявая такая. Ох, нос горбинкой. Ну, типичная еврейка. ... Эмма, Эмма, забыла фамилию. Забыла фамилию, Эмма, Эмма, то ли Кавалевская..., не помню я, в общем. А в лагере звали Таней. А так она звалась Эммой. Все. Начали нас допрашивать. Так, откуда? Мы начали говорить, что мы работали на фабрике. Она, эта Эмма, спрашивает, что делали. Мы говорим, что делали. Кто хозяин? Ну, мы сказали, не сообразили. А потом уже, когда вышли, так говорим, ну, найдут. А Галина, она с двадцать четвертого года, все-таки, более старшая, больше видела уже в жизни, и говорит: «Нет, при таких бомбежках, при таких бомбежках, когда каждый день ...». Если не Кельн бомбят, то Дюссельдорф бомбят или Эссен бомбят. Отсветы, отсветы, это зарево в небе, когда погода хорошая была. Все (короткая пауза). Допросили, отпечатки пальцев взяли. Да, и немец сказал: «Kinder, nicht sprechen, не свою фамилию говорите». Дай бог ему здоровья, если они живы, царство небесное, если они поумирили. Вот это. А мы – как же не забыть? А Галина говорит: «Берите фамилии своих мам». И мы взяли. И мы, каждая из нас, взяла фамилию своих родителей. Я приехала с этим документом в Магдебург – Мазуха Людмила. Вот. И один урлауб²⁵ – это был документ на Украинскую Валентину, и все это в Кельне, в Магдебурге взяли, кинули и хана, так отнесли к этим документам. Думаю, лучше бы я себе их забрала на память. Тогда, знаете, как смотрели на нас. Сами знаете, как смотрели. Ну, причем мы, дети!

²⁴«Kinder, alle weg» – «Дети, пошли прочь!»

²⁵ Искаженный немецкий. Правильно: das Erlaubnis – разрешение, пропуск.

День еще нас подержали, не помню, сколько времени, может неделю, может две недели. Еще нас вызвали. Еще приходила переводчица Эмма. Приходила она. Допрашивали нас. В конце концов, нас вывели, пришло два человека, герр Бауман, Отто Бауман. Такой в очках, видно, еврей. И показывает на меня и на Наташу Косенко: «Zwei Kinder²⁶, это со мною». И Галю Руденко, и Свету-Пашу, фамилию забыла. Пашей звали, а она тогда писалась Света. А фамилию не помню уже, потому что с этими я переписывалась, а с ней почему-то нет, не помню я, адрес потеряла. Все. И, в общем, на фабрику. Привели нас на фабрику, «тридцать семь километров», распределитель этот, там мост переходишь и на окраине фабрика. Это там – лагерь, плохо проявлено (показывает фотографию), понимаете. Вот и привели в барак. Четыре барака. Только русские, украинцы с Запорожья и с Мариуполя, с Западной Украины. Вот. С Донецка много. Потом, откуда? С Мелитополя были девчата, с Ялты была. С Ялты была одна симпатичная такая. Вот. С Кривого Рога. Эта с Кривого Рога с шестнадцатого года была. Царство небесное ей. Она сама бухгалтер была – Дора Артюхова, Дора Артюхова была бухгалтер. Вот. Она мне косы обрезала. Это уже тут обрезали, не в Кельне, а в Энгельскирхен. Так жалко было. А вши, ох, ой-ё-ёй. И, в общем, стали мы работать на заводе. Такие же условия, бани нету. Туалет крытый. Посередине четыре барака. Герр Павловский – переводчик был. Поляк проклятый. Лагерфюрер, я не помню, безрукий, под Харьковым ему капутен эту руку, так он все равно был не плохой человек. Знали, что была откуда-то Землюкова. Болгарина там была, Болгарина – фамилия ее, вот город забыла. Сейчас припомню, не Липецк, не (короткая пауза, вспоминает) Семилуки... нет. Забыла, ладно, забыла. Тоже была красивая. Так он, этот лагерфюрер, Сима ее звали, Землюкова или Завгородняя (короткая пауза, вспоминает), из Белгородской области. По-моему, были две девки с Белгородской области. Две, и одна из них такая красивая, так он брал ее всегда. У него подсобное хозяйство было, так он брал ее на воскресенье, почему-то он ее брал. И она ходила к нему, и ино-

²⁶ Zwei Kinder – двое детей.

гда принесет оттуда хлебушка. Девчата брали, землячка – она давала. Так буханочку принесет и давала девчатам. Вот все.

И начали работать, делать. Завод. Боже мой! Завод двухэтажный, (короткая пауза) делали сверла автоматические, немцы работали на девяти станках. После этого капута немцев под Сталинградом, немцы стали работать в субботу до двух часов, русские так же работают. Здесь в Энгельскирхен выходной давали, выходной.

Выходной давали в Энгельскирхене. Два надзирателя было. Либих, без ноги – зверь. Все кричал: «Русишь швайн капутен, капутен!» А девчата говорят на него: «Ты дум, дум»²⁷. И раз взяли масло налили, так он, сука, как упал, а мы начали смеяться. Так схватил эти детали, да как начал их кидать и разбил окно. Кидал, а там мастера сидели и видели, что он разбил окно. А там какой-то мастер сидел, да как выскочил, как начал его ругать, что он придурок. «Что ты кидаешь, ты подошел бы, да как дал тому, кто, как ты думаешь, это масло налил». Он без ноги, на деревяшке ходил. Был Либих и Эрнст, фамилию я не знаю. Этот черный был, такой хороший. Он говорил плохо, как-то у него зубы, несколько рядов зубов, какой-то деформированный. Но был этот немец добрый. А Либих этот, сука, кричал на нас, но бить не били.

Восемнадцать станков и вот так: с этой стороны девять станков и с этой такая же нудистика, девять и девять. Работают. Медсестра со мной была с Горловки, Босенко Вера. Она говорит: «Люся, не говори, что я медсестра». А мне страшно, эти сверла, знаете. Такие, как груши, сверла прямые, сверла тонкие, а я делала что-то, как груши. Восемнадцать станков и там лампочка зажглась, я бегу туда вставлять. Набегаешься так, а в ночное время спать хочется.

Во мне было сорок шесть килограмм, я еле ходила, но боялась, что меня отправят в лагерь смерти, с того лагеря отправляли и с этого отправляли. Все. И я, когда, знаете, возьму, а фрезер вот так вот точит, я переставлю, а он все срежет там, и на утро, как глянешь, там

²⁷ Dumm – глупый.

половина ящика. И они заметили, и начали за нами следить. Один раз, как глянула, а он сидит, что разбил там окно, а смотрит обычно другой мастер. Эти два ходят, а тот смотрит в окно. Все, думаю, убьют, убьют и все, и не стала больше... боялася. Мы думаем, что делать. Мы тогда в карман наберем этих деталей, а фабрика над речкой стояла, идем домой, выходим и кидаем детали. Все поменьше вам, падлам, за то, что вы так над нами издеваетесь.

Деревня под Кёльном, где жила В. В. Надпись с обратной стороны (сделана рукой респондентки, орфография В. В. сохранена): «В этой деревне я работала с 1943 ноябрь по 1945 апрель на фабрике Бауман. Точками обозначен лагерь и фабрика. Фамилия моя была тогда Мазуха Людмила».

Сорок четвертый год. Радио нет, не знаем, но немцы в трауре. Привезли женщину с ребенком. Клава Салтыкова с ребенком. Мальчику четыре годика. И поместили ее... Фабрика Баумана – это мы...

У Баумана работало человек тридцать, на другой фабрике работали тоже человек двадцать. На третьей западники куда-то ходили, у хозяина работали там. Вот эти с Западной Украины, к ним по-другому

относились, понимаете. Принесет в баночке, видно же варенечка, а девчата там постарше возьмут, да украдут. И она тогда там ругается. Не знаю, может она и больше могла бы взять, не знаю.

И в сорок четвертом году с мальчиком она приехала. Она сама из Днепропетровска. Что я хочу подчеркнуть, какие люди были у нас порядочные, очень порядочные. Ее привезли с ребенком, Клава Салтыкова. Сама из Днепропетровска. Комсомолка. Работала на железной дороге весовщиком. Вот. Муж – лейтенант. Муж погиб, погиб муж на фронте. Ее угнали в Германию, но она хорошо по-немецки знала. Вот. Майнецан ... ага, она попала на фабрику Майнецан (Meinezahn). С мальчиком в ночную смену я была, понимаете, или кто другая. И немцы не все были звери. И один немец всегда приносил бутерброд и давал Клаве. И это она всегда принесет Коле. И Коля покушает, и мне немножко она всегда давала. Я как-то детей любила, из-за Толика, потому что я, наверное, росла с детьми, любила детей.

Он такой сероглазый был, напоминал мне брата. Ага, напоминал (длинная пауза, ищет фотографию). Вот он, смотрите, моряк.

В сорок четвертом году ее привезли (длинная пауза). В начале сорок четвертого года ее привезли. Места красивые. Проволоки двойной нет. Такой забор и сверху проволока, и все. И леса, под лесом стояли, речка. Летом даже как-то бегали купаться. Кормежка точно такая же была. Вот.

И (короткая пауза) работаем, все время работаем. Работа тяжелая, очень тяжелая. Я болею сильно. Каждый день на работу, сырость, у меня все болело, все. Летом трюшечки легче. Солнышко, там, среди двора, четыре барака, туалет на дворе. У нас там одна упала туда, утонула в туалете. Ага. Потом они, эти фрицы, сделали сетки такие. Оно же вот такие дыряки, понимаете, а дети, какие мы, слабые. Зима, это было ... глубокой осенью, помню. Упала туда, и затащило ее. Она кричала, но пока кинулись, когда вытащили ее, она уже мертвая. Вот.

Посредине сажали капусту. Я же такая ненавистная к обществу, что-нибудь да сделаю, понимаете. Раз кинула брикеты. Давали по во-

семь брикетов. Я пошла и украла. Они пошли, да сказали, что это украла Мазуха, украла брикет. Пришел Павловский ...

Брикеты, которыми топят. В бараке стояла буржуйка... И восемь штук давали вечером, на ночь давали. И меня Павловский часто бил.

Растет эта капуста. Меня заставляют... Kommen, пани. Тут он уже пани называл, Павловский, этот поляк, переводчик. Вредный такой был. Дает мне такой черпак, наливай из туалета и капусту удобряй. Знаете, как это унижительно. Боже мой! Тогда, все-таки, девчонка. Ну, я не знаю, ... дурная, молча, поливай, да и все, нет же, я хрена два поливаю. Я все равно брошу, а он тогда меня начинает бить так, ой-ё-ёй, ой, не дай Бог!

Конец сорок четвертого года. Также за ребенком за этим иногда смотрю. Потом его ребенка забрали. Забрали немцы. Куда они его забрали, я не знаю. Проходит время. Декабрь-месяц, сорок четвертый год, (короткая пауза) появляются в лагере власовцы. Декабрь-месяц. Декабрь-месяц, да. Еще бомбежек не было. Тишина. Все. Появляются эти русские. Толя одного звать, если бы я его сейчас, суку, увидела, я его бы разодрала! На лице у него родимое пятно. Вот как-то показывали одного Рибентропа, говорят, в Норвегии живет, сколько же ему ... семьдесят семь лет, они сказали. В Норвегии. Как же он туда добрался? Военнопленный был, и он очутился в Норвегии, по телеку показывали. Думаю, ты, сука, домой не захотел, и еще, почему военнопленный был, видно же, что замешан в чем-то, раз не вернулся. Все нормальные люди вернулись. Такие, сука, такие все уехали. Вот как он. Все.

И в этот момент они начали вербовать в армию (короткая пауза). Вы знаете, оказывается, их уже поперли с Франции американцы, уже там высадились. Начали они оттуда, с Франции пошли. Вот и начали они вербовать: «в армии все так хорошо». Вот эта Клава, эта Клава говорила, что какая-то Катя ушла. Но потом прошло время, она мне писала, говорит, Люся, я видела Катю в Днепропетровске. Их в Магдебурге столько было! Когда привезли в Магдебург, так я видела

в подвалах этих власовцев. Показывали это наши девочки, которые в лазарете работали. Все. В общем, они один раз пришли, а потом другой раз на лошадях приехали. Кто хочет, и кормежка хорошая (длинная пауза), и скоро закончится война, и мы победим. А кто победит? Бабы постарше говорят: «Кто победит? Немцев всех разбили, смотрите, – говорят, – ходят еле живые, уже и нас называют «киндер», а то «швайне» называли, а теперь нас называют «киндер, бите шойн»²⁸, «руссишь фроляйн»... А то говорили «русишь швайне дум» все время». Как вспомню это вот. Вот такие наши мерзавцы. Представляете это, суки, вот. И все.

Одно стихотворение, когда освободили американцы, когда нас забрали...

*С милой и нежной улыбкой
Мы повстречались с тобой
В синем берете, в синем жилете,
OST на груди у тебя.
Помнишь, ты мне улыбалась
И говорила шутя:
«OST оторвется, память сотрется,
Ты позабудешь меня».
Но прошли года, и вновь я встретил тебя
В черном жилете, в черном берете,
Сто двадцать пятый номер на груди у тебя,
Нет той улыбки, какая была.*

Как он встретил в лагере ее, встретил, понимаете. А уже сам на Колыме очутился, и ее на Колыму. Наверное, встретились там...

²⁸ «Kinder, bitte schön» – «дети, пожалуйста».

Вот это стихотворение я помню. А другое стихотворенье помню, это когда американцы нас освободили и начали сгонять. Энгельскирхен разбили (короткая пауза).

Потом девчата говорили, что еще приезжали на лошадях вербовать девушек. Они же откормленные кобели, наверно, были, понимаете. Вот. (короткая пауза) Январь месяц. Работаем. Гнали военнопленных ... Фабрика прямо над этой дорогой находится. Гнали военнопленных, там какая-то капуста оставалась, в общем... Это зрелище, не дай Бог! Видно, власовцы гнали, потому что белые эти на руках были, не полицаи это...

Ага. Вы знаете, военнопленные бежали, видно, капусту заметили – и рвать, и они стреляли. Я это видела лично, сама, глазами, этот ужас. Ну, что мы могли, мы за станками, и немцы, даже немцы, этот Мибах, Эрнст: «Gucken russisch²⁹, стреляют, стреляют...». Откуда я помню эти слова? Март месяц, да. Март месяц (короткая пауза). Налет. Солнце светит, утро, с утра работаю. Ну, может быть, было часов десять, примерно. Перед обедом, знаю, потому что нам и тут жрать так же не давали, это кофэ тринк³⁰. С каким хреном его тринкать?! С чем его, этот кофе? А кофе, правда, поставят в пачках, и колос там нарисован, а мы возьмем это (плачет) и жуем. Да, не дай Бог! Не дай Бог! ... меня привезли сорока шести килограмм, когда освободили нас. Пятьдесят было, когда уже в Магдебург привезли, наверно, пятьдесят пять во мне было, понимаете, вот так. И слышим, бежит этот Мибах, что на одной ноге, кричит: «Kinder! Alarm! Alarm! Alarm!» Тревога. А там рубильники, какой-то Ганс стоял и за станками железки на детальки резал. Вот. И выключает рубильники. И кричит: «А, все уходите! Все уходите с завода!»

Там низкое все, и фабрика, она немного выделяется на окраине. Кругом леса. С той стороны долина. С той стороны леса и с той, а тут железная дорога, речка. Речка, я теперь думаю, наверно, в Рейн впадала, конечно, куда же она бежала. Она же не бежала в Средиземное

²⁹ Искаженный немецкий. Правильно: «Guckt ihr, Russen» – «Смотрите, русские».

³⁰ Искаженный немецкий. Правильно: den Kaffee trinken – пить кофе.

море, так же? (короткая пауза) Как выскочили мы! И бежим. А бежать только в тот лес, где лагерь наш стоит, там недалеко, это и по фотографии даже видно. Ну, куда? Тут леса, горы, и все в лесах, там такие места красивые. Это как на Кавказе, как у нас в Воронежской области. Красотища! И мы бежим. А они, шесть небольших самолетов, вот так разворачиваются и стреляют, а мы бежим, нас видно всех, и там же люди. И все бегут в лес, вы понимаете. Вот. И они развернутся и стреляют. Два раза так сделали, и мы уже добежали за деревья. Деревья вот такие, он разворачивает и стреляет.

Дорога железная проходит над фабрикой. Сначала фабрика, потом шоссе кругом так же идет, через фабрику, двор, можно пройти в лагерь. Вот. Потом железная дорога, потом речка, потом ... этот асфальт, которым мы с Кельна ехали. И тут долина ... где власовцы расстреливали наших военнопленных. Вот. И эти самолеты развернулись (короткая пауза) и как начали бомбить. И разбомбили весь этот Энгельскирхен, центр Энгельскирхен разбомбили. Там стояла мечеть с полумесяцем, там до черта мечетей. С полумесяцем стояла мечеть, с крестом стояла наша... И разбомбили центр, фабрику Майнецана разбомбило, где Клава работала, где Света-Паша работала. Погибло там человек, наверное, семь русских, там французы работали. Погибло два француза, их похоронили, там церковь стояла, видно, католическая. Ну, крест на этой церкви. Нас гоняли туда ...разбирать, мы там хоть хлеба нажрались. Фабрику ... пекарню разбомбило, так мы там хлеба. Железная дорога там была. С Кельна ехал, может быть за неделю до этого, может за четыре дня, ехал под красным крестом поезд (короткая пауза). Ехал поезд, понимаете. И видно в Энгельскирхен он остановился, этот поезд. Разбомбило, рвалось страшно. Оказывается, это немцы уже говорили, что там ФАУ, что ли, какие-то, в общем, снаряды. Снаряды какие-то...какие-то засекреченные, снаряды под красным крестом, понимаете. Я сама этот поезд видела, как он ехал. Вот почему в эту деревню налетели? За каким бы в эту деревню?

Там по долине, куда она эта долина шла, я не знаю, там фабрика на фабрике. Вот видите, какие немцы! Они умные. Не такие, как мы – придурки – понастроили этих громадных фабрик. А у них не-

большие фабрики. Вот на фабрике нас работало, русских, сколько? Ну, человек, наверное, сто. На фабрике Майнецана, наверное, человек пятьдесят работало. Вот эту Майнецан разбомбили, а Энгельскирхен, она же на краю стояла, он пока развернется, он бомбы не сбрасывал, он сбрасывал в центр. Наша фабрика осталась живая. Ее не разбомбило и лагерь. Так он пострелял. Когда мы пришли уже вечером с работы, а девчата пришли на смену, говорят, попала в наш барак, вот такую дырку сделало. Как будто пулеметом или чем они там стреляли, эти американцы. Такая трассирующая... Не загорелся лагерь, не загорелся, а только пробило... Люди бежали, а он низко летал и, сука, не зацепился за деревья, понимаешь. Вот. Спасибо им. Спасибо, американцам! Дай Бог им здоровья, американцам! Что они нас спасли. Нам бы хана была. Наши бы долго шли бы по этому ... страшному пути, очень долго бы, вы понимаете. ... не знаю, когда они сказали, что они сделали «Катюшу». Что они дотянули до Волгограда? А? Сколько миллионов, тысяч погибло людей! Можно было применить это оружие?! А? Зачем тянуть было!? Жалко. Ни за что наши погибали миллионами. Сколько смотришь, сколько читаешь сейчас, и все время гибнут и гибнут наши люди... Почему в других государствах меньше гибнут?

И, в общем, разбомбили Майнецан... Март-месяц. Что делать? Сидим. Жрать нечего. Попадаются (длинная пауза) ... Красивая такая Паша Волкова с Запорожья. Две сестры. Не знаю, когда они приехали, но говорили, что они сводные сестры. И они... работали у хозяина. Но у хозяина были бельгийцы, и приказ был, чтобы всех русских, украинцев от хозяев забирать, не знаю, как это забирать. Эта Паша говорит: «Пойдем, знаешь, Люся, пойдем со мной». Я говорю: «Куда пойдем?» – «Пойдем до хозяина, я у хозяина работала». Я говорю: «Да ты что?» – «Да». Я говорю: «Нет, я боюсь из лагеря уходить. Ты что? А как?» Я говорю: «Нет, не пойду». «Пойдем. Мы тут все равно подохнем. Или нас..., – говорит, – ты видела, как власовцы стреляли военнопленных? Вот. Вот это, – говорит, – и нам будет». Власовцы еще говорили: «Не хотите в армию идти, вам немцы забьют бараки, обольют бензином, и вы погорите». А, суки! Это же они, суки, дела-

ли, наверное, вот так. Видно же они, твари эти, полицаи русские, наверное, видели. Делали они, наверное, так.

Паша говорит: «Давай уйдем. Пойдем до хозяина». Я говорю: «Я еще подумаю. Тебя возьмут, а меня нет». Она с двадцать пятого года или с двадцать четвертого, красивая такая, черная.

В общем, я пошла (короткая пауза). Март месяц это. И мы пошли. Там она не далеко у бауэра работала, я забыла эту фамилию, село Куртен. Пришли туда (короткая пауза). Есть же нечего, а уже сурепка росла, уже травка какая-то росла. Сурепку мы рвали, желтенькая такая... Пришли туда. Поля такие желтые и деревня... туда дома книзу, туда и сюда. Когда шли, смотрим, артиллерия стоит. Слышим, русская речь (короткая пауза). Оказывается, это суки-власовцы с артиллерией. Ну, вот. Мы это обошли. Приходим к хозяину. Я там стала, там леса такие, заросли. Там домик большой, двухэтажный..., в основном, двухэтажные дома. Она туда зашла. Она хорошо по-немецки говорила. Она туда зашла. Все. Что она там говорила, я не знаю, факт тот, что она выходит, да и говорит: «Люся, хозяин тебя не возьмет. Меня берет. ... спросил, где сестра. Я сказала, сестра умерла, ... забрали в кранклагерь³¹». Её рвало кровью. И, видно, немцы побоялись, что заразит всех, кто будет работать.

Она полежала неделю и все. Она лежала наверху, потом внизу. Все обрыгано там, это я помню, в другой отсек заходила, смотрела – худая такая она была. Ну, тоже не знаю, может, двадцать четвертого года, может, двадцать пятого, это я не знаю... Знаю, что сводные, как будто, они сестры были. А что мне делать? Она и говорит: «Ты иди, там видела сеновал?» Я говорю: «Да». «Иди туда, – говорит, – и будешь там, а я тебе буду есть носить». Ну, куда идти? Туда в лагерь уже я боюсь идти, этих, как увидела, и вовсе я испугалась. Возьмут и застрелят, свои же. Я говорю: «А кто остался?» Она говорит: «Бельгиец, – говорит, – один там работает. Всех русских убрали. Русских, украинцев всех убрали. Приказ это». Какой-то там приказ, чтобы убрать всех. Куда их сгоняли, я не могу сказать. И я пошла в лес. Они

³¹ В больницу. Krank – больной.

там приходили, она приходила за сеном. Ухаживала она там, ну, хозяйство. У бауэра земля была, там же посеяно, желтая эта сурепка. Они косили, видно, ее. Такая, наподобие шпината. Я пойду, нарву. Она приходила, мне хлеба, картошку приносила, молока раз приносила. Вот.

И как началась стрельба. Я там, наверное, с неделю или больше, я не знаю. И вы знаете, я начала силы терять. Как начали эти хамы стрелять. И они дня три, наверное, стреляли. Американцы откуда-то стреляли. Потом затишье. Стало затишье. Никого, ничего нет. Никто не стреляет. Тишина такая. Вот. День я лежу, там еще хлебушек был у меня, вода, ... ручеек течет, вода. Осколки летели, я не знаю, как в меня не попало. Конечно, у меня молитва была «Живые помощи». Я не знаю, это мне дала не Клава, а одна белоруска, она мне дала эту молитву. Ну, все. В общем, я ждала, ждала, нет Паши. И день, и ночь, и третий день, и четвертый день. Уже все, я падаю. Тихо, тихо, никого, только птички летают, и водичка бежит. Все. Я водички пойду, напьюсь. Вся грязная, вся, вши заели. Все, все так страшно. В сено заруюсь, а там тепленько, все-таки. Сеновалы у них крытые, хозяйски все там сделано.

Все равно они люди более цивилизованные были. В те времена как мы жили? Мы жили очень бедно, я не знаю, почему так. Мы все старались завоевать побольше земли, а что с этого получили. Маленький бы кусочек, но сделать порядок, так? Правильно сейчас Путин сказал, что надо с умом обрабатывать и работать. Все.

И я думаю, пойду. Один хрен ... меня расстреляют, или я с голоду тут умру. И иду я, иду я по этому полю, поле желтое-желтое, и птички так летают и песенки поют. Я вышла к ее дому: «Паша! Паша!» Паши нет. Я через двор вышла (короткая пауза) и на улицу вышла. На этой улице асфальтик. Ну, знаю, откуда мы шли, туда нет мне дороги. Думаю, пойду я вот сюда, потому что тут три дома, крайний, и лес начинается, и там же артиллерия стоит. Эти, не дай Бог, поймут – и все. Что они со мной сделают, я не знала. Иду я, отошла на два дома, смотрю, висят белые простыни. Думаю, что такое висит (короткая пауза). И пошла я дальше, не знаю, может, домов десять я прошла,

висят, и с этой стороны висят, и с этой. Тогда я уже поняла, что это э-э... Ага, сдаются. И слышу шум, такой шум. Как техника шумит. Боже мой! Все. Ну, вот тут меня, наверное, расстреляют, и что я пошла с этой Пашей! И вышла я, как в песне, ... «стою на полустаночке». Вышла я, дорога идет, и дорога идет буквой «Т», «Т»-образная форма.

Еще я забыла. Я же собачку забыла. Когда я в лесу была, собачка прибежала. Хозяин пришел за этой собачкой, а она гавкала, я ж наверху там была. Так она гавкала, эта собачка. А хозяин, может, подумал, может там зайчик, понимаете. А откуда там зайчик, когда такая стрельба была, три дня страшно стреляли.

И я встала тогда и стою, подъезжают танки, на них белые звезды, и я смотрю, вылазит солдафон. Вылазят солдафоны. Остановились эти танки, и я стою, думаю, OST у меня. Стою я, он подходит, смотрит: «Русь?» Я говорю: «Русь». Я говорю: «Вон там солдаты». Я же видела эту артиллерию. «Вон там, – говорю, – солдаты. Русишь, – говорю, – солдаты». И он, видно, понял, не знаю, но факт тот, что покричал на английском, и выходит из третьего или из четвертого танка, выходит солдафон, белые лычки у него. Вот. Подходит и говорит: «Русская?» «Да, – говорю, – русская». «А я, – говорит, – украинец». Вот. «Я, – говорит, – украинец, но я – украинец американский, с шестнадцатого года живу в Америке, город Лоэ, Лоэ». У меня и адрес был. Вот. Лоэ. Да, город Лоэ, по-моему, вот так он написал. Говорил он так на украинском языке, плохо говорил, но понятно. Вот. «А ты, – говорит, – откуда? Мои родители, дед, баба с Винницы, Закарпатская область». Ну, я тогда знала, у нас в лагере одна была из Винницкой области, она у хозяина работала, девчата про нее говорили. И говорит: «Я родился в Америке». А мне говорит: «Сейчас за нами будут ехать машины, едет там кухня, и там русских много. Жди. Никуда не уходи». Действительно, проехали танки, может танков десять проехало. Одни туда прошли, что-то они вытащили там, карты смотрели. И проехали танки, поехали машины. И смотрю, там русские, украинцы сидят, человек, наверное, пятнадцать. Как они и говорили, но факт, что они сюда не завернули, они поехали направо, спустились оттуда вниз. Там, оказывается, стоит церковь большая, стоят дома, черепи-

цей красной покрытые, такие, высокие, не такие, как здесь. И нас туда же привезли, может, километра четыре это было от той деревни. Высадили и говорят: «Заходите, берите, что вам надо». И останавливается кухня на машине. Начали нас кормить. А кормили, девочки, как! М-м-м. Как американцы кормили нас. Кормили, ой-ё-ёй! И мы там остались. Приходили смотреть, утром нам кушать давали. «Берите одежду, что хотите, берите. В дома заходи, бери, что хочешь». А что мы – дети – возьмем там. В подвалы лазьте. Ну, какие шустрые, такие, как я, лазили там, посмотрим еще, что там в баночке. Банок до черта стоит, как у меня... Боюсь, что, не дай Бог, голод. Закрыты фульгой, тогда, видно, еще не было закупок. Тоже они еще были тупые (смеется). Вот. Мы банок этих наберем. Все. Так прошло, наверное... уже начали свозить людей, мужики там появились, военнопленные. Боже мой, какие наши военнопленные были! Да какие же они страшные! Да какие они несчастные, да какие, Боже мой! ... Итальянцы тоже такие ходили, такие оборванные. Ну, французы уже ходили по-другому, это же французы... Румыны были военнопленные, тут же в селах, видно, работали, такие, знаете, одетые. А наши, какие зачуханные, какие ободранные, Боже мой! Какое издевательство!

Что они говорили? «Ленин, – говорит, – Ленин – гуд, а Сталин – ни хт гуд». Почему? Сталин не заключил договор. Какой там договор? «Так плохо, – говорит, – вам бы не было, если бы был заключен договор». Видите как! Вот и сейчас говорят, что Сталин хороший. Нет. Разве можно было так оставлять детей? Это же будущее было России, все-таки, надо было помогать при таких ситуациях, надо было помогать, не надо было жечь при отступлении, наши посжигали все, а не оставили деткам. Сказали бы: «Берите, забирайте все! Вот. Закапывайте как-то!» Тоже нехорошо сделали. Политика была дурацкая.

Ну, и нас собрали, я не знаю сколько. Кормили очень хорошо. Купаться негде, конечно. Так же я продолжала болеть. И нас погрузили американцы и повезли. Я не помню, сколько нас везли, ну, может быть, часов пять везли вот так на машине. Может меньше, я не помню. Все. И привезли нас. Степь. Мак. Красный. Поле перед лагерем. Равнина такая, понимаете, и мак растет, красный, красный. На маши-

нах нас везли. Привозят, там стоят двухэтажные казармы. (короткая пауза) Нас высадили и говорят: «Заходите». Пустая, видно, казарма.

Мы на второй этаж пошли. Со мной пошли четыре человека. И одна было казашка, она медсестра была, военнопленная, была в лагере. Она из Павлодара, да. Сплюснута так лицо, но на казашку она похожа, медсестра, она говорила, помню, двадцать третьего года. А что хочу подчеркнуть (длинная пауза), когда начали мы здесь уже жить, американцы сразу, на медосмотр, а вши... Мне опять этот газ вспомнился.

И нас прогоняют... лагерь громадный, и там железные стоят ящики. У них галеты, шоколад, еды. Три раза кормили. Там около семидесяти тысяч было согнано народу. И поляки, и румыны, и болгары, и каждому отдельные бараки, корпуса двухэтажные, деревянные, между прочим. И мы ходили. Там озеро. Итальянцы свою музыку организовали. Начали итальянцы оживать. Наши мужики начали, русские, одеваться, очухиваться начали, понимаете. Начали некоторые красть, ходили же, разрешили американцы, все бери, что хочешь. Машины они какие-то там находили, велосипеды какие-то находили. Озеро ходили мы смотреть. Итальянцы лягушек ловили. Вата. Да. Больных сколько тоже итальянцев было. Корпус итальянцев там или три корпуса. Помню, что ходили мы к итальянцам на танцы. Они же организаторы музыки, так мы туда ходили, смотрели на это.

И вот приходим купаться. Большую баню американцы построили. И вот женщины, между прочим, женщины... Мы боимся идти, а оттуда выходят и говорят: «Женщины, там опрыскивали нас чем-то». Такие у них, как у пылесосов в садах, и они нас опрыскивали, понимаете. И вши куда-то делись. Голову у нас смотрели, где там раны, где все это. Ну, и когда они опрыскали, между прочим, вы знаете, у меня начало засыхать, и потом, видно, от воды или от холода опять появлялось. Ну и все.

В общем, мы живем. Живем, ...поставили радио. Выпустили газету. Газета на русском языке. В начале апреля, наверное, свободили нас, уже тепло было. Да. Апрель, май, июнь, июль, август, сен-

тябрь, октябрь (короткая пауза). Это октябрь. Семь месяцев уже там находимся. Все везут, везут ... Семь месяцев находимся в американской зоне. Слышим, что говорят, будут делить зоны, и мы попадаем в английскую зону. На четыре части Германия была уже разделена, но почему-то это отходит английской зоне. Появились у нас англичане. У них в форме береты, зеленая форма, вот тут такие белые.

Что нашим солдатам не сделать это, а то, бедолаги, шинельки длинные, в грязюке, да как у них неудобно было.

Ладно, все. И делят зону. Американцы... Сколько наших людей погибло. Там военные, видно, лагеря были, испокон веков, как в Персиановке – ковалась кузня этих военных, понимаете. И там вот эти подвалы и железная дорога. Помню, цистерны стояли, видно, спирт. А какой спирт? Столько наших там, придурков, ослепло и отравилось. Столько слепых там было, что страшно. Я не знаю, куда их американцы дели. Вот.

Больных было очень много. Никто, конечно, не лечил. Какой-то там бегал еврей, говорили: «Еврей бегал, проверял». Проверял все. Не хочу войны, потому что, прежде всего, мы пострадаем, никто больше, страшнее нас никто не пострадает, вот. Потому что все на русском нарODE, потому что мы – придурки, хотя и герои мы.

Я с дочерью ездила в Литву, когда она закончила, и мне хотелось увидеть и передать (плачет) «большое спасибо» этой Клаве. Мне так хотелось этого мальчика увидеть. Она ко мне приезжала. Она работала на железной дороге весовщиком, взяли ее, и у нее был бесплатный билет. А на Украине было очень плохо. У нас в Ростовской области шахты снабжались немножко лучше. Вот. Билет у нее бесплатный. И она приехала до меня, приехала посмотреть, какая я. Осталась ли я жива..., мы же ушли с лагеря, а она осталась в лагере, и не попрощались с Пашей, ушли и все. И она, видно, решила поехать, возможность была, бесплатный билет, и она приехала ко мне. Побывала у нас один день и уехала в Тбилиси. Она уехала, тогда одежды никакой же не было, а Грузия тогда уже снабжалась тряпочками. Там ткали свои ковры, мы ездили. Я ездила за коврами туда. Спекулировала

тут немножко, потому что, сами знаете, у меня была кооперативная квартира. Спасибо людям. У нас есть очень порядочные люди, очень хорошие. И есть очень плохие, вы понимаете. И готовы были меня за то, что (плачет) нет своих детей... И начали уже... Дочь была в первом классе, пришла из школы и говорит: «А что, мама, значит слово «мачеха». Да? Я говорю: «Не знаю, не знаю, дочечка». А мама, умная, говорит: «Пока не поздно (короткая пауза), давай отсюда». А мне так сюда не хотелось ехать, так не хотелось сюда ехать, в связи с тем, что мое детство тут прошло в таком ужасе. Там было, все-таки, лучше, понимаете. Было с продуктами лучше, а я вынуждена была. Приехала, а здесь сахар по карточкам. Это хорошо, что я уже с опытом, да познакомилась с этими хохлами, да летом же в торг пошла, квасом торговала, да и обжилась и... Так тяжело среди хохлов было сначала очень, ну, а сейчас уже (длинная пауза), конечно, все пережито, прожито (тихо).

Мы в этом лагере. Пустили радио. Выпустили газету. Семь месяцев сидим. Лето, тепло. Там озера. Ходят люди, купаются. На танцы ходим каждый вечер, то у итальянцев, то болгарские, то румыны танцы затевают, то наши русские. Такие, знаете, загороженные танцы. Бокс, смотрим бокс там. Смотрим, девчата ходят с американцами. Смотрим, хоронят там. Хоронят страшно там под соснами, страшно там хоронили. Умирало очень мужчин много, много женщин умирало. Хоронили... По радио объявляют: «Сегодня будут похороны там, приходите». Музыка играла, хоронили, да, под соснами. И кладбище. Все.

И выпустили газету... кто хочет куда ехать: Америка, Канада, Австралия, (длинная пауза) во Францию. В общем, кто хочет, на русском языке написано и объявляют. Вот, в какие страны хотите ехать, и встретила я Клаву с ребенком в этом лагере. Она и говорит: «Люся, давай, поедem в Канаду». Я говорю: «Нет. Клава, (плачет) никуда не поеду! Только домой. Мама. У мамы дети. У мамы же двое детей: Толик и Люся». Я не сказала ей, что так получилось, что Люся умерла. Просто сказала, что двое детей. Я говорю: «Клава, никуда не поеду.

Отец погиб на фронте, у мамы двое детей». Я говорю: «Только домой поеду».

В шахте работала, в Саках я отдыхала, давали мне путевку. И я ходила, искала село Тулунчак. И пришла в октябре месяце в военкомат. Я сказала врачу: «Доктор, так и так, скажите, как мне найти, у меня отец здесь погиб». А мы ходили на экскурсии, тамobelisksи стоят. Это сейчас там, наверное, ни хрена нет.

И пришла в военкомат... Я говорю, вот так и так. А он говорит: «Мы не знаем, это село Тулунчак, татарское село было, а теперь оно переименовано...». Все. Так я и не нашла, до сих жалею. И брат поехал. Брат мой в «Красном луче» живет. И он был там тоже, отдыхал или на экскурсии, я уже забыла. И тоже говорит: «Ходил и так ничего и не добился». Видите как. Он погиб 22, по-моему, апреля, отец погиб в сорок втором году. Вот.

И тут я встретила с этой Клавой. Еще с лагеря кого-то я встретила. Да. А в лагере еще, я вам забыла сказать, в декабре сорок четвертого года приходят нашу смену менять и говорят: «Ты знаешь, Эмму забрали два солдафона в черной форме». А я говорю: «А почему?» Она и говорит: «Она была, ну, как шпионка там (тихо)». Я говорю: «А как же она нас не продала». Вот это тоже интересно.

Эсэсовцы. Но как же она нас не продала. Как же? Как же она нас не выдала, что мы убежали с фабрики. Но она не знала, она, наверное, тоже поверила нашим словам, что мы с Дюссельдорфа. Вот это. А так бы мы висели там...

Две учительницы: Паша и Мария Хорошун или Хорошунова..., по-моему, она с Полтавы. Я бы хотела написать в «Жди меня», хотела бы, чтобы их нашли, поблагодарить бы этих женщин, которые действительно спасли нас. Мы для родины очень много сделали. Хотя для нас много подлости сделали, но что же – война, спишется все.

И выпустили ... это газету. Читаем мы газету, описано, какие бомбежки ... И вот тут это стихотворение:

*Ты русская и труд – твоя стихия,
Трудиться и теперь тебе не привыкать (короткая пауза).
Ты терпелива, как сама Россия,
Моя войной измученная мать.
Твоим родным никто не смог помочь (плачет),
Но ты крепись и будь горда и рада,
Что ты есть русская,
Что ты – России дочь!*

И думаю, в какую Канаду?! Да на хрен она мне нужна! Я поеду только домой! Ни в коем случае, я пережила столько голода ... Ой, и что я бы там делала сейчас, скажите... Как бы ни была сыта, но проходя мимо пекарни, услышав запах хлебushка, как хочется его скушать немножечко. Так вот, чего бы у тебя было, сколько бы его не было, а все равно бы думала только о родине, только о родителях. Вот сейчас у меня ничего нет, и нужно только здоровье. На что оно богатство? Береги здоровье, пока молодой... береги молодость... Ну, у нас, видите, никак не получается, у нас работы такие, перегруженные сильно, то нервами, то физически. Да и подорвано здоровье, в шахте же работала. Все.

А это думаю: «Нет. Никуда не поеду. Только, Клава, поеду домой». И начали нас грузить. Погрузили нас... Сначала итальянцы (растянуто), французы (растянуто), русские едут под своими флагами. Откуда они эти флаги берут. Машины едут во Францию, Бельгию, уезжают куда-то за границу, в общем. Все пугают, не уезжайте в Россию, вас ожидает ... Колыма.

Я хочу сказать, девочки, это стихотворение так взбудоражило всех в лагере, что люди, видно, очнулись. Мы увидели, как люди живут... В каких мы условиях были, и кем нас считают. Мы там действительно как рабы были. И неизвестно, в какие страны мы попадем... Я не знаю, как мы расстались с Клавой. Видно, потому что она в другом корпусе была... А к нам машины подъехали, мы уехали. И

привезли нас, я не помню, англичане. Англичане уже нас грузили. Это американцы уже зоны поделили... Быстро произошло, ... мы, наверное, с полтора месяца под английским жили игом, как говорится.

Ну, эти уже так не кормили. Относились уже не так. Американцы, те простые, как Иваны. А эти уже были строгие, лишней еды не было, и уже более дисциплинированно было.

И нас (длинная пауза) привезли, я не помню, в какой город. Англичане сдали нас. Здесь тоже бараки. Какой город, не могу сказать, не помню, не помню. Но там мы мало были. Может быть дня три. И начали грузить в вагоны. Там прямо в лагерь вагоны заходили, как уж оно там сделано было. Много я увидела с Энгельскирхен, увидела трех девчат. Одна говорит: «А мы думали, вы погибли с Пашей». Я говорю: «Нет». Рассказала все. И привозят нас.

Медосмотр сразу, врачи. Там сотни больных, разных, то губа, то глаза нет. То по телу какие-то... И меня помещают в лазарет. В лазарет поместили. Начали лечить. В лазарете тоже бань не было, в тазках купались, горячая вода была. Мазали меня черным, не знаю, чем.

Ихтиолка? Что-то такое вонючее, в общем. Таблетки давали, присыпки делали. С месяц. Дали одежду, чтобы чистое все было, меняли нам все это, кормежка хорошая. Вылечили. Предложили мне работать в лазарете, 225 лагерь.

Работаю я в лагере. Нас привезли в конце ноября, в декабре. Работаю я в лазарете. Потом (короткая пауза) нас переводят в подсобное хозяйство. Подсобное хозяйство, Магдебург... Как же это, небольшой городок, километров 70 (короткая пауза), забыла ... Нет, не Бранденбург (короткая пауза, вспоминает). Там от Магдебурга недалеко, вы понимаете. Вот. Ну, забыла.

Мы в подсобном хозяйстве. Там (растянуто) голубей полно (короткая пауза). Голубятни немецкие. Ой, сколько ж голубей. Мы их там драли. Для воинской части стирали. Стирали, и кушать девчата готовили. Влюбляется в меня один с Казахстана (короткая пауза). Забыла, как. Капитанчик. Рыжий-рыжий...

Высокий, так, худенький. «У меня никого нет, ни мамы, ни папы. С детдома я». Ой, подлюка же, сама же с детдома, как говорится. С шестнадцатого года. «Нет, – говорю, – нет»... Новый год. Военные, девчата-военные, медсестра, врачи, все груди в орденах. А я же с военными иду, они косятся (тихо), понимаете. Это же они раньше говорили: «Немецкие...». Понимаете, такое тогда было оскорбление. Сейчас я бы..., да и тогда одной дала. Вот.

Он говорит это: «Люся, поедем, поедем. У нас там такие места красивые. Я послужу еще. В России все разбито, ... голод, холод, нищета. Ты не можешь представить себе». Я говорю: «Я уже представила, я уже представила. За три года представила этот ужас. Никогда, клянусь Богом, никогда чтоб не повторилась эта война, чтоб не страдали вот так дети, сколько нас погибло ни за что. За что мы погибли, у меня отец погиб». «И не езжай в Россию. Давай пока здесь побудем. Давай поженимся». Я говорю: «Нет. Только домой, никуда». И в феврале-месяце (короткая пауза) сорок шестого года я написала письмо. Нет письма. Другое написала письмо, нет. Третье написала письмо, третье письмо приходит: «Дочечка, приезжай. Я жива. Толик живой. Мы живем в другом доме, не этот адрес». Думаю, почему же не этот адрес (короткая пауза). Все. Я ему показываю, говорю: «Я уеду». «Будешь жалеть». Я говорю: «Не буду, никогда, не буду. Хочу маму, братика видеть. Отца нету». Все. И собираюсь ехать. Нам дают новые постели (короткая пауза), наволочку, пододеяльник. Серое такое, серыми клетками. Вот. И наволочки. Новый комплект. Все. Я это кладу, думаю, повезу же это, подарок какой-нибудь.

Девочки, до станции... Везли, везли, холод, зима, до станции Чоп. Где она есть? На границе с кем?

Там нас выгружают. Палатки. Какие-то немцы. Не передать. Февраль месяц, начало февраля, страшная холодина, ветры такие. Думаю, хоть возвращайся в Магдебург обратно. Нет, думаю, будем ждать. Грузят наши чемоданчики на машины и везут. Нам сказали пешком идти в другие вагоны. Почему так, что там?

Вот, все. И мы пришли туда (длинная пауза). Один чемоданчик есть, а другого – ни хрена нет. (короткая пауза) Искала, искала, в общем, не довезли, нет. Ну и ладно.

И довозят нас, везут, везут, везут. Кормить, я не знаю, наверное, ничем не кормили, потому что везли, быстро везли.

Я так жалею, сука, где же те партизаны были, что по дороге в Германию ни одного рельса не подорвали. А? Неужели так близко друг с другом стояли немцы, берегли? А? Ох, какой ужас! Какой! Какой ужас смотрим на Кавказе, как это люди погибали, а? Куда же смотрели в то время, не знаю, все.

Довезли до Батайска, Ростов, Батайск. Остановили. Остановили, там же много ростовчан было. Выходили, выходили. Мы стоим, стоим. Это под вечер, под вечер привезли. На утро не везут нас. Вызывают в ментовку, в КГБ. Вызывают по пять человек. Вызвали, начали, (короткая пауза) начал один лейтенантик, обыкновенный лейтенант начал писать, все пишет, пишет. Ну, я рассказываю, как все было, рассказала. А он тогда прицепился, да говорит (длинная пауза): «У тебя немецкий акцент». Я говорю, я тогда не материлась, это сейчас бы я сказала, ну, я говорю: «Откуда он, я по-немецки три слова знаю. Семь классов закончила только».

На каком основании, я не знаю, факт тот, что отцепили пять вагонов. Те ушли сюда, южнее, видно, по ростовской – до Шахт, наверное. Пять вагонов отцепили и вечером зацепили. Я не знала, что их отцепили, да зацепили, факт тот, что мы едим. Думаем же, мы домой едем. Привозят нас в город Новороссийск. Чтoб ты, сука, и на том свете переворачивался, подонок, этот лейтенантик, понимаете. Привезли нас и как встретили? Никто там не встречал. Военные, конечно, нас встретили. Дело в том, что отправили нас на восстановление Новороссийска. Разбитый город. Стоит город в ложине, два цементных завода разбитые. Весь город разбитый, февраль месяц. Холодно, ветры страшные. На восстановление Новороссийска. И начинаем, восстанавливаем. Дали бараки без окон и дверей, только позабитые. Там мужики какие-то были, видно, военнопленные, позабили эти окна. И

там же эти кровати, такие нары деревянные стоят, двухэтажные. Размещайтесь. Ни одеться, ни обуться и на работу, ходим на работу. Хлеба буханочку дадут и хана. Поняли? Вот. На два дня буханочку хлеба, ни вареного, не знаю, не помню. Но, что? И ходим по Новороссийску. На завод ходили, печки там, мужики печки кладут, а мы – подсобные рабочие. И вы знаете, как увидела я этот ужас, детвора – трупами лежат. Цемент... этот элеватор там, если вы были... Элеватор большой, корабли американские или английские, и по эстакаде шло зерно, грузили зерно на корабли, я очевидица. Вот. А у нас такой голод был. Люди умирали. Американцы идут, и англичане идут, это я сама видела, идут и конфетку бросят из кармана, а за ними дети, толпа детей бежит. Понимаете? Это ужас, что же, сука, это у нас делалось. Какое же вредительство, сука, было, а? (гневно) А это зерно, уже после, я лично ходила туда, собирала ... Как мы пришли, работали на восстановлении по городу, я увидела, как люди там собирают. Эстакада идет, лента и по ней зерно, и оно там немножко сыплется, и дети, и взрослые ходят там, эти зернышки собирают, а? До чего же мы мерзавцы, до чего же мы сволочи! (гневно) Эта партия вместе с этим Сталиным, вместе с этим придурком, Хрущевым! (короткая пауза)

Этому низко кланяюсь, Владимиру Владимировичу Путину. Дай Бог ему... и если дети у него ..., дай Бог ему здоровья и им для процветания родины. Мы никому не нужны. Вот сейчас мы явно видим, как живут одни, и как живем мы. Я вот живу и радуюсь, что живу ... на своей родине. Я очень довольна и рада, что живу на своей родине. Я пошла, поговорила по-русски, сказала и вижу по глазам, что она врет немножко. А знаю, что свободно я разговариваю с тем же врачом. Я в Воронеже лежала, там врачи тоже нормальные все. Они, как узнали, что я была в концлагере, меня профессор смотрела. Приходит, там их черт те сколько, дюжинами идут. «Вот, – говорит, – женщина в концлагере была, ее надо лечить хорошо. Но ее болезнь лечению не поддается. Она уже знает, что ее болезнь не поддается лечению, в связи с тем, что возраст уже. Операцию повторно нельзя делать. Тогда бы, а сейчас... виноваты во всем немцы. Она в лагере была».

Я еще хочу подчеркнуть хамство. Работаю я (длинная пауза). Лейтенантша с кортиком ходит (короткая пауза), забыла, как ее зовут, красивая, высокая такая, ага. Я говорю: «Что мне делать?» Она: «Ну, в травмопункт, в часть (там какая-то воинская часть) идите». Ну, пошла, они мне что-то дали, я мазала, мазала, но все равно чешется, чешется все. Купаться негде, понимаете. Холод. Все. Барак, барак тоже такой же забитый, ни окон, ни дверей, ни света (длинная пауза). Ни щета. Страшно, сколько в этом Новороссийске (короткая пауза) поездов, вагончики маленькие, сейчас длинные, а тогда маленькие. И на крышах люди едут с сумками и едут, на крыши залазят, уезжают. Страшный голод. Лежат. Под эстакадами зерна собирают, я говорила. Голод. Нечего жрать. Вы понимаете, люди уезжают. Думаю, я убегу. Убегу и документы мне... зачем мне эти документы нужны. Вот. Потом там одна (короткая пауза) говорит: «Будут судить. Тут же судят. Ни в коем случае, а то посадят на Колыму». Не попала, так попаду. Вот. Думаю, в чемодане остался пакет белья. Думаю, пойду я сейчас к этой лейтенантше и скажу, что не могу, у меня отец погиб на фронте, у матери двое детей, я больная, что я здесь умру. Там кораблей столько стоит, думаю, убежать, куда-нибудь в корабль залезть и уплыть. Нет, думаю, дома я маму не видела и сестричку с братиком. Нет, думаю, только домой. Отдаю я (короткая пауза) этот пододеяльник, там комплект, и она говорит: «Смывайся и никому не говори». Ушла я, в общем. Вечером я узнала, когда идут поезда. И я, девочки, села, в вагон не влезешь, залезла наверх. Да. Когда я ехала, не помню, до какой станции доехала, что у меня челюсть начала выпадать. Берешь и не больно. Все обмороженное было. Вот. И встала я, а какой-то мужик говорит: «Натирай снегом, снегом». И люди выходили, я залезла в вагон. И, в общем, доехала я до Ростова, натирала, оно отошло как-то. Доехала, доехала я до Ростова. Ростов разбит. А у меня же чемоданчик (короткая пауза). Поставила, тут же женщина подошла ... как будто она в положении и с ней еще хлопчик один. А у меня там деньги какие-то были, да. Там мороженное продавали. И я говорю: «Пойду я мороженное куплю». Это с Толей же. А его тоже Толя, этого мальчика, звали. Понимаешь, ты, как. Вот. И я пошла, прихожу, они это: «Ну, мы будем уходить». А чемоданчики, тогда мода была, в чех-

лочках. Они, суки, разрезали этот чехлочок и вытащили у меня последние... у меня что-то было легенькое. А пальтишко осталось. Это пальтишко, оно, видно, грубое, и тут же людей полно. И они меня обокрали. Я приехала – гол, как сокол. Там пальтишко одно было. Сiju, плачу, так плачу, девочки, так плачу. Приезжаю домой в Шахты (длинная пауза), и там ишу маму, а мамы нет. А где же мама? А мне там соседка говорит: «Маму выгнали с квартиры». Я говорю: «Как выгнали с квартиры?» «А ты в Германии была. Маму выгнали твою с квартиры за то, что ты в Германии была». Да, говорю: «А я причем, что война?» «Так потому, что вы же работали на немца» Ну, я сейчас говорю, что... а тогда я еще не материлась. Я сильно матерюсь, ругаюсь сильно.

Я говорю: «Как же так? А где ж она находится?» Ну и нашла я маму. Прихожу, мамы нет, Толик – братик – ползает ногами по хате. Живут они в подселенке. Бараки такие у нас. До войны в тридцать третьем году шахту строили. В тридцать третьем году построили. Видно, заключенные тогда строили. Какие у нас стройки, в основном, заключенные строили, а потом уже ... И я нашла маму. Встретились, поплакали. Ну, нищета, бедность, голые, все в заплатах. Сейчас оно не лучше. Ну, все равно, все-таки, сейчас по сравнению с тем я богатая (смеется). И девочки, куда идти, образования нет, в Германии работала. Только на грязные и тяжелые работы. И пошла я в шахту, специальности никакой нет, некуда идти больше, кроме шахты. И поступила на шахту, а там, на шахте, еще были венгры-мадьяры, чтыреста человек...

Ага, тоже в длинных юбках. Я с ними вместе лес таскала в шахте, потом мотористом стала. Потом на прокиде. Потом... умер Сталин. Политика Хрущева сменилась, начали из лагерей распускать. Из лагерей начали много распускать. Люди ни за что, сидевшие за колоски, за то, что спер мешок. Вышла я замуж за одного, разошлась (короткая пауза)...

В пятьдесят (короткая пауза) втором году вышла замуж. Новиков Александр Александрович. Я не хотела менять фамилию.

В. В. с дочерью.

Я с этим расписалась. Мне жалко, фамилия такая. Мне жалко, как с этой фамилией надо мной издевались. Как говорится, как ее оксверняли немцы. Как отец погиб за справедливость, за честность, мне жалко эту фамилию было, понимаете.

Нет, не буду я менять. Буду я мужиков менять, как говорится, а фамилию свою – нет. Хотелось мне дочери дать, а потом думаю, нет, дочь, все-таки, выйдет замуж. Хорошая умная девочка. Всегда говорила: «Только учись, дочь, потому что сама столько пережила, столько несправедливости (плачет), столько унижений». И мама всегда говорила: «Только учиться надо. Пусть хоть Толька выучится». Брат выучился, правда. Брат вылечился. Все. Толька-брат подлечился, вылечился, закончил десять классов. Я работала в шахте, по две смены. Когда работала, обижали ни за что.

Иногда работаешь по две смены за два рубля двадцать одну копейку. И он, подлец этот, горный мастер, пяндыга какой-то, не введет в упряжку. А заставляли работать по двенадцать часов. Девочки, издевательство в шахте тоже было. Страшно. Бессовестно относились к людям, жестоко относились, понимаете. Не платили, как положено, копейки платили. А советский шахтер, разве можно было вот так платить – два рубля двадцать одну копейку, когда стоило масло два двадцать. Потом, забастовали когда в Новочеркасске, три. Яйца, молока в Шахтах не было, мы его не видели. Вот сейчас жизнь. Вот сейчас, данное десятилетие, жизнь прекрасная, очень хорошая. Все есть, девочки.

Нет. Муж строил Волгодонский канал. Был офицер (короткая пауза). Он с Московской области, с двадцать второго года. Был в Будапеште в Венгрии, туда, значит, они дошли. Он, по-моему, я не помню, добровольно ушел. Все. Он за что попал туда? Ему пять лет, что ли, давали. Махинации, по его рассказам, что они делали, машины крали или продавали. Им там, он говорил, что кому-то дали расстрел. Ну, тогда что-то до меня не доходило, понимаете. Вот. Работала в шахте, тяжело было. Потом он склонный к выпивке был. Когда Сталин умер, их начали (длинная пауза) распускать. Там было восемьдесят тысяч, на Волгодонском канале. Вы не были там?

Надо же было посмотреть это. Это места чудесные, красивые ... Землянский гидроузел. И сколько там стоит... Как на кладбище в Кельне, увидела этих русских, думаю, что вас сюда занесло. Так я посмотрела, как ...приток ... Землянского озера. Когда отток воды идет, и могилки, еще крестики не снимали. Там сорок тысяч умерло русских людей от голода, от холода, от нищеты, от рабства. Рабство везде там, потому что техника такая. Это лично мне говорила экскурсовод. Я поехала, давали путевку пятидневную. Там хороший гидроузел. Ленин там стоит, там красиво. Но погибло сорок тысяч людей при строительстве этого гидроузла, подчеркнула экскурсовод, я забыла, в каком году я была, может, в пятьдесят шестом. Может быть в пятьдесят пятом. Ну, я забыла, не помню, когда я была там. Он на Волгодонском канале был и после смерти Сталина... Их там тысячи людей, ни за что. А куда ехать? А почему ты не поехал домой, под Москву, забыла, откуда он это. У меня и адрес где-то есть. А что ты туда не поехал? «Я туда никогда не поеду». «Почему ты не поедешь?» Мы жили: мама, я и брат. Вот такая комната, маме, когда я приехала уже. Побыла. Маме дали комнату отдельно. Что еще? Сколько лет мы там, года четыре, наверное, мы там жили.

Потом я на шахте стала работать, сначала пошла в маркшейдерский отдел, да. Пошла я в маркшейдерский отдел, работала замерщицей, маркшейдером работала. Ну, видят, что я нормальный человек, и мне один маркшейдер говорит, Михаил Михайлович Ткаченко: «Валя, отец погиб. Ты – несовершеннолетняя. Почему так к вам отнеслись. Возьми, напиши письмо или, давай, я напишу». И написали Калинин. Написали Калинин, и Калинин написал, семьям всех погибших военнослужащих возратить квартиры. Никто ни за кого не отвечает, сам за себя отвечает. В общем, это прислал Калинин, отдать квартиру. Но так как там стоял партократ, в этой квартире, начальник партийной организации въехал в эту квартиру. Понимаете, поэтому маме дали вот эту квартиру. Такая она, кухонька там была, а удобств вообще не было, никогда. Тут вот только начали, тут тоже ни хрена не было. Вот и все. И, в общем, там мы жили, а потом я познакомилась с Новиковым Сашей. И жили вместе. Он получал деньги (короткая пауза), а склонен был выпить. Я говорю: «Саша, слушай, не надо так

пить, что ты». «Да, если б ты знала, какое у меня горе». «Какое у тебя горе?» И как-то в одно прекрасное время разговорились. Когда он уходил в армию, он дружил с девочкой, та девочка забеременела (короткая пауза). Я говорю: «Ну и что?» «У меня там дочь родилась». Я по тем временам была очень честная, это я уже сейчас, вы знаете, как это. Сейчас смотрю, то врач брехливый, то член партии – аферист, вы понимаете, куемся в этом.

Да. Я говорю это: «Я напишу письмо». «Нет, не пиши, хуже будет». «Нет, я напишу. Мне не надо». Маме я не говорила (длинная пауза, выпускает из комнаты собаку). Вот. Все. И я написала письмо. Станция Томилино, (короткая пауза) Московская область, по-моему, Томилино, улица Чернышевского, а дом, забыла, или тридцать третий. Брат у него и мать, по-моему, брат и мать, отца не было, не помню, почему. Вот. Ну и все, и через энное время присылают письмо: «Саша, дорогой мой сыночек или братик, это я не помню. Ты приезжай, у тебя растет дочечка-красавица».

И вы знаете, меня, как взбесило, потому что я была воспитана еще. И вы знаете, я как расстроилась, и я сказала, нет, не хочу, не хочу жить с брехунами, не хочу жить. Я не могу перенести, не могу...

Да, я с ним была расписана. А что оно получилось потом? Новиков Александр Александрович, я была с ним расписана. А потом я не помню. Паспорт я тот закинула или потеряла, не помню...

Не помню, не помню, как оно получилось. Факт тот, что он с этого горя, что я сказала, что жить не буду, он начал сильнее выпивать, получив зарплату. Я прихожу с шахты: «Мама, а где Сашка?» «Я не знаю, нет его». Вот, а у него зековские замашки. Когда-то он пошел с мамой... Я до этого заметила еще, после того письма... Пошел с мамой купить кадушку для солки, маму поставил там, и мама полдня простояла. Ни кадушки, ни Сашки, ни денег. И мама пешим пришла, а там три-четыре километра. Мама пришла и плачет, и говорит: «И Сашки нема, и ...» (смеется). Денег нет. Ах, ты, подлюка. В общем, такое у меня началось (кашляет), что он соврал мне. Честно ска-

зал бы и все. Я подумала, а зачем оно нужно. Я найду себе еще, не буду я себя гробить...

Работал в шахте. И в это время он напился пьяный, перевернул на шахте буфет, и ему дали два года. Поняли, за хулиганство. За хулиганство дали два года. И я не знаю, отсидел он или нет. Тогда мне кто-то из бригадиров говорил: «Валя, видели твоего ...». В селе Мартыновка было подсобное хозяйство для шахты, туда всех этих сгоняли. Вот. Для шахты, чтоб выращивали там поросят. И после того я его ни разу больше не видела. Так мы расстались и все. А потом прошло энное время, взяли мы ссуду, давали ссуды...

Там в шахте семь тысяч мужчин, семь тысяч рабочих было. Со вторым сошлась тоже. Тоже такой – пяндыга, с Брянской области родители, несерьезный мужчина. Он моложе меня был. И все из-за этого, что родителям не нравилось, что была я старше его. Володя, Владимир Николаевич. Остроушко. Дочь же Остроушко.

Они там испокон веков жили, в Шахтах. И отец на шахте работал. И было на шахте унижение, вы понимаете. Я очень хорошо работала. ... Я сюда приехала, мне здесь грамоты давали, понимаете, потому что с детства это. А что были мы в Германии, то мы – люди второго сорта. Видите как...

Я сюда приехала и, пожалуйста, сколько я тут временно работала. Там квасом я торговала, то экспедитором меня поставили, хлеб я возила по магазинам. И как-то уделяли, уделили внимание, и грамоту мне дали. Не знаю, куда ее дела, по-моему, порвала. По-моему, в трудовую книжку записали.

Что обидно, что там была работа – мастер буровых дел... можно было учиться при комбинате. При шахте был комбинат, учкомбинат, который разрешал учиться на взрывников. Там платили три рубля двадцать одну копейку. И премия там, ночные – вот. Ну, нас не допускали, потому что были в Германии, работа с... взрывными работами. Опасно, там же взрывчатка, кого я там буду подрывать. Но дело в том, что еще когда я приехала и работала в маркшейдерском отделе энное время, не знаю, года три-четыре, со мной работала дочь пред-

седателя шахтного комитета, член партии. И пришла разрядка на учения, на маркшейдеров, вы понимаете. Кто хочет? Там девчата замужние были, я как раз была незамужняя, я не помню год, но до смерти Сталина, это, по-моему, было до смерти Сталина. И говорят: «Кто хочет?» А я говорю: «Да, я бы поехала учиться». Донецк, горный техникум. Семь классов закончила. Это с семи классов. Главный маркшейдер шахты – Дьякун Иван Филиппович. Он фронтовик, но попал в плен (короткая пауза). Он попал в плен тут на Украине. Он был в плену. Тоже не допускали на такие работы. Вы знаете, там это считалось – такое страшное дело. Но он у нас в шахте работал маркшейдером. И он говорит: «Валя, посоветуйся, что там мама». Я пришла домой, говорю, мама, так и так. А мама говорит: «Только учиться надо». Ну, говорю: «Ладно». Толька еще ходил, я не знаю, в какой класс. Вот. Мать работала уборщицей и сторожем ночью. Это очень тяжело, не дай Бог, какие условия. Жрать нечего было. Все. И отослали письмо, запрос отослали в Донецкий горный техникум. Приходит, через энное время, наверное, к августу-месяцу приходит: Минакова Лида зачисляется в горный техникум, а Украинская Валентина не зачисляется в связи с тем, что была в Германии. Вот так мне сказал главный маркшейдер шахты. Может быть, теперь уже я думаю, может быть это была улика, может кого-то послали другого бесплатно учиться, понимаете. Все на государственном обеспечении, вы понимаете.

Я простыла, простудного характера. Сколько у меня девчат, ни у кого у них не было. Клава, Клава уже с ребенком приехала и все.

Да, родители как узнали, как началось (длинная пауза). Брат у меня работал и уже учился в ремеслухе. В техникум он не пошел, побоялся, говорит: «Валентина, я не сдам, наверное, математику». Я говорю: «Да, ну, ты что это». А гидролог – это, понимаете, там все вычисления, там все на вычислительных работах (длинная пауза). И он пошел в ремеслуху, в ремеслухе он учился. И он там, наверное, десять классов закончил. Я уже не помню.

Ну, в общем, он закончил эту ремеслуху. А мама и говорит: «Что это такое, будешь работать слесарем в шахте. Вот ты в шахте

работашь, а каждый день гробики выносят». Каждый день людей то убивает, то калечит. Не дай Бог! Каждый день травмы, все время, я не знаю, у меня столько было моментов таких... Бурят бурки, бурят ребята бурки, заряжают. Начинается обвал. Тут стоит вагонетка. Так подлезли под вагонетку. Эх, забыла, фронтовик с двадцать второго года, сердечник тоже, и как нас привалило, а он под вагоном. Как начало сыпать, и у него разрыв сердца. Такой здоровый мужик. Это со мной случай был. Потом сколько раз, зарплата-то маленькая, а взрывникам... после Хрущева, политика оттаивания. И я пошла учиться на мастера буровзрывных работ, там три рубля двадцать одну копейку платили, а в ночь, когда работаешь, прибавляли копеек двадцать. ...

Гнойный отит, течет ухо. И в больнице профессор сказал, что не подлежит повторной операции. Вот течет все это, начало болеть. Вот. Так что, они мне... заплатят, они меня сделали инвалидом. Я приехала сюда с гастритом, я же больная. Я приехала из Германии уже больная, в лазарете лежала, в 225 лагере. Они нас погребили. Не знаю, может быть, если бы я работала у хозяина, у бауэра, другие, ведь, работали у хозяев... Там же она садится с немцем или отдельно, я не знаю, как они кушали, там можно и вишенку, и молочко можно. А мы, уходя, в шесть часов уже за станком стоим, в двенадцать гемюзу эту дадут, без хлеба дадут. Хлеб (короткая пауза) ... это чудо, хлеб – пшеница порезанная и половой склеена, понимаете. И дадут вот это, как я вам говорила, как воронежский хлеб, эту буханку на неделю. И маргарин стограммовый, наверное, а может меньше, ну, вот такой, пачечка небольшая. И мы ее съедим, поедим и ждем: «Господи, американцы, налетите, разбомбите». Потому что голод, девочки, страшнее всего. Страшнее голода и войны ничего нет.

Как вам сказать, мне очень обидно, мне очень обидно, что мне неправильно заплатили. Да, неправильно, я работала по двенадцать часов. Немцы работали по восемь часов. И немцы в своих условиях, а в каких мы условиях, не по-человечески жили. Я обслуживала в Энгельскирхен восемнадцать станков. Немцы работали до прихода русских свиней, как они говорят, работали на восьми станках. Восемна-

дцать... девять с этой стороны и девять с этой. Они работали на девяти станках. А мы работали на восемнадцати станках. Это человечно было? И мы работали в субботу, без выходных. Воскресенье, правда, здесь уже герр Бауман дал нам. Давали выходные от условий или от настроения, кто его знает. В воскресенье мы этих – лойзеков³² – били, летом особенно, в той капусте, как сядем. А немцы с колясочками едут вокруг лагеря, смотрят, а мы этих вшей... Они: «Руссиш лойзе капутен». Правда, не бросались, ничего, им интересно было посмотреть, что это за русские, понимаете, не все же видели. Никогда же, видно, не работали и не видели этих русских, понимаете, к лагерю подъезжали они. Там кругом речка, красивые места.

Я вам скажу, немцы ... не все были фашисты. Понимаете, не все были фашисты. И я благодарна немцам за то, что они нас, меня лично, вывезли, нас – четырех человек немцы спасли. Если бы не эти немцы, я не знаю, что бы с нами было, понимаете, то ли нас американцы разбомбили бы, то ли герр Бишорат бы, к такой матери, угрохал. Потом надо, девочки, сколько уже лет, все это надо прощать, понимаете, все надо прощать, надо строить мир по-другому. Что я пережила, не надо такого (плачет), пусть не повторяется для моего внука.

Сильнее всего мне жалко вот этого мальчика, понимаете, сильнее всего. ... Вот получила я четыре четыреста, все отнесла... висит на дверях, «уплатить за квартиру, такие-то, такие-то задолженности, три семьсот, три восемьсот». Что они в первую очередь приходят отключать свет, потом отключат воду. Что делать? ... Завтра ее выгонят с работы, вы понимаете, что тогда ей... Или спиться, как говорится, или, я не знаю.

Прощать надо, конечно, прощать надо людям, вот. И я благодарна тем немцам, «данке»³³ им скажу, что они нас из неволи вывезли в Энгельскирхен. Здесь уже Нимбах, Бауман, никто к нам не прикасался, хотя и видели, что мы брак делаем. И мы крали. Детали набе-

³² Искаженный немецкий. Правильно: die Läuse – вши.

³³ Danke – спасибо.

рем, а рядом речка, идем, выбросим, потому что по дороге выбрасывать – сразу будет видно. Так вот ... Прощать надо!

Я так низко кланяюсь тем, кто нас освободил. Дай Бог этим людям здоровья..., их семьям, американским войскам. Американским войскам я низко кланяюсь. Низко кланяюсь за то, что они нас освободили. Я не знаю, как бы оно было..., наши дошли бы туда или нет, но навряд ли бы. Я низко кланяюсь американским войскам, что нас освободили. Понимаете, они нас освободили, и я благодарна, на всю жизнь, ... хотя они нас и вербовали ехать в Америку, в Канаду. Это для власовцев, для русских подонков, которые боялись ехать домой, понимаете. Я не знаю, там, в Сибири, их до черта, наверное, американцы всех не могли переловить. Они такие хитромудрые, они попередевались в гражданское – и все. И узнай... если бы у него было наколото где-нибудь, а то они переоделись – и все.

Почему разошлась? Я вам говорила, он с двадцать четвертого года, со станции Томилино. Новиков Александр Александрович... Со вторым мужем родители развели. Я старше была... Остроушко Владимир Николаевич. Вот. Я старше его была лет на двенадцать. Тогда это были, милая, очень большие проблемы. Спасибо, что я познакомилась в Саках с прокурором (тихо), она адвокат, женщина.

А так бы... я и не знаю, (тихо) вы понимаете.

Да. И мы поехали, когда прошел год. Пока она улаживала, пока она мне звонила, пока она писала, пока она подобрала... Я взяла отпуск, потом вызвала мужа... И когда мы приехали (короткая пауза), мне дали декретный отпуск. Вот. Я не в шахте работала, на поверхности работала. До этого же я в шахте работала. Вы знаете, как все это, около десяти тысяч рабочих, и вот приехала с этим (короткая пауза) кренделем. Это ... не дай Бог! Не дай Бог, что я тогда перенесла!

А как начали тогда родители, что ты дурак, что ли? Ты это воспитывать будешь? Ну и что, и я тогда решила, и мама говорит: «Не надо плакать, не надо. Брось. Успокойся. Все пройдет, все». Она безграмотная, но она умная была, мать. Единственное... «Подрастет пока, она еще не говорит. Уедем, уедем на родину, если что, уедем на

родину». Понимаете, и так я сделала, когда она пришла в первом классе и говорит: «Мама, а что такое мачеха»...

Да, да ... и я алименты брала, а потом думаю, нет, не буду. Обижать не буду, раз я виновата. Не захотела, потому что раз конфликт был. Брат работал и в ремеслухе учился, и заработал там 200 рублей, а он взял, купил ружье. За 14 рублей с копейками. И там патроны. Висело у нас. Брат был в училище на занятиях, километров восемь, наверное. Он пришел, видно, с работы, я в шахте была, он пришел с работы, взял ребенка в сумочку. Я Инке рассказывала, просто рассказывала, какой батька был сдвинутый, понимаешь. Он взял ребенка в сумку, взял ружье. И пошел стрелять своих. Выстрелил во дворе. Мама испугалась, куда-то убежала, наверное, к соседям...

Такое было, конечно. Как вам сказать, ну, я не жестокая, не ругала... Он был склонен к выпивке. И он согласился, понимаете. Мы поехали на Украину. Все. Была назначена встреча с этой... эта женщина приняла нас. Дом там, муж у нее музыкант, в училище преподает. Она же в милиции работает, понимаете, ... культурно мы там посетили ... это очень долгая история, это дней двадцать длилось, понимаете. Там справки еще надо было какие-то иметь. Он еще поехал, эту справку взял с шахты. Он тоже отпуск взял, так было тихо сделано... Ну, родители...

Да, нормально, с двухмесячного... С шестьдесят шестого, сорок лет будет. Дочь? Знаете, я на работе. И немножко слабовато. Потом договорилась с учительницей, платила ей триста..., что мама получала, отдавала ей это, чтоб она занималась. Иногда приду ее забирать, учительницы, к такой матери, нету, а она и еще девочка одна сидят, сами сидят. А потом уже, когда сюда переехала, начала нанимать. А когда идти в колледж сюда, здесь я уже наняла педагога. Тысячу двести, кажется, отдавала, и три месяца она ходила на подготовку и говорит: «Мама, вот где учителя». И сейчас она кланяется этим учителям.

А потом пошла работать. Начали отправлять (короткая пауза) в деревню. Боже спаси! Пропадешь там. Потому что девчата рассказывают: бабка свет выключает... Вот у меня стояли девчата, в три часа

приходят, пожалуйста. «Только гуляйте, – говорю, – чтоб это – из трех букв не ловили бы». А одна, оказывается, наркоманила. Из Белгородской области. Все.

И она начала работать... в совхозе. Я договорилась с Виолеттой, здесь была женщина одна, и она такая нормальная. Она здесь близко и то, вечерами ее нет, я переживаю. Не дай Бог, а как раз случай произошел, что там шахтер бегал и какую-то бабку... Так я переживала... Год она, по-моему, поработала, потом здесь... И она перешла. ...

С удовольствием поехала бы посмотреть! И внука бы забрала. Посмотреть дойче...лойте³⁴. Хорошие немцы были, но не все. Но не все. Вот на фабрике работала в Энгельскирхен, видела там фролайн, они пели: «Марианка, las dich küssen³⁵, Марианка, ich liebe Dich³⁶».

Это помню, немки пели, там цех застекленный был, и немки молодые это пели. И были, так пройдет, а некоторые: «Гутен morgen»³⁷. Вот. Видите как, не все немцы звери. Но сейчас немцы совсем другие. Спасибо Советскому Союзу, Сталину спасибо, что разделили Германию на четыре части, да? И там выковались теперь такие немцы, настоящие Эрнсты Тельманы. (смеется). У них там скандалы идут, западные и восточные немцы, понимаете, они там не так теперь дружат. Тоже там теперь коммунисты, в основном, да? Там теперь сажают немцы друг друга...

Голод, голод, страшнее голода, девочки, ничего нет. Ничего я не видела лично, только страх видела и голод, и работа, больше ничего нет, и вши, и клопы. Заедало это все, аж сейчас чешется (смеется), ... нервы же не в порядке, как говорится (смеется).

Я за «Единую Россию» и все. Нет. Я на Зюганова как гляну, что же ты довел, до чего ж вы доводите страну. Нет, мне коммунистическая партия... она у нас брехливая, понимаете.

³⁴ Deutsche Leute – немцы.

³⁵ Lass Dich küssen – разреши тебя поцеловать.

³⁶ Ich liebe Dich – я люблю тебя.

³⁷ Guten Morgen – доброе утро.

В. В., январь 2006 г.

Я не знаю, я в этом не разбираюсь сильно, понимаете. Была бы я грамотней... Но я знаю, что сейчас жестокости такой нет в тюрьмах, что сейчас свободно: ты педагог, возьми и учи, вот, я объявления смотрю: «Я такие сделаю работы». Пожалуйста. Но как я вспомню то время, когда я фуражечку пошью, а он мою мать за это брал, ни за какой... и готов был прямо посадить ее. Или сорвали колосок, или взяла в колхозе три килограмма этого зерна, ... я против этого.

Найдите тех немцев и поблагодарите, просто передайте, передайте им привет и спасибо! Дружба нужна! Нужно поддерживать... простые люди, мы должны... не сеять ненависть, понимаете, а надо мириться, примиряться. И сейчас у нас ... там русских очень много. Они осознают, многие из них, что недовольны немножко немцы...

Не помню (растянуто). Один он немец был, а другой, я не знаю, может быть, бельгиец, там бельгийцев очень много было, кто его знает... только немецкую речь я слышала. Так что, если поедете вы в Германию, низко поклонитесь. Собор стоит, увидите и скажите ... и скажите «Спасибо». Немцы, если какие будут, говорите: «Спасибо вам из города Россошь. Передает одна, ее не добились, так может еще добьют».

Интервью с бывшей «восточной рабочей» Ш. Р. В., 1926 г. рожд. (Воронежская область). Интервьюер Тимофеева Н. П.¹

19 января 2016 г.

Я родилась в бедной-бедной семье. Жили мы в Орле. Орловская область, Свердловский район, станция Змеевка, деревня называется

¹ Канд. ист. наук Тимофеева Н. П., руководитель Научно-образовательного центра устной истории при Воронежском институте высоких технологий (ВИВТ). Присутствовала Карафиза А.-М., тогда – сотрудник Научно-образовательного центра устной истории ВИВТ. Транскрипция Карафиза А.-М. Интервью публикуется в сокращенном варианте, полный текст содержится в личных архивах Н. П. Тимофеевой и А.-М. Карафизы.

Сорочьи кусты, и нас у матери было восьмеро. Три брата нас и пять сестер. И вдруг отец у нас умирает. При отце мы жили, конечно, у нас было три лошади, Воронка, Серденка, жеребец Коля, и корова Настя. Жили мы неплохо, овцы были, обуты-одеты. А как отец умер, одна мать, что она? И пошло все под откос. В колхоз забрали лошадей, мама Колю успела продать цыганам, этого жеребца. А две лошади забрали, корову забрали. А жили мы на хуторах, не в деревне Сорочьи, а на хуторах, там земли больше. Ну, и когда приехал дядя Прокошка, был неурожай. Картошки даже вволю не было, нам мать делила. Картошки сварит, и делила картошку. А он посмотрел да говорит: «На Украине жизнь хорошая, там урожай». Сразу забрал старшего, с восемнадцатого года, Володю, потом Ивана с двадцать второго года. Потом он написал: «Из девчонок кого-нибудь пришли». И мы с Таней поехали, с сестрою. Уехали. Осталась мама и еще две сестры, Коля, трое их, мама четвертая. Она потом продала корову и хату, и приехали на Украину. И жили мы на Украине, пока не началась война. Началась война, приехали немцы. Батюшки! Паслись коровы, я помню, колхозные коровы. А они с самолета постреляли их. Подъехали машины-холодильники, корову обдирали, голову отрубали и эти вот ноги, все мясо. И тогда мы даже не понимали, в мешки пластилиновые они мясо и в машины грузили. Хлеб начали грузить, пшеницу – все вывозить. Потом смотрим, а они уже вывозят землю черную! Что делается! Ужасно! А тогда и детей туда. Я не помню, я с двадцать шестого года, не помню, сколько, ну, годов четырнадцать, наверное, было. Вот таких детей и меньших... А через стенку у нас жила, мы там саманку построили, как барак, и с этой стороны люди жили и там, которые с России приезжали на Украину. А там сёла назывались, Седьмой, Восьмой, Девятый, Десятый. Вот мы на Девятом поселке жили. Это на Украине так села назывались. И когда стали забирать, а Пашка Махотина через стенку у нас, она взяла своего... У нее мужа забрали на фронт, один сынишка, ну, ему годов может 10 или 12, и она его замазала в стенку, а ее забрали. Ну, там соседи знали, что надо вытащить один саман, этот, из чего делают, и дать ему хоть напиток, хоть что-нибудь покушать. А ребята копали вот такие вот окопы и там такая большая трава, курай назывался. Вот они этот курай привя-

жут, вроде курай, а они там сидят, а немцы... Чтоб они наделали! Что это за люди! Это невыносимые люди! Сейчас дюже они хорошие. Что творили! (плачет) Я даже не могу вспомнить, как они нас гнали, как скот гнали до самого Киева и шли пешком. Да, детей гнали.

Как забирали. Так, приходили в нашу комнату, ходят... И продажные шкуры были. В полицаи пошли с Украины этой некоторые. Некоторые полицаями, ага. Знаю, что у нас, сколько приводят и этих записывают и, значит, чтобы шли. К сельсовету. Всех собрали и повели. Они-то едут на лошадах и пистолеты в руках, а мы-то пешком. Неделя, а может больше, мы шли, и жара, и все. И я помню, эта Пашка, она сильно разволновалась. Сына тогда замазала, ее-то забрали, и она хотела схитровать, вроде она идти не может. Упала и вот так вот лежит. Они взяли, да пристрелили ее. Тогда уже не стали хитрить. Чего ж, если упадешь, вроде идти не может человек, оставить, чтоб умер? Они его пристреливают. Тогда хитрить нечего, надо идти. И вот до Киева, а в Киев пришли... До Киева пешком, да, день и ночь. Ну, отдохали там. Отдохнули и дальше пошли. Подремем – опять дальше пошли. Погрузили в вагоны, деревянные вагоны, они хлеб туда грузили, все это вот в такие вагоны, скотину... Вот в такие вагоны нас погрузили. И белорусы, и мы. В Белоруссии тоже забирали. Привозят в Польшу...

Я запомнила, что отец назвал меня Роза. Роза это была какая-то в Германии революционерка. Так, и он меня назвал Розой. Так, а когда он... ему умирать, и он говорит мне: «Роза, принеси мне кружку холодного квасу». А я кран не могу открыть. Я говорю: «Мама, открой, папа хочет пить». А она говорит: «Холодное ему нельзя». А он рассердился и кран выдернул. И квас весь вылился. Я это запомнила. А еще запомнила... Отец меня посылает воды принести, а я вот так подымуся и вижу, вот так в ногах два гуся стоят. Я боюсь их, а он говорит: «Ну, пойдя». А я говорю: «Пап, сгони этих гусей, я их боюсь». А он говорит: «А-а-а-а, – говорит, – это ангелы прилетели за моей душой». Я гусей видела и запомнила, да. Да, и он... в эту ночь он и умер. Вот что запомнилось, годов 5 было. И сарай у нас был для скотины и амбар был. Тогда какие комнаты делали. Большой дом, посе-

редине печка, тут полаты и за той полаты, это доски. Тут спали и там спали. И на печке кто. Кто на печке, кто на полатах. Маму Ольга Семеновна звали, ее всегда «Ольг Семеновна» или если кто «Семеновна», это запомнила я. А отца – Володя, Владимир Никифорович. Володины. Все мы верующие, и я верующая. У них Библия, они читали. Читали каждый вечер Библию. Да, да, и внушали. Папа этим занимался. Рассказывал, что надо в Бога верить. Мама неграмотная была. Но подсчитывала все она. Все подсчитает... Ага, все, бюджет, все такое. Мы на хуторах жили в Орле, а переехали в деревню Сорочьи кусты. ... Ну, скотину забрали в колхоз, матери надо работать дояркой. Она дояркой стала работать. Коров забрали. А приносила молоко, сколько там, три литра дадут. Это ей давали.

И я еще чего удивлялась, когда же мама наша спала, и сколько ж ей Господь давал терпения. Вы знаете, когда не проснусь, а мама прядет «вжик-вжик-вжик». Вот, когда напрудут, такой стан поставят и вот так ткут этот... холст. А сеяли на огороде, земли много, сеяли кунапи², лен и прежде, чем сшить платье, надо подергать лен и связать кунапи, потом мочить их, тогда сушить, высушат и тогда в ступах толкут и расчесывают, да гребнем чешут, а тогда прядут. Сколько же делов надо! ... Щас жадность, жадность, все каждый себе гребет.

Господи, Вы знаете, негде было спичек даже купить, не на что. А кто-то: «О-о-о, глянь-ка, загорелся», бегут взять жар, растопить. Разжечь печку нечем, не было спичек. Все были дружные, друг другу помогали. Если у кого корова сдохла, то собирают копеечки купить теленка. Если есть, так рассчитается, кому сильно вот так надо. Я помню, что у одной у нас в деревне костюм был. Кому надо в больницу, идут, она дает свой костюм в больницу съездить. Ну, размер тогда какой? – Хоть такой, хоть такой. Это вот щас, чтоб по косточке, а тогда – одетый, и ладно.

² Конопля.

Я с горем пополам только 5 классов окончила. Потому что ходила я в школу-то пока тепло, а как холодно – уже не в чем. Это пока отец был, там что-то у нас было, а когда отца не было – все потрепали, все поносили. Я любила сильно рисовать. А еще расскажу! Вот мать поделит нам всем поровну, хлеб разрежет, всё... Был у нас брат Иван. Я его звала «Усатик», у него усы стали расти. И мы его все ненавидели. Не любили, такой эгоист был! Такой эгоист! Вы знаете, мать в колхозе получила мед и спрятала его в погреб, а он лазит и лазит туда. А я говорю: «Мам, че это Иван лазит в погреб?», «Да я оправляться». А она говорит: «О-о-о, теперь мед пожрал!» Глянула – меда нет. Эгоист был! А вот Володька, старший брат, с восемнадцатого года, он так маме помогал! Он точно, как отец был. Вот такой трудолюбивый. И он телят пас, в колхозе телят пас, а теленок ушел в карьер и там лег и лежал, сильно жарко было. А он искал-искал и не мог найти. А это уже осень была. А он пошел, там деревня Хохлы. В Сорочьих кустах, и там когда-то переезжали хохлы. Так и звали деревню – Хохлы, и там были скирды. Иван к скирду подошел и услышал, яб-

локи пахнут. И он раскопал, а в мешочке там яблоки. Принес домой, а это была уже осень. Нигде ни яблок, ничего. И он вот так в окно показывает яблоко, а мы: «Ах, откуда ж к нам яблоко прилетело, глянть, яблоко откуда?» Бежим так, откуда яблоко, он не показывается, а яблоко только показывает. Когда он зашел, поделил всем нам поровну, а Иван этот, с двадцать второго года: «Ух, какой ты дурак! Я бы никогда! Я бы сам поел». Не поделился бы. А он говорит: «Дай сюда, ах, ты эгоист какой!» Так, а один раз был такой случай, он зашел в колхозе, где кладовая, там горох. Ну, он у кладовщика попросил: «Дай, – говорит, – я понесу своим братьям, сестрам хоть по горстке горошка, можно?» «Можно». Он два кармана насыпал горошку. Принес и стаканчиком нам поделил. Иван получил порцию: «Я б, – говорит, – один поел, я б никому не дал». А он: «Ах, ты, эгоист!» И вот одна миска черепяная³, и мы все ложкой ели из этой, а он прям вот так, спешит, спешит, больше! Ну, какой же... Не любила я этого брата, не любила. И вот однажды он влюбился в Лидку Сафронову. Говорит: «На, записку отнеси ей!» А я прочитала эту записку, а написала: «Ваня, Ваня, Ванечка, я тебе не парочка! У тебя ус и борода, а я девчонка молода!» А он когда прочитал, видит, что мои каракули-то. Она ж ходила в седьмой класс, а я там, я не знаю, во второй или какой там. И он тогда мне подстроил. Снегу уже нанесло когда, а он выкопал, уже время прошло, это осень, не осень, а уже зима, и выкопал яму и от подсолнуха палками прикрыл и говорит: «Отнеси записку». А я говорю: «Да она не хочет с тобой встречаться! Ну, кто ты есть против нее?» А он говорит: «Ну, отнеси. Я тебе кусочек хлеба отломлю, как мама мне даст, я тебе кусочек хлеба». «Ну, за кусочек хлеба, – говорю, – понесу». Я разбежалась и бултых туда! Я могла бы ногу сломать. Да, вот так вот. Не могу вылезти. Эгоист! Ну, тогда я его «Ванька-усатый, кошку замучил, а кота не одолел, сам под лавкой окошел» – стала про него стихи сочинять, потому что не любили мы его.

Первый и третий были в одном классе. Второй и четвертый в другом классе. До седьмого класса у нас было в Сорочьих кустах... В Сорочьих кустах до седьмого класса, а выше, восьмой класс уже хо-

³ Глиняная.

дили на станцию, там школа была, станция Змеевка. А я до пятого класса только, и мы уехали. Лина Александровна. Хорошая учительница была. А их почему-то раскулачили. Колхоз когда, да... Она из богатого дома. В Сорочьих кустах она...

Прокошка. Он уехал первый на Украину и забрал свою жену. А когда он один поехал, то его жена осталась у нас. Как же ее звали... Она маленького росточка была, а он большой. Бабушка Гаша мы ее звали. Поезд, товарными поездами, туда и шли. А дядя Лешка, материн брат на железной дороге работал. И он там договорился. Там семьями уезжали на Украину, семьями. И вот мы стали туда, пришли и нас тоже... Мы только денег уложили и поехали. И мы приехали на Украину, станция Партизан. А в МТСе⁴ там наш дядя Прокошка. Мы сказали: «А где МТС?» Нам показали, мы пошли к дяде Прокошке. А там были трактористы с этой деревни с Десятого, не, с Девятого. И мы погорились: «Приехали, там у нас голод, а где нам теперь приземлиться-то чтобы...?» А нас женщина, там тоже была трактористка, и взяла в свой колхоз. В свой колхоз, Новоивановский сельсовет, и даже к себе взяла. А спать негде было. У нее муж Прокип, а она была Ульяна, а ножки у нее кривые. Она бегаёт: «Прокип, Прокип, ну, как же быть, ну, как же быть, люди-то приехали». А он: «Негде, где их положить?» Против был. А она: «Ну, Прокип, ну, так же нельзя! Ну, они на полу будут. Вот, постелем, это лето было, постелем травы, будут спать. Ну, куда же им идти-то?» И они нам есть давали. У дяди, он в МТСе, там жить негде. У него комнатущечка была такая – койка стоит и стол. Там негде жить у дяди.

Ну, вот, приехали в эту деревню хлопок полоть. Дали тяпочку. А хлопок полоть, мы уже пололи, в совхоз ходили. В совхоз... Я была маленькая росточком, а кто повыше, отбирали лук полоть там, а я подставляла себе камушки и вот так, на пальчиках сзади стояла. А когда я полю: «Это ребенок для чего? Кто этого оставил?» А я: «Ну, дядь, не прогоняй меня, я хорошо полю (лук там или что). Я стараюсь! Не прогоняй!» А нам давали кусок хлеба за это, мы несли, а ма-

⁴ МТС – машино-тракторная станция.

ма нам делила. С 26-го. А когда мама приехала, ой, сколько радости было! Сколько радости! Скучали, а еще боялись, как бы она не умерла. Ну, голод там был, неурожай.

На Украине не было голода. Вперед был голод, а потом урожай. А у нас потом, потом у нас голод. Ну, у кого мужики, там они возами везли к себе. А мать сена получила мешок, два – зерна. А чего, смолотли, съели и все. А есть больше нечего. Картошка не уродилась. Так что... А где мужчины, у них запас. У них и зерна запас... Они и остались. А мать вдова... Мама и Коля, меньшенький самый, с 32-го года у меня братишка, и вот они коров выгоняют, пастухами, и каждый выносит кусок хлеба. И вот мама в сумочке принесет хлеб. На Украине она сразу пасла скот. Спали мы на улице, это лето было, а потом нам помогли, всеми помогли на Украине сделать саман. Вот когда нарезали саману, высох и сложили дом. Там украинские, мало русских. Да, вот этот Девятый. Это деревня – переселенцы, русские переселялись туда. Русские, но там и украинцы жили. ... там же Украина. Ну, а переселялись русские туда. Если бы не эти хохлы, мы подошли бы! Поделались они с нами всем. Ну, конечно, они там жили и у них скотина, у них и сады, у них свои дома. А мы приехали на голую кочку, конечно, нам трудно. Я уже в школу там не ходила, я уже работала. Закончилось. Вот меньшие две сестренки и братишка, они там ходили. А я уже хлопок полола. А зимой надо хлопок обирать, надо прясть, надо связать себе шарф или кофточку... Хоть себя-то обеспечить! Надо же и связать себе, надо соткать, что-то послать, что-то одеться. Ведь приехали-то голышом. А знаешь чего? Столько было всякой нечисти! Столько было мух! Выгоняли этими... блох, клопов, вшей. Вот у меня косы были в руку, а только и керосином мазали, только вот смазывались керосином, чтоб... Ничего, никуда... Не купались. Вот как лето – в речку, в речке. А зимой нет, нигде не купались. ... Детей мать нарожала много, а какая бедность-то! Их надо всех обушь, одеть. Да его надо еще пробрести, корыто-то. Трудно. Да, вот бывало, что дают там мясо, что дадут там хлеб, помидоры. У нас даже земли не было, а потом земли дали. И поставили себе домик, ну, дом... Саманный, а без потолка-то. Мы все без потолка. Вот так, отсюда мажут, и оттуда мажут, а без потолка. Знаешь, вот крышу

эту хворостом, а потом этим... Подсолнушы палки, а потом камыш, а потом глина. И оттуда глина и отсюда глина. Вот так... Пол земляной, а тоже смазывали. И пол смазывали. Каждую субботу подмазывали, плитку белили и пол смазывали. Коровье говно и глина.

Как началось... Спали, а бомбили, бомбить начали. До деревни дошло, когда хлынули немцы. Они когда приехали, начали грести все, все себе. И вы знаете, паслись колхозные коровы, а они самолетом постреляли их. Даже пастуха убили. Прихлынули эти крытые машины, это сейчас я дошла, что это холодильники. Думаю: «Куда ж они?» И много этих, военных немцев – обдирали, головы отрубали, ноги отрубали. Одни, эти вот, рубили в мешки и в эти машины. А в деревне мы похоронили⁵ коров своих скорей. Вот где корова стоит, в сарай-то, туда и на замочек. Чтобы у нас-то корову не забрали. Потому что там побили этих, а потом начали: вагоны подгоняют, грузят зерно. Да, железная дорога. Станция. Мы жили на станции Юрицыно прямо, близко. Да. А там Партизан, а там Сокологорное. На станциях везде эти вагоны, везде грузят, грузят, грузят. А потом смотрим, а уже зерно-то вывезли, уже грузят землю черную. Немцы, немцы военные. А они, Вы знаете, какие они немцы-то, они забрали Италию, забрали вперед Польшу, Италию, Францию, и эти тоже люди и тоже с ними, и тоже грузят все, да. И когда я приехала в Германию, и там бараки и итальянцы, и французы, и бельгийцы. Все, все, да. «Яйки, масло, яйки, масло, яйки, масло». Отбирали, да. Да Вы что! Да разве им не дашь! Да у них же пистолет в руках. Да они сами не спрашивают, ищут масло, яйки. А скажешь: «Нету», они начнут сами искать. Председатель колхоза, он спрятался, чтоб его-то не избили. Они сразу как хозяева пришли, берут все сами, везут все.

Председатель тогда объяснил: нам жить надо, надо сеять, сеять надо все. А что немцы, ну, что теперь делать. Сеять, ну, в колхозе там были амбары. Озимые. Да. И кто получил... У нас, мы выкопали яму, выжгли ее, и когда мы ячмень получили, целую эту... ну, ящик целый. Ссыпали туда, с соломой, а потом землей. Спрятали. И так мно-

⁵ Спрятали.

гие. Вот когда немцы зашли хапать, хапать, они ушли, а тут председатель распорядился: «Хлеб по домам раздать. Вывезут – нам, – говорит, – хана будет. Весь, – говорит, – вывезут. Это они еще вернуться». Это они нагрузили там эти вагоны...

Да, и хлеб попрятали. А кто, вот у нас печка, и туда под печку насыпали и заложили, замазали. Так что хлеб попрятали. Это ячмень был, пшеница. Под печкой, туда ложили ухват... так, кое-что. Нет, печка вон, где топится, а там нет.

Полиции приказывали. Они подобрали молодежь. Они русские, они русские, украинцы и русские. Вы знаете, что, мне очень, очень жаль одну семью! Она была секретарем в сельсовете, а он был хохол, учитель, и у них двое детей: Света и Сережа. Сережа похож был на мать, а Света – точная мать. И что же Вы думаете? Сосед, через стенку сосед, выдал, что она еврейка, а евреев там расстреливали. Выкопали этим бульдозером такую вот... Это возле Геническа, сейчас мой там сын живет, в Геническе. Выкопали такой вот..., раздевали почему-то их наголо, чтобы деньги какие не то... и из пулемета, они так и валились туда. И вот везут эту женщину, секретарь сельсовета, а его-то забрали на войну, а она кричит: «Раечка!» А я у нее прислугой... зимой прислугой была. Она ходила на работу, а у этого, у мальчика грыжа выходила и вот как, говорит: «Выйдет, а ты вот так его положи, ножки задери и туда прибери эту...». Пузырь какой-то выходил. И я у нее была там, кушать варила. А через стенку, он уже стал полицаем и выдал. И когда ее везли, я вышла посмотреть, куда ж это их везут, верхом двое, а этого заставили Ивана Бондаренко, позвали: «Иди сюда!» Он подошел. «Садись, правь, в Геническ поедешь». А сидит эта женщина и двое детей. А она кричит: «Раечка, забери хоть Свету! Муж придет, хоть будет память от семьи». Я подошла, а она как стеганет меня плетью, как я перегнулась. Да куда ж мне брать. И она так поехала, а потом я у Ивана спрашивала Бондаренко: «Ну, куда ты их отвез? Как они там?» «А она, – говорит, – с ума сошла. Я как оглянулся, а она, – говорит, – белая сидела, вся голова у нее белая». А они ей: «Мама, куда нас везут, мама?» Она, говорит, их вот так вот пихала от себя. Она, говорит, с ума сошла. А детишечки так и кричали: «Ма-

ма, куда нас везут, мама?» Ну, вот и расстреляли. За что, хоть они евреи? Что они сделали плохого-то? А в Геническе их было много. В Геническе они жили.

Ох, как гнали, как же Господь дал, а! Как под Москвой, съехались эти, уже погнали, погнали, погнали наших. Все забирали. Но ведь и немец-то этот, Гитлер, он все позабыл. И Италию, и Францию, осталась одна Америка, а тогда Америке деваться некуда и на него пойдет, если нас одолеет-то. Так скорее нам помогать, оружием, все.

А в лес, это мне рассказывали, в лес эти пушки свои и танки, чтоб это сразу... Москву хотели сразу захватить, а девчонка рано утром ехала к бабушке, и девчоночка та заметила, в лесу немцы. Это мне рассказывали, это под Москвой, как их разоблачили, ну. И тогда она позвонила начальнику колхоза или председателю, что там видела. А он позвонил в Москву. А тут разведка разведала, и как поднялись самолеты их чихвостить, прибили там. Они тогда давай им жмать, жмать, по пятам шли. Им некогда, когда уж они отступали-то, когда они отступали, мы уже в Германии были.

... И вот они сперва орудовали, а потом их – на передовую. Ни один полицай не вернулся! Мама, ну, сумочку сготовила: яичек сварила, хлебушка. «Коты» мне подшила хорошо, чтоб не босиком идти. Это обувь, «коты» назывались. Ну, их вязали, пеньку вот так вот... Лапти, лапти, да. Как лапти. Ну, это ходили там, в России в лаптях. Но когда надо было идти в такую даль, вот мне и лапти мама сделала и еще хорошо подшила их, чтоб... какую-то кожицу нашла, чтобы... Ну, пешком-то идти до самого этого босиком, разве ноги выдержат? О, не то плакала. Не то вернемся, не то нет. Нельзя это вспомнить! (плачет)

А братья, один Коля остался, а этих уже... Ивана на фронт забрали, а Володя, служил уже он. Город Чита за номером два, почтовый ящик 57-50. Это он там, в Сибири служил. Он не вернулся. А Иван вернулся, Иван в плен попал. Он умер уже. А моя семья – ни

один человек... Наша большая семья была, три брата, пять сестер и мама – одна я жива.

Ну, как... покричали, поплакали. ... подвода... подвода остановилась: «Выходи, собирайся!», а я уже была готова. ... к сельсовету, туда, а потом погнали пешком. Пешком. Не на чем было везти.

У кого что есть, то и ел. То и ел. Да. Где остановимся отдохнуть, тама сурпиха, щавель... Все ели. И вы знаете, по канаве там ягодки такие вот, как клубника, и где отдыхаем, травкой такой питаемся. А и где какая вода, напьемся, пузыречек нальем себе воды в дорожку. Еще пойдем. Еще.

Ну, мы шли, города-то не запоминали. И шли дорогой, дорогой, мимо леса и шли. До Киева дошли. И в Киеве нас в вагоны погрузили. Нас подогнали к этому, мы и шли еле-еле, некуда там уж смотреть присматриваться, только бы в рот чего-нибудь положить. Погрузили в вагоны, повезли. До Польши довели.

Набили полный, да и все. Были люди с Геническа. Отовсюду, отовсюду, ведь не немножко гнали-то, ведь ехали верхами, шли, шли... Вот когда в Польшу привезли, и намазали нам и головы, и тута мазали, чтоб вшей не было, не завезли в эту... Германию. Ага, и тут мазали. Купали нас.

Ничего не давали. Вот как сели в вагон, у кого что было. Ну, поделались с друг другом. У кого что есть, станет есть, и она, мол, отломи мне хоть кусочек, отломит. Так, останавливали ... когда станет поезд, и все, и никуда, если кто побежит туда дальше, стреляют. Вот и мужчины, и женщины, и дети, все тут около вагонов прямо опралялись. Куда там стесняться, уже приспичило так, что куда там стесняться. ... мужчины, там ведь не только женщины, и мужчины были. Ножичками продолбали эту дырочку. Вот, кто захочет, попой сядет туда в эту дырочку, и кому уж сильно приспичит, или там пописать, ... в эту дырочку только. Детей было больше. 41-ый год. Подростки. И вот туда привезли нас, где сперва в Польшу. Брест что ли, что-то я забыла. Ну, мы там немножко были. Вот в Германию привезли, я помню хорошо город...

Да кто его знает. Мы там только искупались. Дали нам похлебку, нечищенной картошки. Они тоже поляки злые были на нас. Почему они злые-то на нас? Что мы им сделали-то? Кажется, как Брест. От мужчин отделили тут. Немецкий переводчик. Немец. Женщины, садитесь в этот вагон. ... привезли в город Зуль, Тюрингская область. Да, да, в другие вагоны погружали. Вот доехали мы до Польши, и там нас разделили. Дали сперва нам покушать. Зашли в столовую. Там большая столовая, столы такие стояли. Ну, налили нам этой похлебки, а картошка нечищенная, вода какая-то грязная. Ну, все равно... А есть хотели. Ну, вот так, очищали, да и... Ага, кусками очищали, очистишь и в рот, очистишь – в рот. Не соленая. Ну, а вода и эти шкурки, и ихняя посуда остались тут. Да, потом в баню. «Раздевайтесь». Одежу свою сюда и проходите. Женщины отдельно, мужчины отдельно. А когда получали одежду: «Берите каждый свою одежду». Она была огненная, горячая. Прожаренная. Женщины были. Ну, говорили по-польски. Мы их не понимали. Показывает руку, показывает, мажь. Мы сами, да. Они только наливали.

И повезли, да. И привезли в город Зуль. Привозят нас в Зуль, подвозят. Там бараки. Не в самый город, а за городом. Там кругом уже в бараки навезено: и поляки, и французы... А нас уже, русских, привезли. Так, вот такой большой на горе, туда дальше-дальше, километра два это, город. А тут ихняя деревня, одна улица, а тут посередине на горе большой-большой дом, двухэтажный. Внизу была это... ресторан, а когда война началась, у этих жителей, у начальника этого ресторана, у него 12 сыновей и одна дочь. И вот все 12 сыновей их побил. На войне, ага. И умер вперед дед, а потом и умерла мать. Она и кричала, и кричала, и кричала.

У нас койки там двухэтажные: внизу и вверх. Там доски настлаты и матрасы лежат стружками набитые. И простынь, и одеяла с пододеяльниками. И подушки тоже стружками набитые, да. И, значит, в одной комнате генические украинцы, а там с Киева, в другой комнате. А в третьей... забыла, они украинцы... ну... с Днепропетровска. А мы с Геническа, с Генического района, украинцы, да. Никакого стола не было. Кроме кроватей ничего не было. А пойдешь, по-

лучишь эту вот... Суп нам варили... Работали с шести до шести. В шесть часов утра приходим на завод и в шесть часов вечера уже заканчиваем работу. Какой завод? Хрен его знает. Сперва железки какие-то точили, внизу вода течет, прикрутишь это вот... Сказали вот так делать, кол прибай... ну, делай. ... босиком, это все у нас разбилось, а босиком стоять на цементе, цементовый пол-то, а нас аж трясет на холодном полу стоять-то. Это уже к зиме подошло дело-то, но зима там не холодная.

И тогда колодки привозили... Другие станки завезли. Сперва, значит, обтачивают их, обтачивают, потом режут, вот на такие, потом вытачивают. И обужа такая вот, деревянная. Вытачут там из середки. И вот стали делать эту обужу деревянную. И как только идем, вот так (ритмично стучит по столу кулаком), уже слышно, русские идут, грохают. Идем тёмно, зимой идем тёмно и приходим тёмно. Платья нам дали. И тут пришиты «OST». Зимой холодно. Брали одеяла с пододеяльников, укрывались и шли. ... Вот чем машинку вытираем, эти вот там хлопья, то вот и туда. Между ногами. Трусов не было...

Давали суп с колрабы. А колраба как у нас тыклушка. И вот по два половника этого супу и ломтик хлеба. А хлеб как батон, да, но он с опилками, опилки и зерно мололи..., и этой машинкой вот так вот резали... Вот кусочек этого хлеба и два половника супу. И вот с этим хлебушком...

Вы знаете что, у нас был полицаи, над нами командовал. Его фамилия Крамер. И он завлек девушку с Киева. Ее звали... может вспомню. Она блондинка, красивая, взрослая, мы-то пацанами еще были. А она уже, ей, наверное, годов 18... забыла, как ее звали. Ну, дай Бог памяти, но, может, вспомню. И ты знаешь, она от него уже забеременела. Обделал он ее. И вот ехали когда за хлебом, хлеб получать, он на одну тачанку сел, а она на другую. А он как заходил прям: «Ауфштеен»⁶, с плетью. Кто там заболел или что, он, не разбираясь, как даст плетью: «Ауфштеен». Какой злой был ужасно, мы его боя-

⁶ Aufstehen – встать.

лись. Еще он не пришел, а мы скорее встаем, будим: «Вставай, вставай, шас придет Крамер, а то еще плетью получишь».

И однажды что сделалось. Вот мы его не любили почему. Еще вот, как у нас рябина, посадки, так. Ну, вот дорога, машины тут ходят, люди ходят, нас по этой дороге ведут. Ну, тут посадки, яблоки падают, груши там, все такое. Вот тянешься взять, так он плетью: «Дура набитая, дура набитая». Он по-русски разговаривал. Когда-то в плену, говорит, был в России. Такой зверюга. Он на работу, с работы. И он наверху там жил.

И однажды сел на одну тачку, на другую тачку... его любовница-то, как же ее... Анюта. Анюта села на одну тачку, он на другую. И вот так они везли, бежали-бежали, а тачка на них наезжает, они в сторону. А тачку-то наладили, там вот низ, а там вода бежит, и тачка туда перевернулась, и он захлебнулся. Ох, как мы рады были, как мы рады были, что он захлебнулся. Да. С этой тачкой, ага, и он свалился туда и захлебнулся. И ты знаешь что, ничего не было девчонкам. Ну, что будет, мужчина, полицей. Ну, куда ты на тачку сел к детишкам и разогнал с горы. Ну, никому ничего не было. Без лошади. Они отбежали от нее, что он на них наезжает. Они бегут с этой тачкой-то, а тачка наезжает. Одна в одну сторону, другая в другую сторону. А он съехал, да и в речку туда. ... А другая тачка ехала, она так прямо и поехала эта, где его любовница-то. Так она, когда нас вывозили оттуда, она не выехала оттуда. Она там осталась. А этого полицей брат взял ее в прислуги, потому что она должна была родить мальчика, сказала, мальчика. Ну, он мол: «Моего брата... мой племянник будет в России...». А брат тот второй тоже полицей.

А другие, вот этот герр Айншутц, он этот, фашист, герр Айншутц – фашист, но он человек хороший. Он не злой. Герр Айншутц мы его звали. Герр Айншутц. К нему если подходишь: «Герр Айншутц, гебен зи мир битте⁷...». Там что-нибудь попросить у него, и он всегда откликается. В цехе работал, да. Мастером, да. Однажды, знаете что, я заболела, меня вот так трясло, я замерзала, а эта, какая заме-

⁷ Geben Sie mir, bitte – дайте мне, пожалуйста.

тала там, эта Ильза... Уборщица ихняя, хромая гадина, взяла и водой на меня плесканула, потому что я замерзала и вот так вот гнулась, она еще на меня водой плесканула. А я подошла и сказала: «Герр Айншутц, кальт⁸, Лиза воды...». Он видит, что я мокрая, он взял меня: «Комм, комм, комм⁹». И привел, там вот такие трубы горячие, а он говорит вот так вот: «Полежи тут на трубах». И я полежала, и дал какую-то таблетку. Я там полежала, и меня перестало трясти. Ну, а девки ищут-ищут: «О, все теперь, куда-то отвел, теперь, наверное, с концами». А я оттуда пришла, разогрелась, красная. «Где ты была-то?» Я говорю: «Да вон там, в подвале, где трубы, отогревалась». «У, говорят, человек хороший». Когда уже зашли американцы, и когда мы уже там не работали на этих фабриках-то, а дома были, ждали, когда война кончится, и американцы нас уже кормили там хлебом, супом, месяц может или два пока там все это распределили, но, правда, кормили вволю, три раза в день вволю кормили.

Там была баня. Для русских, для женщин и для мужчин там бани были. И стирали, да. Мы сами стирали на себя. Когда в Германии, да, мы стирали и головы мыли. А там у них вот такая мыла почему-то стоит ... как кастрюля. Бери рукою, оно жидкое. И вот так, хоть и на голову и размылишь, хоть бери и купайся.

Ты знаешь, там же у них, идешь, везде и рябина, и яблоки валяются, все. И рябину ели. А потом нас Людвиг, это просто рабочий, Людвиг, водил. А тот не обращал внимания, что мы собираем, что мы едим. Пришел: «Ауфштеен», собрались: «Комм, комм». «Комм, комм, арбайтен»¹⁰, все. Спросит, мы ели: «Эссен? Эссен?»¹¹ Мы, да, позавтракали. «Пошли».

Вот эта ведьма повела однажды, у меня палец вот так вот нарывал, а они как резанули. Она отвезла. В больницу. Больница в городе была. В Зуле, да, да. ... да, конечно, пешком. Да мы же каждый день

⁸ Kalt – холодно.

⁹ Komm, komm, komm – пойдем, пойдем, пойдем.

¹⁰ «Komm, komm, arbeiten» – «Пойдем, пойдем, работать»

¹¹ Искаженный немецкий. Правильно: «Habt ihr gegessen?» – «Вы поели?»

ходили через город. Ничто нам было там не интересно. Однажды, однажды я подошла вот так к окну посмотреть, около окна мой станок и ведут много детишек, как они одеты хорошо! А я вот так вот подошла только посмотреть, ох, как детишки хорошо маленькие все одеты, и я зову: «Девчонки, посмотрите! Какие детишки одеты!» Как заходит этот самый пузатый ихний, как начал меня плетью! Ну, чья это вот фабрика или завод, как он называется-то. Ну, самый начальник. Они мне что-то говорили, а я заинтересовалась на детей. Они говорили, что зашел он, так как плетью, так я уссалася. Перепугалась. Ну, этой плетью исстегал мне спину, да.

Какие там, не, когда мы идем, никого не было. Рано идем и поздно идем – никого уже нету там.

Ты знаешь, ну, кое-кому давали. Кое-кому давали. Кто рядом работал, ихнюю кружку пойдут, помогут там, ну, кто рядом, да. Мне не приходилось.

Это киевские девчонки, они развитые, с города, они сразу по-немецки научились говорить, они с ними разговаривали. А я неграмотная, так, кое-что. Да, я даже вот знаю это, свой адрес как написать. Вот как адрес, это я домой писала, и чтобы это вот... обратный адрес. Вот здесь можно писать? «R» забыла. Не, это Тюрингия, это «Зуль, Тюрингия». Доходили. Вот я обратный, обратный адрес...

Да, мы все дружно жили. Ну, чем помогали? Все одинаково... Боже мой, придем такие усталые. Вот этот супчик съешь, кусочек хлеба, да рад месту. Ведь целый день на ногах. Целый день на ногах, да притом пройдешь туда, да назад, уставали. А в воскресенье не работали. А в воскресенье нас водили в лес. А в лесу летом там и эти ягодки, там, где дикая яблонька. Да поесть что-нибудь. Ну, не на весь день, но долго там бывали. Сядем, да поплачем. Какие там песни нам? Что нам за радость-то? Вспоминали маму, папу. Вспоминаем, да расплачемся. Да и все. Рассказывали, да. Вот, у нас одна с Геническа от мамы получила письмо и так расплакалась. Сильно ее папа любил, и он был летчик, а мама ревновала ее. И вот он ее брал куда-нибудь в кино, куда-нибудь, она красивая, и гордился, говорит, мной. Что у

папы такая дочка. Как я, говорит, папу любила! А мама меня, говорит, ревновала к папе и обижала. А вот теперь прислала письмо: «Дочка, жалкая, папу убили». Она так расплакалась, и мы с ней расплакались. Радости мало там было нам. Получали, тоже открытки получали. Там не письма – открытки. Там что-нибудь не напишешь. Ну, я в одной открытке написала, я думала, ее не прочитают, открытка лежит в конверте. А я написала: «Ганя, если будут забирать, под землю спрячься, только не приезжай сюда» И меня вызывали. Почему? К полицию, почему? Да, к коменданту. «Почему ты так написала? Что тебе тут не нравится?» А еще я написала: «А то оденут на тебя чертову кожу...». Что это за «чертова кожа», пристали. Что ты имела – «чертову кожу»? Да это платье с этим... знаком. «И вся радость наша», я написала. «И вся радость наша. Ничего тут хорошего нету». Вот так. Ну, он строго приказал: «Второй раз тебя повесят». Это еще помиловал.

Вы знаете что? Вот с этой стороны немцы и с этой, а тут – дорога. И шли, вот мы прошли, а за нами там ребята шли по 12 лет, ну, какие там пацаны, а видели яблоки. Прямо около забора яблоки, и один пацан, там низкие заборы, пересигнул и сорвал два яблока, одно себе, а другому дал. А видит, что немец выскочил. Этот, какой сорвал, подхватился бежать, а он схватил этого, передал полицию, а его повесили. Да, прямо вот сделали... столб закопали, а другой столб – вот так. Его повесили, и эту вот так вот нажимали, и он кверху. С неделю висел за воровство. Это у нас приехали, все гребли, а они вроде честные. А если яблоко сорвал, это уже воровство. А? Это просто... И вот когда американец пришел, так хотелось... негде было эту взять гранату, этот дом, чтоб он взорвался бы. Ну, а еще боялись, они немцы-то «жополизники», они к американцам вась, вась там... Да, Америка-то, они и располагали завладеть, ничего не ломать, ничего не трогать, да.

Отправили в больницу и оттуда не вернулся. В Зуле. Ее в гроб и сожгли. И эту вот золу, ящик, передали этим... с Киева девочка была, матери, чтобы... Что она заболела вроде бы беркулезом. Что больной, что не больной – иди на работу и стой, и не говори, что ты больной. Да, теперь я Вам еще расскажу чего. Это вот у меня разрезали, уж так было больно, уж так было больно, теперь у меня зуб разболелся. Так

что же Вы думаете, сволочи сделали? Большой зуб оставили, а такой выдернули. Так болел, так болел и всем, всем заказали, чтобы в больницу только не ходить. Уж как лечить, уж как терпеть, лучше к Людвигу обратиться, а он обезболивающую таблетку даст и то... Я подошла со слезами и показала, что зуб больной, а этот, вот, выдернули хороший, а он мне таблетку дал. И он уволился, и я крест на эти больницы, будь они трижды прокляты, там они все были подлецы... Конечно, немцы, немцы.

Мы вот внизу, там немцы и мы, а где-то выше там кто... Да, ну, там они рядом, станки, обращались. А Вы знаете, там девушка с партизан, а рядом там бельгиец, рядом станки, и они там познакомились. Он взял ее замуж. Она блондинка и он блондин. Да, когда война закончилась, и он ее увез домой. А потому она рассказывала, домой не едет. Отец пришел домой безногий, он не мог ничего делать без ног, а мать нас, говорит, двери подпирала лопатой и уходила. С каким-то гуляла, гуляющая мать моя. Я, говорит, домой не поеду. И вот она по-английски как-то ему объяснила, что война закончилась, а ехать некуда, и он ее взял с собой.

Мы знали, но не так хорошо. Он всегда ей кушать... что сам кушает, он делит с ней пополам. Бельгиец, вот его станок, а вот ее станок. Да, иностранный рабочий, ... бельгийцев, их тоже в плен забрали.

О, им посылки слали. Ну, что ты! Им посылки слали, им карточки давали. Он и карточки отдавал ей. Она пойдет, эту буханку хлеба получит. В магазине. И карточку эту подаст, ей хлебушка. В Зуле магазин. Когда воскресенье. Когда выходной. Ну, с какими-то насмешками, вроде бы она с кем-то... Не могло быть, обсмеют. Заработала вроде телом, торгует она. Ну, а там она же уже немецкий выучила, она уже все слышит, что о ней говорят. Но она говорит: «Ну, их, пойду».

Объяснять им... Какие нам карточки, нам и деньги-то не платили! Мы «за так» там работали-то. Нам деньги не давали. Да.

Там горы, там леса. В лесах хоронили, они хоронили в лесах своих родственников, и на дереве там написано, кто под этим деревом, значит, лежит, какой-нибудь родственник. Потом нас в воскресенье повели, там высокая-высокая башня. И вот нам говорят, если туда кто поднимется, значит, денег или что-то дадут. И попробуй вот так вот подниматься, подниматься, на третьей ступеньке уже все. Туда никто не поднимется. Очень-очень надо сильного человека. А то мы, изнуренные, никто туда не поднимется.

А дома какие красивые! Дома у них у всех двухэтажные. Дома, чистота...

Картошку копали. Вот, например, воскресенье, осень. Приходят и говорят: «Кто пойдет к нам картошку копать?» А каждый поднимает руку. Да покушать! Давали покушать, покушать давали. И знаешь, скажешь: «Ой, калт, холодно, калт», покажешь «штрумпфы»¹², чулки. А она даст худые, ну, худые, а она покажет, как штопать. Так я научилась там штопать от немки и пришла всех научила и тут кое-кого. Сейчас я покажу. Не умела я штопать. Ну, конечно, вязали чулки. Ну, ковыляли, но не так же.

В моем доме... о свекрови я Вам сейчас расскажу. Когда мы, нас привезли доменные печи устанавливать в Донбасс, я с ним познакомилась. Он был нормальный человек-то. А когда приехали сюда, его мать гнала самогон, а мы два года с ней жили. Я зарабатывала на железной дороге... Вот там мы доменную печь устанавливали, когда сюда привез, мы с Перелешино гнали железную дорогу до этого, строили. И вот у меня родился первый, это второй, Саша, первого я на Украине маме оставила, Виктора, а этот там, в Донбассе, какой родился, маме там оставила, а с Сашей одним я сюда приехала, так. И она поддавала, а ему месяцев 8, наверное, было, и вот мы... с печки скинула его, приснился ей во сне, вроде, а у него глазки-то... ну, с глупиной был. И это вот, мы, когда сюда ушли, квартиру получили, в спальне, вот в той спальне, а тут жили Шкуржетовы, две семьи тут жили. У нее четверо детей, а у меня уже двое. У меня уже Саша и Ва-

¹² Искаженный немецкий. Правильно: die Strümpfe – женские чулки.

лентин. Двое детей, и она приперлась сюда. Я ей деньги там отдавала, а она мне хоть бы копейку вернула. Пятьсот рублей я получала. Ничего. А когда сюда пришли, она говорит: «Райка, ты мне денег будешь отдавать? Да ты что! Нет, конечно, нет. А чем я детей буду кормить? Ну, если ты не будешь, так Петя будет». Я говорю: «Навряд ли». Он мне сразу деньги отдавал. Навряд ли. «Ну, если тебе не будет... если мне не будет, и тебе не будет. Все равно будет пропивать». Лучше нехай пропьет. Ну и что, стали пить. А потом начали тут гнать самогон. Однажды прихожу, батюшки, приготовлю детям – все пожрут. «За тетей Акулей соскучились», федоровские. Гостей полно, грязь, я взяла и разбила эту вот ихнюю... Да. И сказала: «Если еще раз затеешься гнать, пойду сама заявлю». Так она научила, он меня начал бить, да. Ни за что. И все мне это... А детям я козочку привезла. Поехала в отпуск на Украину, и мне подарили там козочку. Она по четыре литра давала.

А я привезла такую, в кошелочке. И вот вырастила эту козочку, и она окотилась, и она козочку окотила. Две козы, они давали 7 литров в сутки. А я 4 литра себе оставляла, а 3 литра еще продавала. А три литра – это... одна литра 30 копеек стоит. 90 копеек, вот уже мне на хлеб, так. А козлят ко мне в очереди шли, писались, как только окотит козочку, чтобы... писались, чтоб мне продать. Я их продавала, а себе этих оставляла. Потом бутылки собирала, ходила. Вот иду, пойду вечером, я пошла на пенсию, а 13 лет еще работала. И 13 лет и бутылки собирала, и с огорода что. А детишек своих так учила: «Не пейте, не курите, людьми будете». Вот только Юра пробовал. «Юра, ты курил, запах-то у тебя есть». «Не». Вот даю 10 копеек им на два пирожка: «Смотрите, только не курите. Пирожок купите и съешьте, а не курите». И так я за ними следила, так я их уговаривала не пить, не курить, вот, в люди вышли. У Марии Яковлевны, ведь врач, и то оба дурачки-пьяницы. Вот что значит богатство, все... А я такая бедная была, а все же в люди вывела детей своих. Вот трое с высшим образованием. И Сашенька, он был бы у меня артистом. Как он любит петь! Как он любит танцевать! И вот я какую песню спою, и он сразу подхватывает. Я сейчас его тоже покажу Вам.

Я делала красивые прически. Хотела похожей быть на немку. Да. Хотела стройной ходить, не хотела пузо наедать, вот такую задницу. Хотела, чтоб я стройная была. Нравилось, вот как они одевались, нравилось мне. Идет немка, или мы – платья длинные, а у них короткие, все по ним. Так что я перехватывала хорошее, да. И я сейчас стригусь сама и его стригу, и детей своих стригу сама. Стригла маленьких, потом уж купила машинку и сама стригла.

Ну, как же, ведь пойдут, нас попросят картошку копать, а они зовут в дом кушать-то. И вот смотришь, как там хорошо, и как там во дворе цветы. У меня летом, когда они приехали, сколько у меня цветов, это вот розы и там розы. У меня столько цветов!

Там такая чистота, там и во дворе и все... Конечно, там как город, деревня как город. Там... у нас в городе так не чисто. Вот это вот что сказать, то сказать. Что чисто-чисто там, хорошо. Тоже собирали, как же. Собирали, собирали картошку. Они распахивали лошадю. Лошадю через борозду распашут, выберем, а потом опять.

Против них ничего не скажешь! Разве что-нибудь им скажешь? Ну, если попросишь у немки какой-нибудь. Ну, «штрупфи»... Да, в деревне, вот картошку там копаешь у них, а что порвалось... ну, нечем, где мы купим-то? Она даст и ниток и... Она говорит: «Не надо, не надо. Пусть у тебя». А когда у меня иголка и нитка, тогда кто у меня попросит – всегда пожалуйста.

Зуль не бомбили, это же американцы. Мы уходили, на фабриках были, а бомбили, бомбили-то они наши бараки. Наш дом разбомбили, где мы жили. Его же разбомбили, а два человека заболели, их убило. Остались, они не могли идти. И их разбомбили. Одна с Геническа, а другая с Днепропетровска. Пришли, а дома нашего нету. И ничего нету. Ну, мы были на фабрике. Фабрики и заводы не бомбили. Вот, гудок загудит, но мы правда в подвал спускались. Но их не бомбили, ни один завод не...

Сперва несколько появилось американцев... черные ходят какие-то, страшные... Негры-то эти здоровенные, и вот они стреляют. У них там эти вот рыбы, у каждого дома аквариум... Где рыбы плавают,

как? Ну, вот, пришли американцы там эти темные, темнокожие... Когда американцы пришли, мы уже на работу не пошли. В этот день, да. И американцы дали супу там сварить и наш [барак] разбомбили, а ребят потеснили. Ребята спали по одному, они по два. Освободили нам барак. И вот женщины там, мы заняли барак целый. И вот сверху, внизу по два человека. По два! Ну, вот их два человека спали, теперь они четыре. Тут два и там два. Их уплотнили, ну, и мы стали тоже... То мы спали сверху и внизу, по одному человеку, а там поплотнее, да.

А потом русские возьмут, ночью пойдут, у кого-нибудь корову стащат, убьют ее, зарежут, супу наварят хорошего. Ну, там же. И кухня, все же там. Там вот этих свиной... свиной там у того хозяина, свиной сколько было подростков и там котел большой, там варили этим свиным. Ну, вот этот котел помыли, в этом котле... Ага, варят. И вот нам по куску мяса, суп. Как американец пошел, мы вот так жили. Вот мы там два месяца, покамест наши всю эту войну закончили, ну, пока это разобрались, до нас дошло. Наших сперва вывозили, а потом уже какие американцы заняли. Уж мы в последнюю очередь. Это прошло два месяца, мы уже сил набрались. Ну, и когда уезжали, нам по 5 буханок хлеба дали на дорогу.

Машинами вывезли к нашим, а наши тогда... Мы ими рады, они нам рады. В вагоны. Ну, пока очередь дойдет, жили там день-два. Вот вызывают, вызывают, все-таки набрали на сколько вагоны идут, в вагонах разместились и поехали.

Немцы-то, они разбежались, в немецких домах [жили]. ... небольшими кучками.

Забыла рассылной пункт. Да, там был не один человек. Вот привезли машину, там сколько в этих домах мы. Ну, вот там полковник пишет все это, откуда, чего.

А у нас ни документов, разбомбили, ничего. Все, запрашивали, конечно.

Ну, что... «Деньги платили? Деньги у Вас есть?» У нас не было денег, потому что нам не платили.

А где-то платили, кто работал там с этими... ну, там нерусские, например, французы... с французами они работали рядом. Вот им платили, тем. Кому-то платили... Никогда нас никто не осматривал.

Поезда в вагонах. А Вы знаете что, ребята там наворовали, склад обобрали и повезли много сукна. Вот, военное... И когда они стащили где-то машинку, а машинка была ножная. Да. А у нас дома ножная машинка, и мы все умели шить ножной машинкой вот так (показывает, как шьют на ножной машинке). То вот ручная, а то обе руки работают... Я умела шить. Мы умели шить. Мы все научились шить. Мама шила, и мы шили. Так... И вот эти ребята говорят: «Ну, кто ж, кого же найти, хоть умел бы строчить». Вот там чех покроил им штаны, а шить как вот на этой машинке? А я говорю: «Ну, я шить не умею, а строчить я могу». Вот. «Ну-ка покажи». Они так вот дали мне, я стала шить эти вот самые и стала им штаны шить. Ну, только вы говорите, мол, я не портниха. А где строчить, как строчить. Они мне говорили: «Вот тут, вот тут». Так, и они мне дали сукна на пальто. Да, да. И я везла, и ты знаешь, когда я в вагоне везла, так у меня хотели его отнять. Один военный ехал с женой, и сказал: «Отдайте, отдайте! Она, – говорит, – там три года... Три года, – говорит, – мучилась. И этот какой-то клумак¹³ вы у нее забрали». По вагонам ходили. У кого-нибудь что-нибудь стырить. Да, да. Я уцепилась за него, они дергают, а я говорю, заплакала: «Ну, отдайте, ну, что вы». А он тогда встал, лежал на верхней полке. «Ну-ка, – говорит, – отдайте!» Да. Вот знаешь, слазаю я на Юрициной, а наши все едут-едут, все едут из Германии, едут... А наши ходили-ходили встречать, а дочь-то не пошли встречать. А я эту ночь приехала, а спасибо с Девятого... Вот мы на Десятом жили, а с Девятого мужчина, один колхоз-то, и спросил: «Как твоя фамилия-то?» Я: «Володина». А этой не было, его дочери? Я говорю: «Нет, никого я не видала». Если б была, я б ее увидала, когда наши сажали. Она позже потом приехала, она была у хозяина и позже. И он меня проводил. А то бы и... убивали. Вот одна приехала из Германии, и шла... вот наш Десятый, а там на Седьмой ей идти, а там пололи две женщины. Они ее убили и забрали это ба-

¹³ Клумак (украин.) – мешок.

рахло, а выкопали тляками и закопали. А вонища, и когда стали пахоть и выкопали. И знали, что она с Германии приехала и догадались, что это вот... А на Седьмом получилось так: военный, у него дома трое детей и жена, а он на медсестре женился и приехал туда к ней в Днепропетровск. Вот у них пожил, она родила мальчика. А он с печки слазил, как прыгнул и задушил этого мальчика. А он тайно получал письма до этого... Пойдет на почту, договорился, чтоб не приносили... От жены, да. Его дети так ждуть домой, и теперь он собрался ехать сюда. Мол, поедем ко мне, туда ко мне. Ее, зачем он ее забирал? Если уж не хотел жить, оставил бы. И вот он ее забрал и барахло, какое из Германии привез, забрал. И что же он сделал? Шел там мимо колодца, вот там, в поле колодцы такие вот круглые, эти вот... Воду брали, когда жарко, пить и полить там капусту или что. И он ее туда бросил. Они ждуть-ждут, письма нету, ждуть-ждут, нету. А там сторож слышал, что какой крик, какой-то крик, а он кирпичами туда бросал на нее, этот муж-то. А когда домой пришел и к сестре в скирд спрятал, уж с нее платье снял кровавое, он ее убивал еще живую... стояла, а потом уж сбросил в колодец-то. Кровавую одежду, а она-то, ой, не знала, что брат пришел: «Ой, ты глянь-ка, кто-то ко мне сунул одежду». Пришла вперед к ним, а он: «Дура, замолчи! И никому больше не говори». Ну, и она замолчала. А это мать и сестра приехали, сразу в милицию, что вот письма, где этот живет. И разоблачили его, он ее, оказывается, убил и придушил своего. И ему пожизненное дали, не посмотрели, что он воевал. Пожизненное дали.

Так, я постучалась в окно, а «Кто это?» Я говорю: «Мам, открой», «Ой! Раиска приехала! Раиска приехала!» Как кинулись к окну целоваться, обниматься, плакать! Дома... так, мама, Таня, Лариса, Нина и Коля. И я приехала.

Сукно положили, юбки пошила всем, а то вязаные юбки. Я вот так в окно смотрю утром, идет Лариса, а большая она ростом, а юбка вязанная и кофта вязанная, уж видно, из хлопка. Ну, а потом я юбки пошила. Куда форсить, хоть голь-то прикрыли. Очень хорошо, потому что чуть не в каждом доме в Германии были.

Да, такое же горе. И все... а Ульяны так долго не было что-то, ну, и потом она после всех приехала.

Нас сразу погнали в Донбасс устанавливать доменные печи. Ну, кто был в Германии, кто подростком... Как объявили? Доменные печи надо устанавливать.

Председатель сельсовета. Эгих ФЗУушников¹⁴ прислали, а мы, вот, с деревни этих людей. Почему не хотелось? Наоборот, хотелось. Потому что там денежки были. Будешь работать – денежки будут платить. А в колхозе чего? Трудодень. А че на трудодень? Ни денег, ничего.

Вот я его и выбрала, а он был красивый, большой. А я говорю, выбрать такого жениха, чтоб он был и большой, и красивый, чтоб дети были большие и красивые, да. А я была бедовая, танцевать умела. Как пойду плясать, доски гнутся. Где пляски, там и я. В деревне я еще была девчушкой, а без меня там... не в чем, ко мне приходили и валенки приносили ... только приди, посмеши. Вот, а мне, приду и начнем танцевать. Вот там был Сафронов Петька, он под меня, а я под него. Я: «Петя дорогой, аккуратненький носок, девять курочек садится, а десятый петушок». А начну плясать, пойду плясать, доски гнутся. Я еще в Орле была, плясала. «Танцевать пойду, головой качну, потом карими глазами завлекать начну. Завлекала, завлекала и сняла галоши с ног, я его давно забыла, он меня забыть не мог» (поет). И «Пол проломлю, потолок проломлю, на одной доске остануся, с девкой не расстануся» (поет).

Богу молились, и ложились, и вставали, чтоб нас Бог сохранил. Отец наш, создатель наш небесный, с Богом мы, и сейчас с Богом. Сейчас у меня Библия, и ложусь, и встаю... Вот я, например, как ложусь: «Отец наш, Создатель наш... Отец наш, Создатель наш, на небесах да святится имя Твое, да будет Царство Твое, да будет воля Твоя, как на земле, так на небесах, хлеб наш насущий дай нам на сей день, прости нам долги наши, как и мы прощаем должников наших,

¹⁴ ФЗУшники (разговорное) – учащиеся фабрично-заводских училищ.

не введи нас в искушение, избавь нас от лукавого, ибо есть Твое Царство, имя, слава, сила во веки. Аминь. Господи Иисусе, прости меня великую грешницу, я нуждаюсь в Тебе, открываю двери своего сердца. Войди в мое сердце, я принимаю Тебя, как своего спасителя Господа. Возьми в свои руки всю мою жизнь, управляй ею, измени меня так, чтобы Ты был доволен мною. Благодарю Тебя, Господи, за прощение моих грехов. Слава, низкий поклон Богу, великому триединому – Отцу, Сыну и Святому духу. Аминь».

Да он-то Донбасс, он там рядом ... Конечно, на машинах. Да там он близко. Вот Геническ, где мы жили, Генический район... и Донбасс, там они близко. Сразу в общежитиях, а потом нам квартиру дали. Мы поженились с ним, нам квартиру дали. Я его сразу заметила. Там один еврей за мной был, потом другой, это еще русский. А тот, сперва я с тем русским, он тоже отсюда недалеко, а он у кого-то сухари там украл, а его посадили на семь лет. За сухари. А этот вот еврей, он так ухаживал за мной. Он из детского дома, рисовал дюже хорошо, меня нарисовал, все. Я думала с тем, а когда узнаю, он с одним бандитюгой. Я думала он с ним..., а он у него «шестеркой». Вот, чтоб он его не трогал, так он ему и все делал, и все это вот для него. А я думала, с такой гадостью я буду. Бандитюга! Они, вон, у кого украдут платье, у меня платье украли. Платье было это вот, оно шерстяное, только вот тут вот штопанное все это. Я из Германии привезла. А сама вышила, тут вот вышила и тут вот нарядила платье. А они у меня украли. И я презирала таких людей, которые воруют. А оказался он потом в Москве, инструктор работ и никакой он не вор. А он просто угождал этому, твари.

И он тоже техник закончил, он строитель, он дома строил. Он из простых, а девки за ним. А я думаю: «Ничего, он мой будет». Он в нашем общежитии с девчонкой встречался, а девчонкин кавалер лежал в больнице. А он пришел к ней, и той девчонки муж, ой, жених, они хотели уже сходиться, пришел из больницы. И он пришел, а у нее он. А он идет по коридору, такой загорился, а я несу, суп сварила. Я: «О!» «Заходи, – я говорю, – супом угощу». А он в нашу комнату-то зашел и сидит. А я себе налила и говорю: «Покушай!», а он застес-

нялся. А мне из дома сестра приезжала, привезла такие вот «суслики». Это называются такие коржики, ну, у нас там называют «суслики». Я ему беру, в карман насыпала... Да, а он пришел туда и ребят своих угостил. Ну, и... и так он ко мне... мы поженились сразу. Трудармия. Он ФЗУшник. Тогда уже в армию никого не брали, а брали работать, работать, работать. А он моложе меня на 2 года. Я с 26-го..., а он – 28-го.

Вот такие тачки возили с землей. Тяжелая работа была, да. На третий год приехали. Два года, да. На третий год мы приехали.

Вот у меня брат вот этот вот, за Ивана рассказываю, он попал в плен. Попал в плен, а работал у женщины. Ну, муж убитый у нее, и у нее были поросята. И вот он рассказывает, что, значит, свиней там чистил, а ночевать ходил в общежитие – там, где пленные. «И я, – говорит, – бывало, у нее кусок сала украду, в тряпку заверну, опущу в ссаки эти вот, вынесу, там спрячу...». За свиньями ухаживает-то. «И вот, – говорит, – принесу и по кусочку ребятам». Я говорю: «Как же ты делился-то? Ведь такой жадный». Ну, говорит: «Я ж там, она меня покормила, а это я украду хоть ребятам по кусочку. И я, – говорит, – когда она кинулась, куда сало делось, а я: «не знаю». Ты, говорит! Ну, кто кроме тебя? А я, – говорит, – говорю, ну, как я могу? Ну, ты сама видишь, я уходил и ничего у меня не было. А я, говорит, вот в ведро, и куда помой выливаю, там спрячу. А когда иду – в сумку и пошел домой». Вот такой был. Ну, выжил он, он пришел из плена. Как всех отпускали, так и он. Женился, в Орле взял Настю. Настя еще жива, а он уже 7 лет как умер. А жена жива. Нормально все. ...

Платили хорошо, это мать нас перетянула. Ну, и хорошо, там сейчас война идет. Мать жила... село забыла. Вон Красное, Федоровка! В Федоровке, в селе.

Мы приехали в Федоровку... К матери, а стали на работу ходить на завод. Чтоб денежки получать, а не в колхоз... Он же уже мастером работал, он дома строил.

... А мы на железной дороге с Таськой Чурилиной, ходили на завод. И железную дорогу с Перелешино, чтобы... Строили завод, так чтобы поезд сюда ходил. Ага, а потом дома стали строить. Сперва двухэтажки... Не мы, мы на железной дороге так и работали, а потом вот эти вот. И вот, мы жили сперва в спальне на два хозяина, а потом мы остались тут... И была Алексеевна, они уже умерли, мы их пережили, вот Валя уехала в Ленинград. Валя уехала в Ленинград к детям. А не надо было ехать к детям-то, хуже ей стало там. То они к ней в гости приезжали, а то... А сейчас она плохо, вот мы когда позвоним: «Как, Валя?» «Ой, да, – говорит, – плохо, с детьми не ладим».

Да, декрет был. Два [месяца]...

Ну, а потом детский сад, детские ясли. Да и тут вот я отдавала Валентина двухмесячного. Третий. Виктор. Второй Саша. Юра последний, ага. А девочка была у меня. Девочка умерла. Да. ... И жить было негде, какая беднота! Это вот сейчас пенсии стали платить, все же три пенсии. Ну, а то такая беднота была, Боже мой! Как я вертелась! Вот то, что выращу, клубника была, тут малина, а в поле картошка. А там еще кусочек у меня земли, там капусту. Все на базар, все... Дети учились, надо им послать, надо их обушь, одеть. А на пенсию пошла, 13 лет работала в яслях.

Над книгой работали

Авторы статей

Биннер Йенс

Доктор, историк, в 2007-2010 гг. являлся научным сотрудником фонда «Мемориалы Бухенвальда и Миттельбау-Дора», работал в проекте «Международная передвижная выставка: принудительный труд при национал-социализме». В 2010-2012 гг. – куратор и научный сотрудник фонда «Лагерь Зандбостель», в 2013-2015 гг. – научный сотрудник в ряде проектов института истории Йенского университета имени Фридриха Шиллера и фонда «Мемориалы Бухенвальда и Миттельбау-Дора». С 2015 г. руководитель отдела по связям с общественностью и организационного отдела фонда «Мемориалы Нижней Саксонии».

Вайн Дороте

Дипломированный этнолог и политолог. С 2008 г. является научным сотрудником в Центре цифровых систем Свободного университета г. Берлин. До этого работала в сфере разработки концепции и организации постоянных выставок для мемориала Заксенхаузен. На протяжении нескольких лет занимается разработкой цифровых образовательных ресурсов на базе устноисторических источников. Один из ее последних проектов – разработка онлайн-платформы «Обучение на основе интервью» и поддержка при создании версий платформы в других странах.

Ермаков Александр

Доктор ист. наук, окончил Ярославский государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ). В 1996 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Имперская трудовая повинность в национал-социалистической Германии», в 2010 – диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Нацистские девичьи и женские организации в системе гендерных отношений Третьего рейха». Автор более 150 научных публикаций, в том числе не-

скольких монографий по новейшей истории Германии, гендерной истории, истории Холокоста. С 1991 г. работает в ЯГПУ на кафедре всеобщей истории.

Князева Ольга

Учитель истории ГБОУ «Инженерно-технологическая школа № 777», методист Информационно-методического центра Приморского района г. Санкт-Петербург. Участвовала в научно-образовательных семинарах на тему «Принудительный труд 1939-1945. Воспоминания и история», состоявшихся в Курском государственном университете (2018 г.), Елецком государственном университете (2018 г.), Ярославском государственном педагогическом университете (2019 г.) и Волгоградском государственном социально-педагогическом университете (2019 г.).

Ле Альмут

Историк, доктор наук. С 1994 г. научный сотрудник Института истории и биографии Заочного университета в Хагене и руководитель архива «Deutsches Gedächtnis» («Немецкая память»), редактор и издатель журнала «BIOS» («Журнал биографических исследований и устной истории»), член совета Международной ассоциации устной истории, пресс-секретарь группы исследователей «Цифровые гуманитарные науки. Исследования в цифровом пространстве» по направлению «цифровая культура» Заочного университета в Хагене.

Лёльке Янна

Дипломированный специалист в области социологии и культурологии, окончила Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого. В 2010-2014 гг. работала волонтером-исследователем и научным сотрудником в Мемориальном комплексе Равенсбрюк / фонд «Мемориалы Бранденбурга». С 2016 г. является научным сотрудником в проекте по реконструкции мемориала в тюрьме города Вольфенбюттель / фонд «Мемориалы Нижней Саксонии». Основная сфера научных интересов – история национал-социализма и британской военной юстиции.

Майр Биргит

Родилась в Австрии, с 1986 г. живет в Нюрнберге (ФРГ), где стала сооснователем Института социологических исследований, образования и консалтинга. Социолог по образованию и эксперт в области правого экстремизма. Участвует в международных исследовательских проектах, посвященных нацистскому рабскому и принудительному труду. Организовала в школах Германии 280 встреч с пережившими Холокост, включая выходцев из Советского Союза. Ей принадлежит концепция передвижной выставки о преступлениях неонацистской террористической группы NSU («Национал-социалистическое подполье»).

Станьчик Анна

Сотрудник Государственного музея Аушвиц-Биркенау (Польша) с 2011 г. С 2016 г. работает в отделе образовательных проектов Международного центра просвещения об Аушвице и Холокосте. Отвечает за подготовку конференций и семинаров. Выпускница Ягеллонского университета в Кракове по специальности «русская филология». Прошла обучение по программе «Тоталитаризм – Нацизм – Холокост».

Тимофеева Наталья

Канд. ист. наук, окончила университет имени Мартина Лютера (ФРГ). Является руководителем Научно-образовательного центра устной истории ВИБТ. Преподавала новейшую историю стран Запада в Воронежском государственном педагогическом университете, историю государства и права зарубежных стран в Российском государственном университете правосудия. В Свято-Филаретовском православно-христианском институте читает курс лекций по проблемам устной истории. Автор более 120 научных публикаций на русском, немецком и украинском языках. Входит в состав Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, Международного комитета Равенсбрюка и Консультативного совета при мемориальном комплексе Берген-Бельзен.

Фастова Елена

Канд. пед. наук, окончила Волгоградский государственный университет. Преподает в Волгоградском кадетском корпусе Следственного комитета Российской Федерации им. Ф. Ф. Слипченко. Работает по совместительству на кафедре всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Автор более 50 публикаций. Была инициатором и организатором ряда научных и образовательных проектов по направлениям инновационного развития системы образования региона.

Шерстяной Эльке

Доктор наук. Выпускница исторического факультета Краснодарского государственного университета (1980 г.), позже (до 1991 г.) – научный сотрудник Центрального института истории Академии наук ГДР. В 1992-1993 гг. преподавала в университете имени Гумбольдта в Берлине, с 1994 г. – научный сотрудник Института современной истории Мюнхен-Берлин, приглашенный профессор в Берлине и Хемнице. Основные направления исследований: советские интересы в Восточной Германии с 1945 г., история советской зоны оккупации и ГДР, повседневная жизнь военнослужащих оккупационных войск, немецкие военнопленные в Советском Союзе, устная история.

Перевод с немецкого языка

Артемова Елена

Дипломированный специалист в области истории и лингвистики. Выпускница историко-педагогического факультета Воронежского государственного педагогического института (1990 г.) и факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета (1999 г.). Работает в международной IT компании, по совместительству – в Научно-образовательном центре устной истории (Воронежский институт высоких технологий) в рамках проекта по

распространению онлайн-платформы «Обучение на основе интервью. Принудительный труд 1939-1945 гг.» и ее внедрению в школьную и вузовскую практику.

Малахова Татьяна

Старший преподаватель кафедры немецкого языка Воронежского государственного педагогического университета (ВГПУ), окончила университет им. Мартина Лютера (ФРГ) по направлению «Языкознание и литературоведение», имеет квалификацию – «филолог, преподаватель». После окончания аспирантуры при РГПУ им. Герцена (Санкт-Петербург) получила квалификацию – «филолог-исследователь». Долговременный руководитель Центра учебно-методической литературы при кафедре немецкого языка ВГПУ, созданного при поддержке немецкого культурного Центра им. Гете (Москва).

Научное издание

Принудительный труд 1939-1945. Опыт международного проекта

Верстка Н. А. Черновой, Е. В. Артемовой
Корректурa В. В. Савченко

Подписано в печать 25.05.2020. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 13,25. Тираж 100 экз. Заказ 115

ООО Издательско-полиграфический центр «Научная книга»
394018, г. Воронеж, ул. Никитинская, 38, оф. 308
Тел.: +7 (473) 200-81-02, 200-81-04
<http://www.n-kniga.ru> E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга»
394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 11/5
Тел.: +7 (473) 220-57-15, 296-90-83
<http://www.n-kniga.ru> E-mail: typ@n-kniga.ru